

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ РАН»

На правах рукописи

Кауганов Евгений Леонидович

Содержание и динамика немецкой национальной идентичности
после Второй мировой войны (1945-2000-е гг.)

Специальность 07.00.07 – этнография, этнология, антропология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Мартынова М.Ю.

Москва – 2015

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Дискурс о нацистском прошлом и динамика национальной идентичности в разделенной Германии (1945-1990 гг.).....	32
1.1. 1945: распад немецкой государственности и «час ноль».....	32
1.2. Тезис о коллективной вине и немецкая «перспектива жертвы».....	35
1.3. Переоценка «перспективы жертвы» в 1950-1970-е гг.....	44
1.4. «Новая восточная политика» ФРГ: отказ от «перспективы жертвы» на внешнеполитическом уровне.....	57
1.5. Коллизия подходов к оценке прошлого в ФРГ в 1980-е гг.....	62
1.5.1. Дискурс «нормализации» немецкой идентичности в политике Г. Коля и его конфликт с дискурсом ответственности за прошлое.....	62
1.5.2. «Спор историков»: ключевая дискуссия о нацистском прошлом и немецкой национальной идентичности 1980-х гг.....	66
1.6. Отношение к проблеме нацистского прошлого в ГДР и основные черты восточно-германской идентичности.....	79
Глава 2. Дискурс о нацистском прошлом и динамика национальной идентичности в объединенной Германии (1990-2000-е гг.).....	90
2.1. Значение объединения Германии для национальной идентичности немцев.....	90
2.2. Ключевые общественные дискуссии о нацистском прошлом и немецкой национальной идентичности в 1990-е гг.....	95
2.2.1. Выставка «Преступления Вермахта»: развенчание мифа о «незапятнанной» армии.....	96

2.2.2. Дебаты о книге Д. Гольдхагена «Добровольные исполнители Гитлера»: реактуализация проблемы вины немцев за преступления нацизма.....	117
2.2.3. «Дебаты Вальзера-Бубиса»: проверка немецкого консенсуса о нацистском прошлом.....	135
Заключение.....	147
Список источников и литературы.....	160

ВВЕДЕНИЕ

В результате поражения во Второй мировой войне немецкая нация пережила фундаментальный разрыв государственно-политического и социокультурного континуитета, значение которого для национальной идентичности Германии трудно переоценить. После 1945 г. немецкий народ дистанцировался от масштабного комплекса своей предвоенной идентичности, многих ценностных ориентаций, сложившихся убеждений и стереотипов. Поражение в войне и связанный с ним распад германской государственности привел большинство немцев к убеждению, что национальная идентичность, базирующаяся на идее превосходства немецкой нации над другими, является тупиковой и контрпродуктивной. Как отмечает историк, профессор Ливерпульского университета Франк Брунсен, именно последствия Второй мировой войны создали почву для утверждения осознания в умах европейцев (и прежде всего, немцев) необходимости политической, культурной и экономической супранациональной интеграции, и стали залогом мирного сотрудничества и взаимопонимания между европейскими странами¹. Соответственно, проблема осмысления нацистского режима 1933-1945 гг., приведшего немцев к национальной катастрофе и глубочайшему политическому кризису за всю историю немецкого государства, стала важнейшим элементом национального самосознания послевоенной Германии.

Актуальность темы диссертационного исследования вытекает из необходимости понимания специфики трансформации немецкой национальной идентичности после 1945 г. Изучение общественных дискуссий о нацистском прошлом в ФРГ позволит объяснить многие социально-политические процессы, оказывающие влияние на внешнюю и внутреннюю политику немецкого государства. Исследование дискуссий о нацистском прошлом в послевоенной Германии даст возможность объяснить:

¹ Brunssen Frank. Das neue Selbstverständnis der Berliner Republik. – Würzburg: Königshausen und Neumann, 2005. – S. 27, 151.

1.) особенности развития немецкого национального самосознания в первое послевоенное время и в эпоху существования двух немецких государств;

2.) особенности развития немецкого национального самосознания после объединения Германии в 1989-1990 гг.;

3.) смысл и значение, которое имеет для Германии активное участие в процессе европейской интеграции;

4.) характерные особенности внешней и внутренней (в том числе иммиграционной) политики ФРГ;

В политическом и экономическом аспектах Федеративная Республика Германия является сегодня одним из наиболее развитых и влиятельных государств Европы. Таким образом, исследование названных вопросов продиктовано, помимо прочего, и той значительной ролью, которую играет ФРГ в европейской и мировой политике. ФРГ также традиционно является одним из главных экономических партнеров России и играет большую роль в российской внешней политике. Следовательно, изучение названных вопросов является актуальным для выстраивания и поддержания эффективного сотрудничества двух стран.

Объектом исследования является содержание и динамика немецкой национальной идентичности после 1945 г., главным элементом которой выступает коллективная память о нацистском прошлом Германии 1933-1945 гг.

Предметом исследования является рефлексия и оценка нацистского прошлого в общественном дискурсе разделенной Германии в 1945-1990 гг. и в объединенной Германии с 1990 по конец 1990-х – начало 2000-х гг.

Цель работы – провести исследование содержания и динамики немецкой национальной идентичности после 1945 г. в ее соотнесенности с историческим контекстом развития Германии после Второй мировой войны, показать, как процесс рефлексии нацистского прошлого протекал на разных этапах послевоенной истории Германии и какое влияние он оказывал на национальное

самовосприятие немцев, а также на общественно-политическую ситуацию в Германии.

Достижение цели исследования предполагает решение следующих **задач**:

1.) Изучить общественно-политическую ситуацию в Германии в 1945-1950-е гг., обозначить основные установки по отношению к эпохе нацизма, господствовавшие в немецком обществе в данный период;

2.) Изучить мнения немецких политиков и ученых относительно проблемы нацистского прошлого Германии в 1945-1950-е гг. и оценить степень их влияния на общественное мнение;

3.) Рассмотреть основные этапы проработки нацистского прошлого в ФРГ, выяснить, какие события и факторы оказали влияние на отношение немецкого общества к нацистскому прошлому и проблеме ответственности за него;

4.) Рассмотреть процесс изменения государственной политики ФРГ относительно комплекса проблем, связанных с нацистским прошлым Германии;

5.) Рассмотреть особенности отношения к проблеме нацистского прошлого в ГДР, определить, какое значение ему отводилось в контексте восточно-германской идентичности;

6.) Проанализировать значение смены поколений и роль «поколения 1968-го года» в изменении подхода к проблеме нацистского прошлого в ФРГ;

7.) Проанализировать главные общественные дебаты 1980-1990-х гг. о сущности и значении нацистского прошлого для национальной идентичности Германии, оценить их влияние на консолидацию немецкой культуры памяти о нацизме.

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают период с 1945 по 1990-е – начало 2000-х гг. В первой главе, затрагивающей период с 1945 по 1990 гг., в центре внимания находятся, прежде всего, политические и социокультурные процессы, оказавшие влияние на немецкую

культуру памяти. Во второй главе, охватывающей период с 1990 по начало 2000-х гг., подробно анализируются фундаментальные для объединенной Германии дебаты о нацистском прошлом и его значении для национальной идентичности немцев. Такое распределение акцентов не случайно, так как можно констатировать, что фаза проработки прошлого на институциональном уровне в целом заканчивается в Германии именно к 1989-1990 гг., то есть ко времени объединения ФРГ и ГДР. Последующая фаза проработки прошлого протекает уже не в плоскости политики, институциональных и юридических решений, а главным образом в плоскости широкого общественного дискурса, в котором принимают участие как интеллектуальные элиты (историки, социологи, политологи, журналисты), так и широкая общественность. Следует сказать, что в диссертации меньше внимание уделено ГДР, в которой ввиду особенностей политического развития ответственность о нацистском прошлом была не интегрирована в общественный дискурс, а экстерииоризирована, исключена из него.

Теоретико-методологическая основа исследования.

Теоретической базой диссертационного исследования выступает концепция конструктивизма, основы которого были сформулированы в трудах Э. Геллнера², Б. Андерсона³, Ф. Барта⁴, П. Бергера и Т. Лукмана⁵, и положения которого были развиты в трудах В.А. Тишкова⁶, О. Данна⁷, М. Р. Лепсиуса⁸ и

² Геллнер Э. Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.

³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.

⁴ Barth Fredrik. Models of social organization. Occasional Paper No. 23 – London: Royal Anthropological Institute, 1966. – 32 S.; Ethnic groups and boundaries. The social organization of culture difference / Barth Fredrik (Ed.). – Oslo: Universitetsforlaget, 1969. – 153 S.

⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Московский философский фонд «Academia-Центр», «Медиум», 1995. – 336 с.

⁶ Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Издательство Московского университета, 2010. – 375 с.; Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. – М.: Наука, 2013. – 655 с.

⁷ Данн Отто. Нации и национализм в Германии 1770-1990. СПб.: Наука, 2003. – 468 с.

⁸ Lepsius M. Rainer. Das Erbe des Nationalsozialismus und die politische Kultur der Nachfolgestaaten des "Großdeutschen Reiches" // Kultur und Gesellschaft. Verhandlungen des 24. Deutschen Soziologentages, des 11. Österreichischen Soziologentages und des 8. Kongresses der Schweizerischen Gesellschaft für Soziologie in Zürich 1988 / Haller Max, Hoffmann-Nowotny Hans-Joachim, Zapf Wolfgang (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 1989. – S. 247-264; Lepsius M. Rainer. Nation und Nationalismus in Deutschland // 1990: Interessen, Ideen und Institutionen / Lepsius M. Rainer (Hrsg.). – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1982. – S. 232-246.

др. В противоположность примордиалистскому (или эссенциалистскому) подходу, конструктивистский подход подчеркивает динамический характер национальной идентичности, ее проективный характер.

Исходным теоретико-методологическим положением диссертации является тезис о принципиальной корреляции между национальной идентичностью и коллективной памятью. Данный тезис рассматривается и обосновывается в ряде исследований преимущественно немецкоязычных авторов как в теоретическом контексте, так и применительно к конкретной исторической ситуации ФРГ.

Авторство концепции коллективной памяти принадлежит французскому социологу М. Хальбваксу. Хальбвакс постулировал, что воспоминание в значительной мере является «реконструкцией прошлого при помощи данных, полученных в настоящем, и к тому же подготовленной предшествующими реконструкциями, которые уже сильно видоизменили прежнюю картину»⁹. Ученый подчеркивал, что память обогащается с чужой помощью, и как только привнесенные в нее извне элементы укореняются, они уже больше не отличаются от остальных воспоминаний¹⁰. Отталкиваясь от постулатов Хальбвакса, исследователь проблем национальной идентичности А. Ассман делает следующий теоретический вывод: если не существует коллективной памяти, то не существует и общности, и, следовательно, коллективной идентичности¹¹. Согласно А. Ассман, память соединяет прошлое с настоящим и будущим коллектива, что делает ее центральным ресурсом коллективного самоопределения, политической легитимации и социальной мобилизации¹². Прошлое актуально существует посредством коммуникации, общественного дискурса, который включает в себя межличностное общение, дебаты, телевидение, памятники и монументы. Особая роль в дискурсе о прошлом

⁹ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 33.

¹⁰ Там же. С. 40.

¹¹ Assmann Aleida, Frevert Ute. *Geschichtsvergessenheit – Geschichtsversessenheit. Vom Umgang mit deutschen Vergangenheiten nach 1945.* – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1999. – S. 27.

¹² Ibid.

принадлежит историографии, так как она участвует в выработке исторического сознания, трактуя прошлое¹³. Эти элементы дискурса могут быть названы одновременно и медиумом, и результатом базирующейся на памяти коммуникации¹⁴. Названные формы памяти в своей совокупности также могут быть определены обобщенным понятием «культура памяти» - термином, впервые введенным в научный лексикон немецким историком П. Райхелем¹⁵.

Значение памяти о прошлом как фундаментальном элементе национальной идентичности отмечают немецкие исследователи В. Вайденфельд и К.-Р. Корте¹⁶. По оценке исследователей, для национальной идентичности конститутивное значение имеет в первую очередь отношение к прошлому, накопление в коллективной памяти достойных памяти событий и их оценка. Другими компонентами национальной идентичности являются актуальная социальная и политическая диспозиция, и, наконец, проект (комплекс целей и намерений), направленный на реализацию в будущем¹⁷.

Большое значение для осмысления проблематики послевоенной немецкой идентичности имеет концепт «преодоления прошлого». Данный термин, появившийся в 1950-е гг., имеет несколько возможных коннотаций и может трактоваться, во-первых, как стремление избавиться от прошлого путем вытеснения воспоминаний и забвения. В таком смысле «преодоление прошлого» толковала, к примеру, немецко-американский политолог Х. Арендт¹⁸ и М. и А. Мичерлих в работе «Неспособность к скорби»¹⁹. Другая коннотация «преодоления прошлого», напротив, подразумевает «проработку прошлого» (термин Т. Адорно), его строгую критическую рефлексию и

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. S. 34.

¹⁵ Cornelißen Christoph. Erinnerungskulturen. // Zeitgeschichte – Konzepte und Methoden / Bösch Frank, Danyel Jürgen (Hrsg.). – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2012. – S. 166.

¹⁶ Weidenfeld Werner Weidenfeld Wolfgang, Korte Karl-Rudolf. Die Deutschen. Profil einer Nation. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1991. – 275 S.

¹⁷ Ibid. S. 85.

¹⁸ См. Arendt Hannah. Besuch in Deutschland 1950 // Hannah Arendt. Zur Zeit. Politische Essays / Knott Marie Luise (Hrsg.). – München: dtv, 1986. – S. 43-70.

¹⁹ См. Mitscherlich Alexander, Mitscherlich Margarete. Die Unfähigkeit zu trauern. Grundlagen kollektiven Verhaltens. – München Piper Verlag, 1967. – 369 S.

оценку²⁰. По характеристике Г. Бордюгова, в этом смысле под «преодолением прошлого» имеется в виду прежде всего знание о прошлом, его демифологизация, расширение пределов социальной памяти и формирование чувства ответственности²¹.

Еще раз обращаясь к концепции А. Ассман, можно обозначить национальную идентичность как динамическую категорию, строящуюся на исторической памяти общества. Последняя, в свою очередь, находится под влиянием групп интеллектуальной и общественно-политической элиты, которые расставляют акценты и фильтруют те или иные аспекты исторического прошлого²². В этом смысле национальная идентичность является социальным конструктом и формой «самопредставления», в которой центральную роль играет историческая память²³.

Немецкий историк, исследователь проблем национальной идентичности Б. Эстель также утверждает, что картина памяти, составляющая основу национальной идентичности, конституируется в значительной степени культурными и политическими элитами²⁴. Национальной идентичности присущ динамический, изменчивый характер, и триггерами этой динамики, согласно Эстелю, являются главные для национальной истории события, характеризующиеся высоким моральным значением.

Крупный немецкий социолог М. Р. Лепсиус также указывает на изменчивый, динамичный характер национальной идентичности. По определению Лепсиуса, нация является прежде всего «помысленным порядком» (*gedachte Ordnung*), «культурно определяемым представлением», которое рассматривает человеческий коллектив как единство. Какой характер

²⁰ Steinbach Peter. Nationalsozialistische Gewaltverbrechen: Die Diskussion in der deutschen Öffentlichkeit nach 1945. – Berlin: Colloquium-Verlag, 1981. – S. 8.

²¹ Бордюгов Г. Вступление // Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. Международная конференция / под ред. К. Айермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2002. – С. 10-12.

²² Assmann A, Frevort U. Op. cit. S. 132.

²³ Ibid. S. 133.

²⁴ Estel Bernd. Grundaspekte der Nation // Das Prinzip Nation in modernen Gesellschaften. Länderdiagnosen und Theoretische Perspektiven / Estel Bernd, Mayer Tilman (Hrsg.). – Opladen: Verlag für Sozialwissenschaften, 1994. – S. 32.

должно иметь это единство, зависит от критериев определения национального коллектива²⁵. Если критерии являются этническими, то нация понимается как общность единого происхождения, в свою очередь, приоритет государственно-гражданских критериев рассматривает нацию как общность граждан государства²⁶. Лепсиус также придерживается мнения, что главную роль в процессе конституирования национальной идентичности играют элиты, однако делает важное уточнение: утверждение той или иной модели национальной идентичности напрямую зависит от степени ее осмысленности и социальной приемлемости с точки зрения не-элит, то есть большинства членов национального коллектива²⁷. Лепсиус определяет в качестве фундаментального элемента немецкой национальной идентичности цезуру 1945 г., которая знаменовала собой поворот от этноцентристских установок к модели гражданской нации²⁸. Эпоха нацизма в такой оптике приобрела негативную семантику как символ ошибочного пути исторического развития.

В свою очередь, В.А. Тишков определяет национальную идентичность как «один из видов групповой идентичности по принадлежности к нации»²⁹. Последняя понимается как «государственно-территориальная, политико-правовая общность на основе комплекса политических, историко-культурных и морально-правовых характеристик»³⁰. По словам Тишкова, «природа и содержание национальной идентичности динамичны и разнообразны [...]. Мы можем определить национальную идентичность как общеразделяемое представление граждан о своей стране, ее народе и как чувство принадлежности к ним»³¹.

²⁵ Lepsius M. Rainer. Nation und Nationalismus in Deutschland // 1990: Interessen, Ideen und Institutionen / Lepsius M. Rainer (Hrsg.). – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1982. – S. 233.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid. S. 245.

²⁸ Ibid. S. 244.

²⁹ Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. – М.: Издательство: Наука, 2013. – С. 64-65.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

Суммируя все вышесказанное, можно обобщенно определить национальную идентичность как коллективное самосознание представителей нации, изменчивую во времени. Фундаментом национальной идентичности выступает коллективная память, в которой сохраняются воспоминания о важнейших для национального коллектива событиях.

Ключевым элементом коллективной немецкой памяти после 1945 г. стала эпоха нацизма. По оценке М. Р. Лепсиуса, нацизм является «центральным референтным событием в контексте политической культуры ФРГ, базовым нарративом ее самосознания»³². Общественный дискурс, общественные дискуссии о нацистском прошлом имели в послевоенной Германии особое значение для конституирования новой национальной идентичности, формируя консенсус, устойчивые ментальные и нравственные установки в отношении немецкой истории, немецкой современности и немецкого будущего. Из негативного отношения к нацизму выводилась новая система политических и моральных ценностей, «Третий рейх» становился своеобразным «негативным масштабом» измерения легитимности действий в настоящем.

Основным методом диссертационного исследования является дискурс-анализ. Дискурс-анализ является анализом общественных дискуссий – он понимает дискурсы как общественное достояние, которое производится, репродуцируется и изменяется в спорах между административными и культурно-политическими элитами. Дискурс-анализ изучает возникновение, распространение, институционализацию и исторические изменения более или менее разделяемых коллективом интерпретаций политических смыслов³³. Дискурсы действуют в пространстве общественного мнения и формируют его³⁴. Немецкий социолог Ф. Найдхардт предложил модель описания и анализа

³² Lepsius M. Rainer. Das Erbe des Nationalsozialismus und die politische Kultur der Nachfolgestaaten des "Großdeutschen Reiches" // Kultur und Gesellschaft. Verhandlungen des 24. Deutschen Soziologentages, des 11. Österreichischen Soziologentages und des 8. Kongresses der Schweizerischen Gesellschaft für Soziologie in Zürich 1988 / Haller Max, Hoffmann-Nowotny Hans-Joachim, Zapf Wolfgang (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 1989. – S. 247.

³³ Schwab-Trapp Michael. Kriegsdiskurse. Die politische Kultur des Krieges im Wandel 1991-1999. – Opladen: Leske und Budrich Verlag, 2002. – S. 36.

³⁴ Ibid.

современного общественного мнения на основе четких эмпирических наблюдений. Найдхардт подчеркивает разницу между общественным мнением и мнением населения: последнее является «суммой демоскопически собранных, статистических мнений», общественное мнение, в свою очередь, является «мнением, выраженным посредством СМИ, адресованным публике и обладающим нормативным аспектом»³⁵. Господствующим такое мнение становится тогда, когда высказывание противоположных ему аргументов, оценок и выводов вызывает сопротивление большинства акторов дискурса, что ведет к маргинализации и потере престижа актора, придерживающегося отклоняющихся от господствующего мнения позиций³⁶.

Методология диссертационного исследования базируется на принципах историзма, научной достоверности, объективности. Исследование также опирается на системный и сравнительно-исторический методы, с помощью которых была предпринята попытка выявить системные тенденции в развитии послевоенной немецкой идентичности и культуры памяти о нацизме, сравнить различные подходы в контексте их проблематики. Также в диссертации применен проблемно-хронологический метод, предполагающий разделение общей темы исследования на ряд более узко очерченных тем и их рассмотрение в хронологической последовательности.

Степень разработанности темы в научной литературе.

Большая часть работ, посвященных проблематике немецкой национальной идентичности, написана зарубежными исследователями. Наиболее глубоко тема нацистского прошлого в контексте немецкой идентичности разработана немецкими учеными, что обусловило обращение в первую очередь к их трудам. Из российских исследований проблематики немецкой идентичности в ее соотнесенности с нацистским прошлым следует в

³⁵ Neidhardt Friedhelm. Einleitung // Öffentlichkeit, öffentliche Meinung und soziale Bewegungen / Neidhardt Friedhelm (Hrsg.). – Opladen: Verlag für Sozialwissenschaften, 1994. – S. 26.

³⁶ Ibid.

первую очередь назвать работы А.И. Борозняка³⁷, Е.Лезиной³⁸, В.В. Рулинского³⁹, С. Земляного⁴⁰, Б.С. Орлова⁴¹, С. Смагина⁴². Также следует отметить определенный вклад в изучение проблематики послевоенной немецкой идентичности выдающегося российского филолога и культуролога С.С. Аверинцева⁴³.

По оценке С.С. Аверинцева, решающую роль в выработке специфической культуры памяти в Германии сыграла христианская традиция. По убеждению ученого, «очевидна ее связь с той высокой оценкой обращения и покаяния, которая прямо или косвенно восходит к христианской традиции»⁴⁴. А.И. Борозняк подчеркивает нелинейность процесса преодоления прошлого в Германии, его пульсирующий характер: «Ритмы преодоления прошлого совпали с ритмами формирования гражданского общества в ФРГ, вхождения в жизнь новых поколений (age cohorts), смены соотношения политических сил в стране, расширения пространства познания “третьего рейха”»⁴⁵. В то же время проработка прошлого соседствовала с противоположной тенденцией:

³⁷ Борозняк А.И. ФРГ: волны исторической памяти // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 104-117; Борозняк А.И. Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? – М.: Пик, 1999. – 287 С.; Борозняк А. И. Прошлое, которое не уходит. Очерки истории и историографии Германии XX века. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2004. – 330 С.; Борозняк А.И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. – М.: РОССПЭН, 2014. – 351 С.

³⁸ Лезина Е. Память, идентичность, политическая культура и послевоенная германская демократия // «Отечественные записки» 2013, №6(57). URL: magazines.russ.ru (дата обращения: 14.03.2014); Лезина Е. Источники изменения официальной коллективной памяти (на примере послевоенной ФРГ) // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 4 (110), 2011. URL: <http://www.urokiistorii.ru/memory/conf/51112> (дата обращения: 18.09.2014)

³⁹ Рулинский В.В. «Проблема вины» в послевоенных дискуссиях германских историков. 1945-1990 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2014. – 176 с. URL: <http://issuu.com/55045/docs> (дата обращения: 05.06.2015)

⁴⁰ Земляной С.Н. «Спор историков» в ФРГ и «Европейская гражданская война» Э. Нольте // Нольте Э. Европейская гражданская война (1917-1945). Национал-социализм и большевизм. – М.: Логос, 2003. – С. 516-527.

⁴¹ Орлов Б.С. Проблематика осмысления прошлого в совместных исследованиях ученых России и Германии. – М.: ИНИОН РАН, 2011. – 227 с.

⁴² Смагин С. Виновные нации. Концепт «национальной вины» в политическом дискурсе России и Германии // Вопросы национализма, 2013 № 4 (16). – М.: Фонд развития и поддержки гражданского общества «РОД». – С. 162-187.

⁴³ Аверинцев С.С. Преодоление тоталитаризма как проблема: попытка ориентации // Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. Международная конференция / под ред. К. Айермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2002. – С. 31-41.

⁴⁴ Аверинцев С.С. Указ. соч. – С. 36.

⁴⁵ Борозняк А.И. ФРГ: волны исторической памяти // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 117.

«Историческое сознание ФРГ не раз оказывалось на заминированной тропе, ведущей к так называемой “нормализации” фашистского периода»⁴⁶. В центре внимания диссертационного исследования В.В. Рулинского находятся дискуссии западно-германских интеллектуалов о проблеме нацистского прошлого. Автор подвергает подробному анализу теоретическое изложение «проблемы вины» в работе К. Ясперса «Вопрос о вине» (1946 г.), изучает содержание работы Х. Арендт «Эйхман в Иерусалиме» (1963 г.), дискуссию историков и других интеллектуалов об этом тексте и оценивает влияние двух названных работ на дальнейшее развитие рефлексии темы вины и ответственности за нацизм в Германии. Кроме того, В.В. Рулинский освещает центральную дискуссию о нацистском прошлом в ФРГ в 1980-е гг. – так называемый «спор историков» 1986-1987 гг., определяет основные позиции его участников и дает оценку его последствий для развития немецкой культуры памяти.

Для анализа немецкой национальной идентичности, ее истоков и исторических детерминант интерес представляет монография профессора Кельнского университета О. Данна «Нации и национализм в Германии. 1770-1990»⁴⁷. Данн отталкивается от тезиса, согласно которому немецкая национальная идентичность до 1945 г. находилась в орбите радикально-консервативных, контрмодернистских тенденций и развивалась под знаком этнической солидарности⁴⁸. В своей программе немецкое национальное движение отреклось от принципа прав человека как основополагающего принципа современной нации. Этот национализм был отмечен народно-этническими установками: в его понимании нацию составляло не народонаселение государства, а народ как этническая общность (Volkstum)⁴⁹. Политическое понятие нации подменялось этническим. Создателями этой концепции были враждебно настроенные по отношению к модернизации

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Данн О. Нации и национализм в Германии 1770-1990. СПб.: Наука, 2003. – 468 с.

⁴⁸ Там же. С. 87.

⁴⁹ Там же. С. 94.

группы интеллигенции. Эта концепция была своеобразным ответом на незавершенность немецкого национального государства⁵⁰. Согласно О. Данну, немецкая идентичность до 1945 г. характеризовалась следующими аспектами: 1.) великодержавность (имперская ориентация); 2.) антидемократичность и антиэмансипаторность; 3.) акцент на этническом начале (этническая эксклюзивность). Что касается немецкой идентичности после 1945 г., то Данн в качестве одного из ее главных конститутивных элементов называет «антифашистский миф», ставший базой нового национального консенсуса⁵¹.

Анализ истоков и эволюции немецкой идентичности нашел отражение в исследовании профессора Бостонского университета Л. Гринфельд⁵². Гринфельд трактует национальную идентичность как «эмерджентный феномен» и как символический конструкт, определяющий положение человеческой личности в ее социальном окружении⁵³. По Гринфельд, центральную роль в формировании национальных идентичностей сыграли интеллектуалы – «глашатаи идей»⁵⁴. Гринфельд приходит к радикальному выводу, что «существовала прямая, хотя и неочевидная, связь между Гитлером и патриотами-идеалистами эпохи освободительных войн»⁵⁵. Гринфельд утверждает, что «национал-социализм мало что добавил к уже существующей системе мышления, но он заострил, озвучил, высветил и радикализировал некоторые ее главные тенденции»⁵⁶. По мнению автора, этот путь «не был неизбежным, но и случайностью и отклонением в траектории немецкой истории он тоже не был». Таким образом, Гринфельд разоблачает как миф тезис о том, что нацизм был необъяснимой девиацией в ходе немецкой истории⁵⁷.

⁵⁰ Там же. С. 200-201.

⁵¹ Там же. С. 328.

⁵² Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. – М.: ПЕР СЭ, 2008. – 528 с.

⁵³ Там же. С. 25.

⁵⁴ Там же. С. 26.

⁵⁵ Там же. С. 363.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 364.

В исследовании К. фон Байме⁵⁸ тематизируется постулат о конструктивном характере национальной идентичности Германии. Автор выдвигает тезис о том, что формирование национальной идентичности немцев затруднялось отсутствием государственно-политического континуитета. По оценке Байме, Германия до XVIII в. по своим территориальным масштабам была «недостаточно большой, чтобы реализовать супранациональную гегемонию, и слишком большой, чтобы конституироваться как национальное государство»⁵⁹. Вестфальский мир и Венский конгресс препятствовали возникновению немецкого национального государства, которое стало возможным только после 1945 г. в результате отторжения от Германии восточных территорий⁶⁰.

Смежному проблемному полю посвящен сборник статей под редакцией Б. Гизена «Национальная и культурная идентичность. Исследования коллективного сознания в Новом времени»⁶¹, содержащий очерки Н. Лумана, К. Леггеви, О. Кальшойера. Авторы сборника фокусируют внимание на специфике немецкой идентичности до 1945 г. в ее соотнесенности с идентичностями других европейских стран. Стоит также отметить исследования В. Моммзена⁶², В. Конце⁶³, Д. Лангевише⁶⁴, Ю. Эльзэссера⁶⁵, изучающие проблемы парадигматической дихотомии между государством-нацией («Staatsnation») и культурной нацией («Kulturnation») и вопросы, связанные с концепцией «особого пути Германии» (deutscher Sonderweg). В работе Б. Вильмса⁶⁶, во многом перекликающаяся с вышеуказанными работами Данна и Гринфельд,

⁵⁸ Beyme Klaus von. Kulturpolitik und nationale Identität: Studien zur Kulturpolitik zwischen staatlicher Steuerung und gesellschaftlicher Autonomie. – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 1998. – 260 S.

⁵⁹ Ibid. S. 68.

⁶⁰ Ibid. S. 195.

⁶¹ Giesen Bernhard. Die Intellektuellen und die Nation. Eine deutsche Achsenzeit. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1993. – 280 S.

⁶² Mommsen Wolfgang J. Nation und Geschichte: über die Deutschen und die deutsche Frage. – München: Piper Verlag, 1990. – 208 S.

⁶³ Conze Werner. Die deutsche Nation. Ergebnis der Geschichte. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1963. – 167 S.

⁶⁴ Langewiesche Dieter. Reich, Nation, Föderation: Deutschland und Europa. – München: C. H. Beck, 2008. – 332 S.

⁶⁵ Elsässer Jürgen. Der deutsche Sonderweg. Historische Last und politische Herausforderung. – München: Diederichs, 2003. – 192 S.

⁶⁶ Willms Bernard. Idealismus und Nation. Zur Rekonstruktion des politischen Selbstbewusstseins der Deutschen. – München: Ferdinand Schöningh, 1986. – 221 S.

освещается влияние крупных немецких мыслителей и общественных деятелей XIX в. (Мезер, Арндт, Геррес, Гумбольд, Фихте) на немецкое национальное самосознание, анализируются истоки и эволюция немецкого национального самосознания от эпохи раннего романтизма до начала XX в.

В работе Р. Брайтенштайна⁶⁷ сделана попытка анализа влияния географических и геополитических факторов на формирование немецкого национального самосознания. Сопоставляя между собой американскую, французскую и другие европейские идентичности с немецкой до 1945 г., автор приходит к выводу, что немецкая идентичность базировалась на этнокультурной модели.⁶⁸ Брайтенштайн выделяет две важнейшие для немецкого национального самосознания детерминанты: немецкую «спешку» (Hektik) и немецкую «уязвленность» (Gekränktheit). «Немецкая спешка» заключалась в стремлении «догнать и перегнать» другие нации, как в политическом, так и в экономическом аспекте. Под «немецкой уязвленностью» автор подразумевает «немецкий комплекс парии»⁶⁹. Существенной чертой немецкого менталитета до 1945 г. также являлась, по мнению Брайтенштайна, своеобразная «безграничность», то есть отсутствие четко фиксированных национально-государственных границ.

Исследование Г. Джеймса «Немецкая идентичность. 1770-1990»⁷⁰ посвящено обзору и анализу развития немецкой идентичности под тремя углами зрения – историческим, экономическим и культурологическим. Автор отталкивается от тезиса, что немецкая национальная идентичность в новейшее время в значительной мере коррелировала с образованием национального немецкого государства (1871 г.) и особенно с его экономическим развитием⁷¹. Проблема «национального характера», по мнению автора, тесно связана с институционализацией общественного сознания: общественные институты

⁶⁷ Breitenstein Rolf. Die gekränkte Nation. Geschichte und Zukunft der Deutschen in Europa. – München: Universitas, 1996. – 328 S.

⁶⁸ Ibid. S. 57.

⁶⁹ Ibid. S. 143.

⁷⁰ James Harold. Deutsche Identität 1770 – 1990. – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 1991. – 310 S.

⁷¹ Ibid. S. 7.

через функцию легитимации создают и репрезентируют модели поведения, которые затем становятся социальной конвенцией и идентифицируются с национальной «самобытностью». По оценке Г. Джеймса, формирование немецкой национальной идентичности было затруднено политической слабостью и раздробленностью, а также отсутствием в немецкой нации религиозного консенсуса⁷². Автор также отмечает, что нахождение немцев в соседстве с двумя прочно организованными в национальном плане государствами (Францией и Англией) порождало императив выработки «прагматичной», «оборонительной» идентичности, что придавало немецкому национальному самосознанию реактивный характер. Говоря о нацистском периоде немецкой истории, Джеймс отстаивает тезис о том, что нацисты пытались по-своему интегрировать немецкое общество посредством его включения в свои преступные планы⁷³.

Монография политолога, профессора Университета им. Гумбольдта в Берлине Герфрида Мюнклера «Немцы и их мифы»⁷⁴ исследует немецкие национальные символические мифо-конструкты в их сопряженности с национальной и идентичностью Германии. Автор приходит к выводу, что в послевоенный период практически весь германский мифический «капитал» оказался нейтрализованным в плане национальной мобилизации⁷⁵.

Исследование У. Халльвирт⁷⁶ посвящено проблеме поиска новой национальной идентичности Германии в первые послевоенные годы. В центре внимания автора находится западно-германская пресса конца 1940-х – 1950-х гг. Автор также уделяет внимание характеристике немецкой идентичности до 1945 г. По оценке исследователя, до 1945 г. в Германии доминировала этнокультурная модель национальной идентичности, которая развилась, прежде всего, из негативного отмежевания от внешних противников – в первую

⁷² Ibid. S. 20.

⁷³ Ibid. S. 193.

⁷⁴ Münkler Herfried. Die Deutschen und ihre Mythen. – Berlin: Rowohlt, 2009. – 608 S.

⁷⁵ Ibid. S. 413.

⁷⁶ Hallwirth Uta. Auf der Suche nach einer neuen Identität? Zum nationalen Selbstverständnis in der westdeutschen Presse 1945-1955. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 1987. – 299 S.

очередь, Франции⁷⁷. Немецкая политическая и национальная идентичность к концу XIX в. базировалась на представлении об «особом немецком пути». В Германии постулировался особый исторический путь, и утверждались соответствующие ему политические формы. Это «отмежевание вовне» соответствовало «внутреннему отмежеванию». Вытеснение демократических принципов было нацелено на то, чтобы обосновать идентичность в «естественных», «органических» категориях путем отмежевания от всего «ненемецкого»: в кайзеровскую эпоху – от «врагов Отечества» и «внутренней Англии», в Веймарской республике – от «ноябрьских преступников», и, наконец, в Третьем рейхе – от «еврейства»⁷⁸.

Значительный вклад в изучение проблематики немецкой национальной идентичности внесли также исследования и сборники К. О. Аретина⁷⁹, А. Кленне⁸⁰, В. Гепхарта и К.-Х. Заурвайна⁸¹, Р. Джордано⁸², В. Вайденфельда⁸³, Х. Кёнига⁸⁴, Ю. Шеррер⁸⁵.

Сборник «Историческое сознание немцев»⁸⁶ под редакцией В. Вайденфельда проливает свет на активные поиски новой немецкой идентичности после 1945 г, на процесс переосмысления, критики и переоценки немецких национальных традиций. В сборниках и монографиях Х. Швилька и У. Шахта⁸⁷, Б. Ассмуса, К. Хуфке⁸⁸, Х. Моммзена⁸⁹ исследуется проблема

⁷⁷ Ibid. S. 15.

⁷⁸ Ibid.

⁷⁹ Das deutsche Problem in der neueren Geschichte / Aretin Karl Otmar (Hrsg.). – München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1997. – 176 S.

⁸⁰ Klönne Arno. Zurück zur Nation? Kontroversen zu deutschen Fragen. – Köln: Eugen Diederichs, 1984. – 158 S.

⁸¹ Gebrochene Identitäten. Zur Kontroverse um kollektive Identitäten in Deutschland, Israel, Südafrika, Europa und im Identitätskampf der Kulturen / Gephart Werner, Saurwein Karl-Heinz (Hrsg.). – Opladen: Leske und Budrich, 1999. – 169 S.

⁸² Giordano Ralph. Die zweite Schuld oder von der Last ein Deutscher zu sein. – Berlin: Volk und Welt, 1990. – 377 S.

⁸³ Weidenfeld Werner. Nachdenken über Deutschland: Materialien zur politische Kultur der deutschen Frage. – Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1985. – 182 S.; Weidenfeld Werner, Korte Karl-Rudolf. Die Deutschen. Profil einer Nation. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1991. – 275 S.

⁸⁴ Кёниг Х. Будущее прошлого: Национал-социализм в политическом сознании ФРГ. М.: РОССПЭН, 2012. – 169 С.

⁸⁵ Шеррер Ю. Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=48576> (дата обращения: 16.09.2014)

⁸⁶ Geschichtsbewusstsein der Deutschen. Materialien zur Spurensuche einer Nation / Weidenfeld Werner (Hrsg.). – Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1987. – 255 S.

⁸⁷ Die selbstbewusste Nation / Schwilk Heimo, Schacht Ulrich (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Ullstein Verlag, 1994. – 470 S.

влияния на немецкую идентичность поражения во Второй мировой войне и сопряженный с ним дискурс вины и ответственности за нацистское прошлое. В фокусе исследований Т. Гаули⁹⁰, У. Херберта⁹¹, Г. Глазера⁹², В. Рупперта⁹³ находятся проблемы демократического «перевоспитания» (re-education) и проекты политико-культурной модернизации в послевоенной Германии.

В своей работе «Политика по отношению к прошлому. Истоки федеративной республики и национал-социалистическое прошлое»⁹⁴ немецкий историк Н. Фрай анализирует отношение к нацистскому прошлому в ФРГ в 1949-1955 гг. В центре внимания автора находятся институционально-процессуальные меры по интеграции бывших членов нацистской партии в послевоенное общество. Сам термин «политика по отношению к прошлому» понимается именно в институциональном смысле. Первая часть работы Фрая посвящена анализу законодательной базы «политики по отношению к прошлому» (в частности, амнистии 1949 г., законов по восстановлению госслужащих, а также амнистийного закона 1954 г.), вторая часть – политико-символическим проблемам, связанным с военными преступниками, в третьей части освещаются меры по установлению политико-правовых норм для ограничения влияния бывших нацистов на политику ФРГ. Один из центральных выводов автора заключается в том, что в результате ряда амнистийных законов к середине 1950-х гг. практически никто из немцев не

⁸⁸ 1945 – der Krieg und seine Folgen: Kriegsende und Erinnerungspolitik in Deutschland / Asmuss Burkhard, Kufek Kay (Hrsg.). – Berlin: DruckVerlag Kettler, 2005. – 256 S.

⁸⁹ Mommsen Hans. The impact of the World War II experience on the German political identity // War experience, self image and national identity: the Second World War as myth and history / Ekman Stig (Ed.). – Stockholm: Bank of Sweden Tercentenary foundation, 1995. – S. 20-23.

⁹⁰ Die Last der Geschichte: Kontroversen zur deutschen Identität / Gaulty Thomas M. (Hrsg.). – Köln: Wissenschaft und Politik, 1988. – 180 S.

⁹¹ Wandlungsprozesse in Westdeutschland: Belastung, Integration, Liberalisierung; 1945 – 1980 / Herbert Ulrich (Hrsg.). – Göttingen: Wallstein, 2002. – 592 S.

⁹² Glaser Hermann. Deutsche Kultur 1945 – 2000. – Frankfurt am Main: Büchergilde Gutenberg, 1999. – 574 S.

⁹³ Erinnerungsarbeit: Geschichte und demokratische Identität in Deutschland / Ruppert Wolfgang (Hrsg.). – Opladen: Leske und Budrich Verlag, 1982. – 198 S.

⁹⁴ Frei Norbert. Vergangenheitspolitik. Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. – München: C.H. Beck, 1996. – 430 S.

опасался предстать перед судом за свое национал-социалистическое прошлое, и почти все «попутчики» режима были оправданы или помилованы⁹⁵.

В монографии К. Ярауша⁹⁶ анализируются социокультурные, политические и экономические процессы, протекавшие в Германии после краха нацизма и представлявшие, по определению автора, «возвращение Германии к западной цивилизации». Важнейший этап этих процессов приходится на первые послевоенные годы, в течение которых была осуществлена программа демилитаризации, денацификации и декартелизации. По словам Ярауша, важнейшей предпосылкой «перевоспитания» немцев стало тотальное поражение в войне, которое превратило любые реваншистские немецкие идеи в фикцию⁹⁷. Другим фундаментальным аспектом стала постепенная рефлексия беспрецедентности преступлений нацизма, которая породила в немецком обществе волю к нравственному очищению, взаимопониманию и сотрудничеству с международным сообществом. Ярауш подчеркивает, что изменение немецкого самосознания и самокритичное отношение к собственной национальной истории в ФРГ было на порядок интенсивнее, чем в ГДР, так как политическое устройство западно-германского общества создавало необходимые для этого предпосылки – прежде всего, плюрализм мнений и возможность широкой общественной дискуссии⁹⁸.

Свой вклад в изучение послевоенной немецкой идентичности внесли М. Фулбрук⁹⁹ и Ч. Майер¹⁰⁰. Фундаментальные дебаты и дискуссии послевоенной немецкой историографии находятся в фокусе внимания работы К.Г. Крахта¹⁰¹. Следует также отметить коллективную монографию «Культуры памяти.

⁹⁵ Ibid. S. 20.

⁹⁶ Jarausch Konrad H. Die Umkehr. Deutsche Wandlungen 1945-1995. – München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2004. – 504 S.

⁹⁷ Ibid. S. 358.

⁹⁸ Ibid. S. 359.

⁹⁹ Fulbrook Mary. German national identity after the Holocaust. – Cambridge: Polity Press, 1999. – 256 S.

¹⁰⁰ Maier Charles S. The unmasterable past: History, Holocaust, and German National Identity. – London: Harvard University Press, 1997. – 172 p.

¹⁰¹ Kracht Klaus G. Die zankende Zunft. Historische Kontroversen in Deutschland nach 1945. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. – 224 S.

Германия, Италия, Япония после 1945 г.»¹⁰² с очерками Э. Вольфрума, М. Заброва и Дж. Херфа. Интерес представляют работы А. Гроссера¹⁰³, в которых автор приходит к выводу, что «ни одно государство в Европе не детерминировано ближайшим прошлым так сильно, как Германия»¹⁰⁴. Сборники под редакцией В. Эшенхагена¹⁰⁵, К. Буттервеге¹⁰⁶, а также работа Я. Зеллинга¹⁰⁷, освещают тенденции к избавлению от проблемы вины в ФРГ на разных этапах ее послевоенного развития.

К числу важных для темы диссертации монографий относится работа А. Ассман и У. Фреверт¹⁰⁸. Авторы анализируют важнейшие дебаты о нацистском прошлом в ФРГ: «спор историков» 1986-1987 гг., «дебаты Вальзера-Бубиса», дебаты о книге американского историка и политолога Д. Гольдхагена «Добровольные исполнители Гитлера», дебаты по поводу выставки о преступлениях Вермахта и др. Освещаются концепты «позитивного» и «негативного» национализмов, исследуется концепт «коллективной вины». Авторы подвергают анализу главные символические события послевоенной Германии, имевшие непосредственное отношение к национальной идентичности и историческому сознанию немцев, в частности, резонансную встречу Г. Коля и Р. Рейгана в Битбурге в 1985 г., выступление президента ФРГ Р. фон Вайцеккера 8 мая 1985 г. и др. На периферии рассмотрения авторов оказываются немецкая литература и кинематограф после 1945 г. и их роль в формировании послевоенной немецкой идентичности.

¹⁰² Erinnerungskulturen. Deutschland, Italien und Japan seit 1945 / Brandt Susanne, Cornelißen Christoph, Klinkhammer Lutz, Schwentker Wolfgang (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2003. – 368 S.

¹⁰³ Grosser Alfred. Deutschland in Europa. – Berlin: Quadriga, 1998. – 255 S.; Grosser Alfred. Mit Deutschen streiten. – München: dtv, 1995. – 312 S.

¹⁰⁴ Grosser Alfred. Mit Deutschen streiten. – München: dtv, 1995. – S. 179.

¹⁰⁵ Die neue deutsche Ideologie: Einsprüche gegen die Entsorgung der Vergangenheit / Eschenhagen Wieland (Hrsg.). – Darmstadt: Luchterhand, 1988. – 235 S.

¹⁰⁶ NS-Vergangenheit, Antisemitismus und Nationalismus in Deutschland / Butterwegge Christoph (Hrsg.). – Baden-Baden: Nomos, 1997. – 239 S.

¹⁰⁷ Selling Jan. Aus den Schatten der Vergangenheit. – Leipzig: Miltzke, 2007. – 364 S.

¹⁰⁸ Assmann Aleida, Frevert Ute. Geschichtsvergessenheit – Geschichtsversessenheit. Vom Umgang mit deutschen Vergangenheiten nach 1945. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1999. – 240 S.

Следует также отметить сборник статей о немецкой идентичности «Нацистская диктатура в немецком дискурсе памяти»¹⁰⁹ под редакцией В. Бергема. Сборник посвящен анализу послевоенных интерпретаций национал-социалистического режима в контексте политической культуры и исторической памяти ФРГ и ГДР. Особый интерес в сборнике представляют статья Р. Везеля¹¹⁰, в которой автор анализирует официальные праздники как фактор идентичности и дискурса памяти о прошлом, статья Б. Швеллинг¹¹¹, в которой рассматривается изменение немецкого менталитета и нравственно-этических установок после 1945 г., а также статья В. Биаласа¹¹² об основных характеристиках идентичности ГДР.

Важный вклад в изучение отношение к нацизму в ГДР также внесли исследования К. Хаммерштайн¹¹³, М. Бирвиша¹¹⁴, Й. Эхтернкампа¹¹⁵. В изданном в 2002 г. сборнике «Национальная идентичность немцев. Философские имажинации и исторические ментальности»¹¹⁶ следует отметить очерк Д. Херфа, освещающий основные этапы традиции памяти о Холокосте в политической культуре ФРГ, роль К. Шумахера, Т. Хойса и Р. фон Вайцзеккера в ее формировании.

¹⁰⁹ Die NS-Diktatur im deutschen Erinnerungsdiskurs / Bergem Wolfgang (Hrsg.). – Opladen: Verlag für Sozialwissenschaften, 2003. – 243 S.

¹¹⁰ Wesel Reinhard. Gedenken als Ritual: Zum politischen Sinn “sinnentleerter Rituale” // Die NS-Diktatur im deutschen Erinnerungsdiskurs / Bergem Wolfgang (Hrsg.). – Opladen: Verlag für Sozialwissenschaften, 2003. – S. 17-39.

¹¹¹ Schwelling Birgit. Wie wurden aus Volksgenossen Staatsbürger? Der Wandel von Einstellungen und Mentalitäten nach dem Übergang vom Nationalsozialismus zur Bundesrepublik // Die NS-Diktatur im deutschen Erinnerungsdiskurs / Bergem Wolfgang (Hrsg.). – Opladen: Verlag für Sozialwissenschaften, 2003. – S. 41-57.

¹¹² Bialas Wolfgang. Antifaschismus als Sinnstiftung. Konturen eines ostdeutschen Konzepts // Die NS-Diktatur im deutschen Erinnerungsdiskurs / Bergem Wolfgang (Hrsg.). – Opladen: Verlag für Sozialwissenschaften, 2003. – S. 151-170.

¹¹³ Hammerstein Katrin. Schuldige Opfer? Der Nationalsozialismus in den Gründungsmythen der DDR, Österreichs und der Bundesrepublik Deutschland // Nationen und ihre Selbstbilder. Postdiktatorische Gesellschaften in Europa / Sachse Carola, Wolfrum Edgar, Fritz Regina (Hrsg.). – Göttingen: Wallstein, 2008. – S. 39-61.

¹¹⁴ Бирвиш Манфред. Конец национал-социализма и реального социализма // Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. Международная конференция / под ред. К. Айермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2002. – С. 42-56.

¹¹⁵ Эхтернкамп Йорг. «Немецкая катастрофа»? О публичной памяти во Второй мировой войне в Германии // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 147-155.

¹¹⁶ Die nationale Identität der Deutschen. Philosophische Imaginationen und historische Mentalitäten / Bialas Wolfgang (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2002. – 304 S.

Существенный вклад в изучение «спора историков» внесли работы Р. Эванса¹¹⁷, Г. А. Винклера¹¹⁸, Ю. Петера¹¹⁹, В. Шарфа¹²⁰, а также сборники статей под редакцией Х. Доната, Л. Виланда¹²¹ и Ш. Кайлица¹²².

Исследователи В. Вайденфельд и К.-Р. Корте попытались проанализировать значение объединения Германии для развития немецкой национальной идентичности¹²³. Авторы приходят к выводу, что объединение Германии способствовало повышению значимости памяти о нацистском прошлом для национального самосознания немцев. В свою очередь, Х. Кельнер и Х.-Г. Зофнер¹²⁴ изучили влияние процессов глобализации на немецкую идентичность начиная с середины 1990-х гг. С точки зрения авторов, в культурном отношении «образцовую открытость» немецкой культуры для сил глобализации нужно объяснять на фоне «мучительного осмысления нацистского прошлого Германии»¹²⁵. Стыд за нацистское прошлое способствовал интенсивным поискам нового национального самосознания и тех культурных форм, которые могли бы помочь формированию на легитимных основаниях новых культурных стилей и их проявлению. Объединение двух немецких государств и его значение для развития национальной идентичности Германии затрагивается также в исследовании Ю. Фергау¹²⁶. Сравнивая проработку нацистского прошлого с проработкой истории ГДР, автор приходит к выводу, что тоталитарное прошлое восточно-германского государства

¹¹⁷ Evans Richard J. *Im Schatten Hitlers? Historikerstreit und Vergangenheitsbewältigung in der Bundesrepublik*. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1991. – 283 S.

¹¹⁸ Winkler Heinrich August. *Auf ewig in Hitlers Schatten? Anmerkungen zur deutschen Geschichte*. München: C.H. Beck, 2007. – 222 S.

¹¹⁹ Peter Jürgen. *Der Historikerstreit und die Suche nach einer nationalen Identität der achtziger Jahre*. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 1995. – 260 S.

¹²⁰ Scharf Wilfried. *Deutsche Diskurse. Deutsche Diskurse. Die politische Kultur von 1945 bis heute in publizistischen Kontroversen*. – Hamburg: Academic Transfer, 2009. – 232 S.

¹²¹ “Auschwitz erst möglich gemacht?": Überlegungen zur jüngsten konservativen Geschichtsbewältigung / Donat Helmut, Wieland Lothar (Hrsg.). – Bremen: Donat, 1991. – 214 S.

¹²² Die Gegenwart der Vergangenheit. Der “Historikerstreit” und die deutsche Geschichtspolitik / Kailitz Steffen (Hrsg.). – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. – S. 14-37.

¹²³ Weidenfeld Werner, Korte Karl-Rudolf. *Die Deutschen. Profil einer Nation*. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1991. – 275 S.

¹²⁴ Кельнер Х. и Зофнер Х.-Г. Культурная глобализация в Германии // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 119-145.

¹²⁵ Там же. С. 133.

¹²⁶ Vergau Jutta. *Aufarbeitung von Vergangenheit vor 1989 nach. Eine Analyse des Umgangs mit den historischen Hypothesen totalitärer Diktaturen in Deutschland*. – Marburg: Tectum Verlag, 2000. – 265 S.

приобрело гораздо меньшую релевантность для немецкого самосознания после 1990 г., чем проблема осмысления нацистского периода.

Дебаты о резонансной выставке «Преступления Вермахта» были изучены в работах Й. Клотца¹²⁷, Х. Хеера¹²⁸, В. Маносека¹²⁹, Б. Музиала¹³⁰, С. Кроушоу¹³¹, Г.У. Тамера¹³², М. Клозе¹³³. Авторы описывают хронологию дебатов, определяют их основных участников и их позиции, освещают исторический, общественно-политический и историографический контекст дискуссии и ее главные итоги.

Из исследователей дебатов о книге Д. Гольдхагена «Добровольные исполнители Гитлера» следует в первую очередь отметить В. Виппермана¹³⁴, Г. Шайта¹³⁵, А. Марковица¹³⁶, Л. Ренсмана¹³⁷. Важный вклад в изучение дебатов о

¹²⁷ Klotz Johannes. "Anständige Leute". Zur Auseinandersetzung um die Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941-1944" // Die selbstbewusste Nation und ihr Geschichtsbild. Geschichtslegenden der Neuen Rechten – Faschismus/Holocaust/Wehrmacht / Klotz Johannes, Schneider Ulrich (Hrsg.). – Köln: PapyRossa-Verlag, 1997. – S. 174-204; Klotz Johannes. Die Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944". Zwischen Geschichtswissenschaft und Geschichtspolitik // Mythos Wehrmacht. Nachkriegsdebatten und Traditionspflege / Bald Detlef, Klotz Johannes, Wette Wolfram (Hrsg.). – Berlin: Aufbau Taschenbuch: 2001. – S. 116-176; Klotz Johannes. Die Rezeption der Ausstellung "Vernichtungskrieg" in Leserbriefen // Der Krieg in der Nachkriegszeit. Der Zweite Weltkrieg in Politik und Gesellschaft der Bundesrepublik / Greven Michael, Wrochem Oliver von (Hrsg.). – Opladen: Leske und Budrich, 2000. – S. 307-323.

¹²⁸ Heer Hannes. Bittere Pflicht. Der Rassenkrieg der Wehrmacht und seine Voraussetzungen // Die Wehrmacht im Rassenkrieg. Der Vernichtungskrieg hinter der Front / Manoschek Walter (Hrsg.). – Wien: Picus, 1996. – S. 116-141; Heer Hannes. Tote Zonen. Die deutsche Wehrmacht an der Ostfront. – Hamburg: Hamburger Edition, 1999. – 327 S.; Heer Hannes. Vom Verschwinden der Täter. Der Vernichtungskrieg fand statt, aber keiner war dabei. – Berlin: Aufbau Verlag, 2004. – 395 S.; Heer Hannes. Vom Verschwinden der Täter. Die Auseinandersetzungen um die Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944" // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Jg. 50. – Berlin: Metropol-Verlag, 2002. – S. 869-898.

¹²⁹ Manoschek Walter. "Ich habe es immer geahnt...". Erinnerungspolitische Reflexionen über das Bild der Wehrmacht und die Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944" in Österreich // Irritationen. Die Wehrmachtsausstellung in Linz / Kepplinger Brigitte, Kannonier Reinhard (Hrsg.). – Grünbach: Steinmassl, 1997. – S. 73-91.

¹³⁰ Musial Bogdan. Bilder einer Ausstellung. Kritische Anmerkungen zur Wanderausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944" // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. Jg. 47. – München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1999. – S. 563-591.

¹³¹ Crawshaw Steve. Ein leichteres Vaterland. Deutschlands Weg zu einem neuen Selbstverständnis. – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2005. – 310 S.

¹³² Thamer Hans-Ulrich. Vom Tabubruch zur Historisierung? Die Auseinandersetzung um die "Wehrmachtsausstellung" // Zeitgeschichte als Streitgeschichte: Grosse Kontroversen seit 1945/ Sabrow Martin, Jessen Ralph, Kracht Klaus G. (Hrsg.). – München: Beck, 2003. – S. 171-178.

¹³³ Klose Marten. Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944. Rezeption und Reaktionen im Kontext von persönlicher Erfahrung und familiärer Erinnerung. Bachelorarbeit. – Oldenburg, 2007. – 59 S. URL: <http://oops.uni-oldenburg.de/874/1/Bachelorarbeit.pdf> (дата обращения: 17.10.2014)

¹³⁴ Wippermann Wolfgang. Wessen Schuld? Vom Historikerstreit zur Goldhagen-Kontroverse. – Berlin: Elefantpress, 1997. – 142 S.

¹³⁵ Scheit Gerhard. Germans down, Germans up. Daniel J. Goldhagen und die Erben der willigen Vollstrecker Hitlers // Wir kneten ein KZ. Aufsätze über Deutschlands Standortvorteil bei der Bewältigung der Vergangenheit / Schneider Wolfgang (Hrsg.). – Hamburg: Konkret, 2000. – S. 126-161.

провокационной речи М. Вальзера внесли исследования Э. Пивони¹³⁸, М. Брумлика, Х. Функе, Л. Ренсмана¹³⁹, Ф. Дитцель¹⁴⁰, Ш. Шлака¹⁴¹. В трудах немецких исследователей анализируется динамика дебатов, их историко-политический смысл, рецепция дебатов немецким обществом и их влияние на немецкое национальное самосознание.

Источниковая база исследования состоит из следующих материалов:

- 1.) Международные договоры, соглашения, международные официальные документы;
- 2.) Законы и официальные документы ФРГ и ГДР;
- 3.) Информационные и справочные документы;
- 4.) Статьи, интервью, тексты выступлений и книги К.Г. Юнга, К. Ясперса, Т. Хойса, К. Шумахера, К. Аденауэра, Ю. Хабермаса, М. Вальзера, И. Бубиса, Х. Хеера, Я. Ф. Реемтста и других представителей интеллектуальной и общественно-политической элиты послевоенной Германии;
- 5.) Статистические материалы и данные социологических исследований.

В диссертации впервые в отечественной историографии вводится большое количество немецких источников, преимущественно немецкой периодики, материалы таких немецких газет и журналов, как «Франкфуртер альгемайне цайтунг», «Вельт», «Шпигель», «Цайт», «Тагесцайтунг» и др. Особый акцент на этой категории источников обусловлен прежде всего тем, что именно СМИ играют ключевую роль в формировании общественного дискурса

¹³⁶ Markovits Andrei S. Störfall im Endlager der Geschichte // Ein Volk von Mördern? Die Dokumentation zur Goldhagen-Kontroverse um die Rolle der Deutschen im Holocaust / Schoeps Julius H. (Hrsg.). – Hamburg: Hoffman und Campe, 1996. – S. 667-674.

¹³⁷ Rensmann Lars. Die Walserisierung der Berliner Republik. Geschichtsrevisionismus und antisemitische Projektion: Einwände gegen die These vom geläuterten Deutschland // Die Fratze der eigenen Geschichte. Von der Goldhagen-Debatte zum Jugoslawien-Krieg / Elsässer Jürgen, Markovits Andrei S. (Hrsg.). – Berlin: Espresso Verlag, 1999. – S. 44-63.

¹³⁸ Pivoni Eunike. Nationale Identität im Wandel: Deutscher Intellektuellendiskurs zwischen Tradition und Weltkultur. – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2012. – 324 S.

¹³⁹ Brumlik Micha, Funke Hajo, Rensmann Lars. Umkämpftes Vergessen. Walser-Debatte, Holocaust-Mahnmal und neuere deutsche Geschichtspolitik. – Kempten: H. Schiller, 2004. – 200 S.

¹⁴⁰ Dietzel Friederike. Die Walser-Bubis-Kontroverse // Hallische Beiträge zur Zeitgeschichte 10. – Halle: Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, 2000. – S. 48-56.

¹⁴¹ Schlak Stephan. Schuld und Scham // Ein neues Deutschland? Zur Physiognomie der Berliner Republik / Bohrer Karl Heinz, Scheel Kurt (Hrsg.). – Stuttgart: Klett-Cotta, 2006. – 829-836 S.

и оказывают более сильное и глубокое влияние на общественное мнение, чем любой другой вид письменных или устных источников.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в новейшей отечественной историографии на материале ключевых общественных дискуссий Германии 1945-1990-х гг. подробно изучена динамика рефлексии о нацистском прошлом и его значении для немецкого национального самосознания. Выявлены факторы, способствовавшие утверждению и консолидации специфической немецкой культуры памяти, ставшей фундаментом национальной идентичности послевоенной Германии. Впервые в российской историографии на основе анализа большого количества немецких источников детально проанализированы центральные для немецкого национального самосознания дебаты о нацистском прошлом, вскрыто их уникальное значение в контексте немецкой «проработки прошлого»: дебаты о выставке «Преступления Вермахта» 1995-1999 гг., дебаты о книге американского политолога Д. Гольдхагена «Добровольные исполнители Гитлера» 1996-1997 гг. и дебаты по поводу речи немецкого писателя М. Вальзера 1998 г. Помимо самих дебатов, подробно рассмотрены и проанализированы их предпосылки, общественно-политический контекст и последствия, а также их рецепция современниками и в историографии. В диссертации прослежена эволюция немецкой национальной идентичности с 1945 по начало 2000-х гг., определена ее магистральная линия развития, характеризующаяся интеграцией культуры памяти о нацизме в общественный дискурс в качестве основополагающего элемента национального самосознания, дана авторская периодизация развития немецкой национальной идентичности после 1945 г. На примере объекта исследования – динамики немецкой национальной идентичности – показана принципиально важная, подчас решающая роль интеллектуалов, представителей творческих профессий и общественно-политической элиты в формировании национального

самосознания, утверждении ее базовых, нормативных элементов на уровне всего общества.

Практическое значение диссертации. Основные выводы исследования дают возможность для правильного понимания и оценки процессов, происходивших и происходящих в общественно-политической жизни послевоенной Германии, а также в ее научной и культурной сферах. Изучение особенностей немецкой культуры памяти также позволит лучше понять немецкую иммиграционную политику и значение активного участия Германии в процессе европейской интеграции.

Исследование может представлять интерес для историков, этнологов, политологов, социологов, сотрудников Министерства культуры РФ, МИД РФ. Диссертация может иметь практическое значение для подготовки учебных пособий, лекционных и специальных курсов по специальностям «Международные отношения», «Политология», «Этнополитология». Результаты исследования могут представлять интерес для преподавателей и студентов, специализирующихся на изучении новой и новейшей истории Германии.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка источников и литературы. Во введении обосновывается актуальность темы исследования и ее новизна, определяется объект, предмет, цель, хронологические рамки диссертации, формулируются основные задачи и практическое значение исследования, дается определение базовых концептов, используемых в работе: национальной идентичности, коллективной памяти, культуры памяти, общественного мнения, проработки прошлого, преодоления прошлого. Автор представляет теоретико-методологическую базу исследования, анализирует степень разработанности темы в научной литературе. Первая глава, состоящая из шести параграфов, рассматривает исторический контекст развития национальной идентичности в Германии после 1945 г. В первом параграфе характеризуются последствия Второй мировой

войны для немецкого национального самосознания, рассматриваются основные черты отношения немецкого общества к нацистскому прошлому в период с 1945 до начала 1960-х гг. Рассматриваются точки зрения немецких интеллектуалов, политических и общественных деятелей на природу и сущность нацизма и его преступлений. Во втором параграфе подробно рассматривается немецкая «перспектива жертвы», имевшая фундаментальное значение для национального самосознания ФРГ в первые послевоенные годы. Рассматривается доминирование «перспективы жертвы» в общественно-политической и научной плоскости ранней ФРГ. В третьем параграфе определяются основные факторы и события, повлиявшие на изменение отношения немецкого общества к нацистскому прошлому в 1950-1960-е гг., раскрывается роль представителей «поколения 1968-го года» в процессе критической проработки нацистского прошлого. В четвертом параграфе анализируется изменение подхода к прошлому на официальном политическом уровне в 1970-е гг. В пятом параграфе, состоящем из двух подразделов, подробно анализируется дискурс «нормализации» немецкой идентичности в политике Г. Коля и его конфликт с дискурсом ответственности за прошлое. Также анализируется «спор историков» 1986-1987 гг. в ФРГ, раскрываются его высокое значение для рефлексии нацистского прошлого и его последствия для национального самосознания ФРГ. Разбираются ключевые материалы спора, устанавливаются основные позиции оппонентов, анализируются результаты спора и их влияние на политическое руководство ФРГ. В шестом параграфе первой главы освещается отношение к нацистскому прошлому в ГДР и выявляются базовые черты восточно-германской идентичности. Описывается роль государственной элиты ГДР в создании и поддержании антифашистского мифа в качестве главного элемента восточно-германского самосознания, обозначается его специфика в сравнении с подходом к нацистскому прошлому в ФРГ. Вторая глава состоит из двух параграфов. В первом параграфе анализируется значение объединения двух германских государств для

национальной идентичности немцев, раскрывается его влияние на рост критической рефлексии и проработки нацистского прошлого. Во втором параграфе, состоящем из трех подразделов, подробно анализируются ключевые для немецкой идентичности дебаты о нацистском прошлом в 1990-е гг. В первом подразделе рассматриваются дебаты о выставке «Преступления Вермахта», описывается ее общественно-политический и историографический контекст, выясняются основные позиции участников дебатов. Анализируются ключевые высказывания участников спора и их рецепция немецким обществом. Во втором подразделе автор изучает спор по поводу книги американского политолога, профессора Гарвардского университета Д. Гольдхагена «Добровольные исполнители Гитлера: обычные немцы и Холокост». Подробно разбирается контекст полемики, ее хронология, позиции главных участников и рецепция результатов спора немецким обществом, интеллектуальными и общественно-политическими элитами Германии. Третий подраздел посвящен анализу спора о нацистском прошлом, инициированного крупным немецким писателем М. Вальзером. Изучается содержание основных высказываний Вальзера и его главного оппонента И. Бубиса. Рассматривается ход полемики по поводу высказываний М. Вальзера в немецких СМИ, определяются основные позиции и аргументы участников спора. Представлено резюме спора, его влияние на немецкое общественное мнение и официальный политический дискурс ФРГ. Каждая глава завершается обобщающими положениями. В заключении представлены основные результаты и выводы исследования, определяются перспективы развития немецкой идентичности в начале XXI в.

Глава 1. Дискурс о нацистском прошлом и динамика национальной идентичности в разделенной Германии (1945-1990 гг.)

1.1. 1945: распад немецкой государственности и «час ноль»

Освобождение Германии от нацистской диктатуры в 1945 г. стало одновременно «низшей точкой» немецкой истории. Значительные территориальные потери, лежащие в руинах немецкие города, огромное число погибших и беженцев, утрата государственного суверенитета – все это создавало, по определению историка Ганса-Ульрих Велера, впечатление «*Finis Germaniae*» («конца Германии») ¹⁴². После краха нацистской диктатуры немецкая национальная идентичность оказалась в состоянии самого глубокого кризиса за всю историю немецкой государственности.

С цезурой 1945 г. было связано появление выражения «час ноль» («*Stunde Null*»), констатирующего радикальный исторический разрыв, ситуацию *tabula rasa*, нового начала. Выражение, первоначально появившееся в публицистике, быстро стало популярно в обыденной речи и прочно закрепилось в общественном дискурсе ¹⁴³. Под «часом ноль» подразумевалось в первую очередь тотальное поражение и в то же время шанс на полное общественно-политическое обновление. В одном из самых популярных литературно-политических журналов послевоенной Германии – «Дер Руф» («Призыв»), издателями которого были писатели Альфред Андерш и Ганс Вернер Рихтер, в 1946 г. писалось, что в Германии «все уничтожено, однако молодое поколение имеет возможность начать все сначала» ¹⁴⁴. Немецкий политолог Дольф Штернбергер писал в своем дневнике в 17 июля 1945 г.: «Почва действительно

¹⁴² Wehler Hans-Ulrich. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Band 4: Vom Beginn des Ersten Weltkrieges bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten 1914-1949. – München: C. H. Beck, 2003. – S. 941.

¹⁴³ Fischer Ludwig. Die Zeit von 1945 bis 1967 als Phase der Literatur- und Gesellschaftsentwicklung // Literatur in der Bundesrepublik Deutschland bis 1967 / Fischer Ludwig (Hrsg.). – München: dtv, 1986. – S. 37.

¹⁴⁴ Цит. по: Kocka Jürgen “1945: Neubeginn oder Restauration?” // Wendepunkte deutscher Geschichte 1848-1945 / Stern Carola, Winkler Heinrich August (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1979. – S. 146.

ушла у нас из под ног. Заложим же новую почву!»¹⁴⁵, а в сентябре того же года новый ректор Марбургского университета Юлиус Эббингхаус говорил: «Позади нас миллионы убитых, наши дома и наше имущество уничтожены, мы потеряли наше бытие... и как подарок от победителей Германия теперь должна принять саму себя»¹⁴⁶. Выраженная в подобных высказываниях надежда на новые возможности общественного созидания перед лицом тотального разрушения старых структур, а также моральный пафос «нового начала» принадлежали к позитивным коннотациям «часа ноль».

С окончанием войны для Германии были связаны долгие и сложные дебаты о понимании 8 мая 1945 г. как даты поражения и катастрофы или же освобождения. Можно констатировать, что по отношению к данной дате существует четкое различие между чувствами большинства тогдашних немцев и чувствами и мыслями немцев современных¹⁴⁷. Ситуация «часа ноль» была парадоксальна, так как она одновременно означала освобождение от нацистской тирании и бремени войны, но, с другой стороны, и полную утрату морального достоинства и самосознания, так как демонтаж нацизма происходил извне, а не изнутри. Лишь меньшинство немцев – прежде всего, противники и жертвы нацистского режима – действительно считали поражение Германии освобождением¹⁴⁸. Что касается большинства немцев, которые были лояльны режиму до самого конца, то они, несмотря на облегчение от завершения проигранной войны, не чувствовали себя освобожденными, и демонстрировали не только горькое разочарование в национал-социализме, но

¹⁴⁵ Цит. по: Assmann Aleida, Frevert Ute. *Geschichtsvergessenheit – Geschichtsversessenheit. Vom Umgang mit deutschen Vergangenheiten nach 1945.* – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1999. – S. 100.

¹⁴⁶ Ibid.

¹⁴⁷ В этой связи показательны данные социологического опроса 1995 г., проводившегося Алленсбахским институтом демоскопии (Institut für Demoskopie Allensbach) среди немцев, рожденных до 1933 г. Лишь 17 % опрошенных обозначили свое восприятие 1945 г. как «чувство поражения», 67% выразили в отношении этой даты «чувство освобождения». См. Wolfrum Edgar. *Die 101 wichtigsten Fragen. Bundesrepublik Deutschland.* – München: C.H. Beck, 2009. – S. 105.

¹⁴⁸ Steinbach Peter. *Die publizistischen Kontroversen – eine Vergangenheit, die nicht vergeht // Der Nationalsozialismus: die zweite Geschichte. Überwindung, Deutung, Erinnerung / Reichel Peter, Schmid Harald, Steinbach Peter (Hrsg.).* – München: C.H. Beck, 2009. – S. 132.

и озлобленность по отношению к врагу¹⁴⁹. В 1945-1946 гг. американские интервьюеры отмечали среди немцев латентное чувство вины по отношению к преступлениям Вермахта в Европе, однако это чувство относилось не к индивидуальной ответственности, а к ответственности высшего руководства Третьего рейха¹⁵⁰. В 1955 г. журналист Эрих Домбровски писал в газете «Франкфуртер альгемайне цайтунг» о 8 мая как о «мрачном дне глубочайшего унижения немцев»¹⁵¹. Похожей по тону была статья историка Михаэля Фройнда в газете «Цайт». Фройнд писал, что союзники уничтожили «тысячелетие европейской и германской истории», воплощенное в населенных немцами территориях к востоку от линии Одера–Нейсе. Германия исчезла как историческое явление: «Все, что осталось – это политическая бесформенность, которая началась с эрозией Германии как государства в мае 1945 г.», - писал Фройнд¹⁵². Немецкие ветераны боевых действий не упускали возможность пожаловаться на «диффамацию» и оскорбление своего достоинства союзными державами¹⁵³. Нюрнбергский процесс зачастую рассматривался немцами как «правосудие победителей» и воспринимался либо с безразличием, либо с подчеркнутым недовольством¹⁵⁴.

Важнейшее место в послевоенном общественном дискурсе занял тезис о «коллективной вине» (Kollektivschuld-These) немцев за преступления нацизма. Инициаторами дискуссии о вине стала группа немецких интеллектуалов, публицистов и общественных деятелей. Первым, кто затронул тему немецкой вины, стал всемирно известный немецко-швейцарский психолог Карл Густав Юнг. 11 мая 1945 г. Юнг дал интервью газете «Вельтвохе», в котором выступил как защитник тезиса о «коллективной вине» и ответственности немцев за

¹⁴⁹ Jarausch Konrad H. Die Umkehr. Deutsche Wandlungen 1945-1995. – München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2004. – S. 19.

¹⁵⁰ Ibid.

¹⁵¹ Dombrowski Erich. 8. Mai 1945 // FAZ, 07.05.1955.

¹⁵² Freund Michael. Die Wochen, die ein Jahrtausend zerstörten // Die Zeit, 05.05.1955.

¹⁵³ Эхтернкамп Йорг. «Немецкая катастрофа»? О публичной памяти о Второй мировой войне в Германии // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 153.

¹⁵⁴ Struss Bernd. “Ewiggestrige” und “Nestbesmutzer”. Die Debatte über die Wehrmachtsausstellungen – eine linguistische Analyse. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. – S. 23.

нацизм. Согласно Юнгу, «все немцы, осознанно или неосознанно, активно или пассивно, участвовали в злодеяниях», «никому не было ничего известно о преступлениях и, тем не менее, известно». «Вопрос о коллективной вине для психологов является фактом, и единственное его решение – это полное признание вины [...] Сегодня немцы подобны пьяному человеку, который пробуждается наутро с похмелья. Они не знают, что они делали, и не хотят знать. Существует лишь одно чувство безграничного несчастья. Они предпримут судорожные усилия оправдаться перед лицом обвинений и ненависти окружающего мира, но это будет неверный путь. Искупление [...] лежит только в полном признании своей вины», - утверждал ученый¹⁵⁵. Отталкиваясь от тезиса о коллективной вине, Юнг приветствовал меры западных держав по принудительной демонстрации гражданскому немецкому населению концлагерей с целью убедить немцев в ответственности за произошедшее. Однако, как добавлял психолог, «невозможно достичь цели только моральным поучением, раскаяние должно родиться внутри самих немцев»¹⁵⁶.

1.2. Тезис о коллективной вине и немецкая «перспектива жертвы»

Тема коллективной вины стала также предметом книги «Вопрос о вине» крупного немецкого философа Карла Ясперса, в основу которой легли лекции, прочитанные им в Гейдельбергском университете в 1946 г. Ясперс дифференцировал проблему вины на уголовный, политический, моральный (нравственный) и метафизический аспекты. Не признавая напрямую коллективной вины немцев, Ясперс подчеркивал политическую ответственность немецкого народа за нацистские злодеяния. Согласно Ясперсу, «немцы несут политическую ответственность за режим и за его преступления,

¹⁵⁵ Jung Carl Gustav. Werden die Seelen Frieden finden? Ein Interview mit dem Psychologen Prof. Dr. C.G. Jung // Weltwoche, 11.05.1945.

¹⁵⁶ Ibid.

за начало войны и за тот тип руководителей, которому они дали возможность управлять Германией»¹⁵⁷. «Мы должны взять на себя вину наших отцов. За то, что в духовных условиях немецкой жизни была возможность для такого режима, мы несем со-ответственность [...] У нас как народа есть в традиции что-то могущественное и грозное, таящее в себе нашу нравственную гибель»¹⁵⁸. Однако тезисы Юнга и Ясперса не нашли понимания у большей части населения послевоенной Германии. Сам Ясперс так описывал реакцию студентов на свои лекции: «Мне трудно говорить, когда я вижу на лицах выражение неприязни... Еще никогда, за вычетом 1937 г., я не имел дела со столь враждебно настроенной аудиторией, как сейчас»¹⁵⁹. Среди немцев отчетливо проявлялось стремление защититься от травмы «коллективной вины». С этой целью развивались различные психологические механизмы, в первую очередь замалчивание, а также четкое размежевание между нацистским режимом и немецким народом. Нацистский режим, ассоциировавшийся с группой политических вождей Третьего рейха, позиционировался как преступный, тогда как народ выступал как жертва обмана и манипуляций данной преступной группы. Ответственность немецкого народа за нацизм не признавалась, напротив, в общественном дискурсе главный акцент ставился на страданиях немцев как главных жертв войны. Таким образом, вместо «коллективной вины» отстаивалась «коллективная невиновность», или, другими словами, «перспектива жертвы».

В первые послевоенные годы «перспектива жертвы» преобладала не только среди большинства немецкого населения, но и на официальном политическом уровне. Одним из первых официальных шагов правительства Аденауэра стал закон об амнистии 1949 г., за которым последовал закон 1951

¹⁵⁷ Jaspers Karl. Die Schuldfrage. – Heidelberg: Lambert Schneider, 1946. – S. 10.

¹⁵⁸ Ibid. S. 16.

¹⁵⁹ Цит. по: Müller Richard Matthias. Normal-Null und die Zukunft der deutschen Vergangenheitsbewältigung. – Schernfeld: SH-Verlag, 1994. – S. 22.

г.¹⁶⁰, положившие начало интеграции деятелей и сторонников национал-социализма в западно-германское общество. Самыми яркими примерами «политики интеграции» Аденауэра стали две политические фигуры – Ганс Глобке и Теодор Оберлендер. Глобке, занимавший пост главы ведомства канцлера с 1953 по 1963 гг., в период нацизма являлся высокопоставленным чиновником министерства внутренних дел и получил широкую известность как соавтор и комментатор (совместно Вигельмом Штукартом) «Нюрнбергских расовых законов» 1935 г.. Теодор Оберлендер, исполнявший с 1953 по 1960 гг. функции министра по делам беженцев ФРГ, в прошлом был одним из ведущих нацистских экспертов по сельскохозяйственным проблемам Восточной Европы. За свою деятельность в эпоху нацизма в 1960 и 1963 годах соответственно Оберлендер и Глобке были заочно приговорены Высшим судом ГДР к пожизненному тюремному сроку, что было призвано продемонстрировать «политико-идеологическую преемственность» между Третьим Рейхом и «Боннским режимом». «Кадровый континуитет» наблюдался во многих западно-германских министерствах и в первую очередь в Федеральной разведывательной службе (БНД), в которой практически каждый десятый сотрудник в прошлом был связан с такими нацистскими организациями, как СС, СД и Гестапо¹⁶¹. По словам исследователя послевоенной немецкой культуры памяти, профессора Рейнско-Вестфальского технического университета Аахена Х. Кёниг, «старые элиты почти в полном составе вернулись на свои позиции в государственном аппарате, юстиции, науке и экономике»¹⁶². Прошлое большинства «добровольных подручных» и «попутчиков» объявлялось их частным делом и замалчивалось – при условии,

¹⁶⁰ Речь идет о законе об амнистии 1949 г. (Straffreiheitsgesetz) и так называемом «131-м законе» 1951 г. (Gesetz zur Regelung der Rechtsverhältnisse der unter Artikel 131 des Grundgesetzes fallenden Personen), который позволил бывшим государственным служащим Третьего рейха вернуться на свои рабочие места. В общей сложности в соответствии со 131-м законом были амнистированы порядка 55 тысяч бывших госслужащих, сотрудничавших с нацистами.

¹⁶¹ Brunold Robin. Der Umgang mit der NS-Vergangenheit in der Ära Adenauer. URL: <http://www.geschichte-lernen.net/aera-adenauer-umgang-ns-vergangenheit/> (дата обращения: 21.10.2015)

¹⁶² Кёниг Х. Будущее прошлого: Национал-социализм в политическом сознании ФРГ. М.: РОССПЭН, 2012. – С. 19.

что соответствующие лица, исполняя свои профессиональные и политические роли, не подрывают новый демократический порядок¹⁶³.

Таким образом, на протяжении большей части «эпохи Аденауэра» (1949-1963 гг.) забвение прошлого было доминирующей позицией большинства граждан ФРГ. Дискурс памяти о Холокосте и немецкой ответственности за него были позицией меньшинства. Наиболее значительными представителями этого меньшинства на политическом уровне стали лидер западно-германских социал-демократов Курт Шумахер и первый послевоенный министр культуры Баден-Вюртемберга, а затем и первый президент ФРГ Теодор Хойс. Шумахер и Хойс стали первыми занимавший высокий пост политиками, кто всячески старался подчеркнуть необходимость осознания ответственности немцев за Холокост и другие преступления нацистской Германии. Уже весной 1947 г. на съезде Социал-демократической партии в Нюрнберге К. Шумахер выступил за компенсацию морального и материального ущерба еврейскому народу, и подчеркнул обязанность участия в ней всех немцев¹⁶⁴. Стоит отметить, что Шумахер стал первым немецким политиком, приглашенным в Соединенные Штаты Америки после 1945 г. В октябре 1947 г. в рамках рабочей поездки в Сан-Франциско политик произнес речь перед членами Американской федерации труда, в которой еще раз отметил, что немцы обязаны возместить ущерб евреям, пострадавшим от нацистов¹⁶⁵. В свою очередь, 30 ноября 1952 г. президент Хойс выступил с речью в бывшем концлагере Берген-Бельзен по случаю открытия памятника его жертвам, в которой жестко раскритиковал попытки затушевать немецкие преступления или релятивизировать их ссылкой на чужие¹⁶⁶. В то же время, несмотря на наличие подобных призывов, в первом правительственном обращении К. Аденауэра евреи как жертвы нацизма были

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Schumacher Kurt. "Wir verzweifeln nicht" // Kurt Schumacher: Reden-Schriften-Korrespondenz, 1945–1952 / Albrecht Willy. – Berlin: J. J. W. Dietz, 1985. – S. 217.

¹⁶⁵ Herf Jeffrey. The emergence and legacies of divided memory: Germany and the Holocaust after 1945 // Memory and power in post-war Europe / Müller Jan Werner (ed.). – Cambridge: Cambridge University Press. – p. 188.

¹⁶⁶ Heuss Theodor. Das Mahnmahl (Rede anlässlich der Einweihung der Gedenkstätte Bergen-Belsen am 30. November 1952) // Heuss Theodor. Die großen Reden. Bd. 2.: Der Staatsmann. – Tübingen: Wunderlich, 1965. – S. 225.

упомянуты лишь мимоходом. В центре внимания обращения Аденауэра находились немецкие жертвы: военнопленные, депортированные, пострадавшие от бомбардировок граждане Германии¹⁶⁷. О безразличии по отношению к еврейским жертвам войны, царившем в Германии в первые послевоенные годы, свидетельствовала известный политолог Х. Арндт, в 1950 г. впервые после войны посетившая ФРГ: «Повсюду можно заметить, что нет никакой реакции на произошедшее, однако трудно сказать, является ли это намеренным отказом скорбеть или выражением действительной бесчувственности»¹⁶⁸. Наблюдения Арндт подтверждались эмпирическими данными соцопросов послевоенного периода. По результатам первых опросов в декабре 1946 г., 61% немцев придерживались антисемитских и расистских взглядов¹⁶⁹. Осенью 1949 г. социологи выяснили, что около трети западных немцев являются антисемитами¹⁷⁰. В «групповом эксперименте» Франкфуртского института социальных исследований в 1952 г. 62% участников имели крайне или относительно антисемитские взгляды¹⁷¹. Опрос 1951 г. показал, что 40% населения ФРГ считали «самым лучшим временем» период с 1933 по 1938 гг., 45 % назвали лучшей эпохой кайзеровскую Германию, и лишь 7 % отдали свое предпочтение Веймарской республике¹⁷². Таким образом, ориентация на авторитарное государство большинством немцев не воспринималась как проблема. Многие немцы разграничивали «хорошие 30-е» от «плохих 40-х», под которыми подразумевалась фаза военных неудач Германии¹⁷³. Эти и другие факты замалчивания нацистских преступлений, самооправдания и безразличия к немцам жертвам в первые послевоенные

¹⁶⁷ Regierungserklärung des Bundeskanzlers Konrad Adenauer vom 20. September 1949. URL: http://hdg.de/lemo/html/dokumente/JahreDesAufbausInOstUndWest_erklaerungAdenauerRegierungserklaerung1949/index.html (дата обращения: 13.06.2014)

¹⁶⁸ Arendt Hannah. Besuch in Deutschland 1950 // Hannah Arendt. Zur Zeit. Politische Essays / Knott Marie Luise (Hrsg.). – München: dtv, 1986. – S. 70.

¹⁶⁹ The Germans. Public Opinion Polls 1947-1966 / Neumann Erich Peter, Noelle-Neumann Elisabeth (Eds.). – Westport: Greenwood Pub Group Inc, 1981. – S. 195.

¹⁷⁰ Ibid.

¹⁷¹ Кёниг Х. Цит. соч. С. 115.

¹⁷² Görtemaker Manfred. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. – München: C.H. Beck, 1999. – S. 207.

¹⁷³ Ibid.

годы и в ранний период существования ФРГ впоследствии стали почвой для вызвавшего широкий общественный резонанс исследования супругов Мичерлих¹⁷⁴, выдвинувших тезис о «неспособности немцев к скорби», то есть о вытеснении из коллективной немецкой памяти всего, что было связано с преступлениями нацизма.

Огромным значением для формирования послевоенного немецкого национального и исторического самосознания обладала историография. Ведущие историки послевоенной Германии, придерживавшиеся в основном консервативно-либеральных взглядов – Г. Риттер, Г. Герцфельд, Г. Ротфельс, В. Конце, Т. Шидер, Э. Цехлин, К. Д. Эрдман, В. Бусман и В. Хубач – старались доказать, что между немецкой историей до 1933 г. и нацизмом не было континуальности, исторической преемственности, а сам Гитлер являлся гетеродоксальным и в целом «случайным эксцессом» немецкой истории¹⁷⁵. Тем самым с немецкого народа вновь снималась какая-либо ответственность за нацизм. Тему геноцида евреев ранняя послевоенная немецкая историография практически не затрагивала. В изобилии послевоенной исторической литературы особняком стояла лишь работа бывшего узника Бухенвальда О. Когона «Государство СС»¹⁷⁶, в которой автор пытался привлечь внимание общественности к бесчеловечным преступлениям нацистов.

Наиболее последовательно консервативная линия послевоенной немецкой историографии и, соответственно, «перспектива жертвы», была представлена в работах историка, профессора Фрайбургского университета Г. Риттера. В своей работе 1946 г. «История как средство образования»¹⁷⁷ Риттер писал, что готов «трезво и критически задать вопрос, где начался ошибочный путь немецкой истории и где он закончился, отказываясь от исторических конструкций,

¹⁷⁴ Mitscherlich Alexander, Mitscherlich Margarete. Die Unfähigkeit zu trauern. Grundlagen kollektiven Verhaltens. – München Piper Verlag, 1967. – 369 S.

¹⁷⁵ Fulbrook Mary. German national identity after the Holocaust. – Cambridge: Polity Press, 1999. – S. 118.

¹⁷⁶ Kogon Eugen. Der SS-Staat. – Frankfurt am Main: Europäische Verlagsanstalt, 1946. – 416 S.

¹⁷⁷ Ritter Gerhard. Geschichte als Bildungsmacht: Ein Beitrag zur historisch-politischen Neubesinnung. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1946. – 54 S.

суммарных оценок, туманных обобщений»¹⁷⁸. Позиция Риттера заключалась в том, чтобы отмежевать нацизм от длительных тенденций и особенностей исторического развития Германии. В частности, историк оспаривал ставший расхожим еще в период нацистской диктатуры тезис о преемственности между нацизмом и пруссачеством, подчеркивая полную противоположность фигур Бисмарка и Гитлера. Риттер позиционировал Гитлера как некое «инородное тело» в «здоровой национальной истории» Германии, как непредвиденное «вторжение демона» и «нового Чингисхана»¹⁷⁹. В другой своей работе «Европа и немецкий вопрос» Риттер писал, что гитлеризм представлял собой нечто «принципиально новое», и его возникновение было столь же непредсказуемо, как и появление фашизма в Италии и большевизма в России¹⁸⁰. Массовый, тоталитарный тип общества, по мнению историка, был принципиально чужд немецкой истории и культуре, и поэтому Германия должна вернуться к «уверенности в себе», отринуть подавленность и национальное самоуничижение¹⁸¹. С тезисами Риттера была созвучна работа известного немецкого историка Фридрих Майнеке. В своей книге «Немецкая катастрофа» Майнеке писал, что нацизм являлся результатом девиации, отклонения от рационального, прогрессивного хода немецкой истории, и представлял собой нечто вроде «природной катастрофы»¹⁸².

Таким образом, тон западно-немецких историков во многом перекликался с политикой Аденауэра по «преодолению прошлого», стремившейся отделить небольшую группу преступников от многочисленных «попутчиков» режима, с которых снималась всякая ответственность, и был конгруэнтен немецкой «перспективе жертвы». Та же оптика доминировала в толковании роли Вермахта во Второй мировой войне. «Перспектива жертвы» в сочетании с образом «чистого», или «незапятнанного» Вермахта (в противоположность

¹⁷⁸ Kracht Klaus G. Die zankende Zunft. Historische Kontroversen in Deutschland nach 1945. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. – S. 27.

¹⁷⁹ Ibid.

¹⁸⁰ Ritter Gerhard. Europa und die deutsche Frage. – München: Münchner Verlag, 1948. – S. 193-194.

¹⁸¹ Ibid. S. 198.

¹⁸² Meinecke Friedrich. Die deutsche Katastrophe. – Wiesbaden: Brockhaus, 1946. – S. 86.

«преступным СС») укрепились в особенности благодаря коллективной немецкой памяти о Сталинградской битве. Как в историографии, так и в мемуарно-автобиографическом и беллетристическом сегменте вплоть до 1960-х гг. предметом дискуссии часто становились «упущенные шансы» Вермахта – к примеру, возможность выбраться из «Сталинградского котла». Многочисленные документальные телевизионные драмы демонстрировали трагический образ немецких солдат, которые стали жертвами одновременно нескольких врагов: «безумного главнокомандующего» (А. Гитлера), «трусливых генералов», «русских танков» и «безжалостной зимы»¹⁸³. Одной из ключевых тем историографии Вермахта стали страдания немецких солдат в советском плену и тяжелая судьба немецких беженцев из Польши, Чехословакии, Венгрии и балканских стран. Ярчайшими примерами апологетической литературы о Вермахте стали такие произведения, как «Операция Барбаросса» П. Карелла¹⁸⁴, «Врач из Сталинграда» Х. Конзалика¹⁸⁵, «Это началось на Висле»¹⁸⁶ и «Конец на Эльбе»¹⁸⁷ Ю. Торвальда, «Невидимый флаг» П. Бамма¹⁸⁸. Немногочисленные работы о Вермахте, написанные с критических позиций, имели в западно-немецком обществе 1945-1950-х гг. крайне слабый резонанс.

Ярким примером «перспективы жертвы» стал автобиографический роман Э. фон Саломона «Опросный лист», изданный в 1951 г. тиражом 150 тысяч экземпляров и мгновенно ставший бестселлером. Саломон, принадлежавший к движению так называемой «консервативной революции» и находившийся во времена Веймарской республики и Третьего рейха в оппозиции нацизму «справа», с глубоким раздражением писал о «глупости» американских

¹⁸³ Wolfrum Edgar. Die Suche nach dem "Ende der Nachkriegszeit". Krieg und NS-Diktatur in öffentlichen Geschichtsbildern der "alten Bundesrepublik" Deutschland // Erinnerungskulturen. Deutschland, Italien und Japan seit 1945 / Brandt Susanne, Cornelißen Christoph, Klinkhammer Lutz, Schwentker Wolfgang (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2003. – S. 191.

¹⁸⁴ Carell Paul. Unternehmen Barbarossa. – Frankfurt am Main: Ullstein, 1963. – 575 S.

¹⁸⁵ Kosalik Heinz. Der Arzt von Stalingrad. – München: Kindler, 1957. – 488 S.

¹⁸⁶ Thorwald Jürgen. Es begann an der Weichsel. – Stuttgart: Steingrüben, 1953. – 275 S.

¹⁸⁷ Thorwald Jürgen. Das Ende an der Elbe. – Klagenfurt: Buch und Welt, 1950. – 400 S.

¹⁸⁸ Bamm Peter. Die unsichtbare Flagge: Ein Bericht. München: Kösel-Verlag, 1952. – 372 S.

оккупантов, которые заставили автора, наряду с полутора миллионами других немцев в американской зоне оккупации, заполнить денацификационный опросный лист – анкету из 131 вопроса о своей биографии до 1945 г. Другими темами книги Саломона стали критика нацизма как «демократической концепции, уничтожившей Пруссию», восторженное прославление штурмовых отрядов (СА) и их вождя Э Рёма, а также снисходительно-одобрительная оценка «Нюрнбергских расовых законов» 1935 г., которые низводили евреев до категории «людей второго сорта»¹⁸⁹.

Следует добавить, что в рамках «перспективы жертвы» были написаны и первые послевоенные западно-немецкие учебники истории. Характерно, что учебники для школ и гимназий 1950-х гг. не упоминали о преступлениях нацизма, а информация о военных кампаниях не сопровождалась фактами о военных преступлениях Вермахта¹⁹⁰. К примеру, в одном из учебников 1956 г. писалось, что Вермахт был непричастен к истреблению польских евреев, а Черчилль характеризовался как «поджигатель войны»¹⁹¹. В том же учебнике отмечалось, что «во Второй мировой войне все воюющие страны так или иначе совершали бесчестные действия – и Германия, и Англия, и США»¹⁹². Тема геноцида евреев и страданий других народов, ставших жертвами агрессии нацистской Германии, не затрагивалась¹⁹³. В то же время в учебниках 1950-х гг. подробно описывались страдания этнических немцев, изгнанных из Восточной Европы. Так, в одном из пособий писалось: «За насчитывающую две тысячи лет немецкую историю, в которой не было недостатка горю и страданиям, подобная катастрофа была для немецкого народа беспрецедентной»¹⁹⁴.

Столь настойчивая концентрация внимания на страданиях беженцев, потерявших свою историческую родину на Востоке, была неслучайной: их

¹⁸⁹ Salomon Ernst von. Der Fragebogen. – Hamburg: Rowohlt, 1951. – S. 205, 344, 376.

¹⁹⁰ Görtemaker Manfred. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. – München: C.H. Beck, 1999. – S. 208.

¹⁹¹ Цит. по: Crawshaw Steve. Ein leichteres Vaterland. Deutschlands Weg zu einem neuen Selbstverständnis. – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2005. – S. 55.

¹⁹² Ibid.

¹⁹³ Ibid. S. 56.

¹⁹⁴ Ibid.

судьба стала едва ли не самым значимым элементом немецкой «перспективы жертвы». Особое значение дискурса немецких беженцев заключалось в том, что он давал возможность выдвинуть мучения и нужду немцев на передний план и минимизировать значение преступлений, совершенных Германией. Показательно, что одно из первых значительных собраний документов о последствиях войны, подготовленных немецкими экспертами, было посвящено не нацистской политике на оккупированных Германией территориях, а изгнанию немцев из Восточной Европы¹⁹⁵. Значение проблемы беженцев было столь велико, что все 1950-1960-е гг. прошли в федеративной республике под знаком громких деклараций их прав на возвращение исторической родины. На символическом уровне дискурс беженцев, помимо прочего, выражался посредством наименования улиц в честь городов и регионов бывших немецких восточных территорий, и через создание многочисленных памятников и мемориальных комплексов.

1.3. Переоценка «перспективы жертвы» в 1950-1970-е гг.

На протяжении порядка десяти лет «перспектива жертвы» доминировала в подходе к нацистскому прошлому в ФРГ. Один из первых значительных импульсов к ее изменению можно датировать 24 декабря 1959 г.: в этот день в Кёльне была осквернена синагога, открытая незадолго до этого в присутствии канцлера К. Аденауэра, на ее стенах были начертаны свастика и лозунг: «Немцы говорят: долой евреев!»¹⁹⁶. За данным эксцессом последовала серия антисемитских надписей, и до конца 1960 г. в ФРГ было зарегистрировано 470 антисемитских инцидентов¹⁹⁷. Под воздействием событий в Кёльне ряд западно-германских изданий, таких как «Цайт», «Вельт», «Штерн», «Шпигель»

¹⁹⁵ Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa. In Verbindung mit Werner Conze, Adolf Diestelkamp, Rudolf Laun, Peter Rassow und Hans Rothfels, bearbeitet von Theodor Schieder / Bundesministerium für Vertriebene, Flüchtlinge und Kriegsgeschädigte (Hrsg.). – München: dtv, 1953-1962. – 5328 S.

¹⁹⁶ Кёниг Х. Цит. соч. С. 25.

¹⁹⁷ Там же.

развернули критику недостаточного «преодоления прошлого». В частности, в газете «Вельт» писалось, что причиной антисемитских выхонок стало замалчивание прошлого и недостаточное просвещение молодежи¹⁹⁸. «Досадно, - писала «Франкфуртер нойе прессе», - что мы занялись этой проблемой через 14 лет после катастрофы»¹⁹⁹. Антисемитские инциденты в Кёльне способствовали тому, что уже в феврале 1960 г. министерство культуры ФРГ приняло «Указания о преподавании недавнего прошлого на уроках истории и обществоведения в школах», в которых, в частности, требовалось усовершенствовать политическое воспитание будущих западно-германских учителей. С этой целью было предписано организовать новые кафедры политологии, создавать библиотеки для учителей и учеников, фонд которых состоял исключительно из исследований, посвященных нацистскому периоду. Конституции некоторых федеральных земель юридически обязывали преподавать граждановедение в качестве школьного предмета²⁰⁰.

Еще более значимым толчком к усилению критического отношения к нацистскому прошлому и отказу от «перспективы жертвы» стали крупные процессы против нацистских преступников: Ульмский процесс 1958 г., процесс по делу Адольфа Эйхмана в Иерусалиме 1961-1962 гг. и Освенцимский процесс во Франкфурте-на-Майне 1963-1964 гг. Эти и ряд других процессов вызвали сильнейший общественный резонанс и форсировали дискурс о немецком прошлом. Обвиняемыми на Ульмском процессе, проходившем с 28 апреля по 29 августа 1958 г., стали десять бывших членов Тайной полиции (Гестапо) и службы государственной безопасности (СД), причастные к убийству более пяти с половиной тысяч евреев на немецко-польской границе летом и осенью 1941 г. Все десять преступников вернулись после войны к гражданской жизни, избежав

¹⁹⁸ Die Fragen // Die Welt, 28.12.1959. Цит. по: Kiani Shida. Zum politischen Umgang mit dem Antisemitismus in der Bundesrepublik // Die Nachkriegsgesellschaft im langen Schatten des Nationalsozialismus. Erfolgsgeschichte Bundesrepublik? / Glienke Stephan Alexander, Paulmann Volker, Perels Joachim (Hrsg.). – Göttingen, 2008. – S. 134.

¹⁹⁹ Frankfurter Neue Presse, 09.03.1959. Цит. по: Борозняк А.И. ФРГ: волны исторической памяти // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 107.

²⁰⁰ Fröhlich Claudia. Rückkehr zur Demokratie – Wandel der politischen Kultur in der Bundesrepublik // Reichel Peter, Schmid Harald, Steinbach Peter (Hrsg.). Der Nationalsozialismus: die zweite Geschichte. Überwindung, Deutung, Erinnerung / Reichel Peter (Hrsg.). – München: C. H. Beck, 2009. – 116.

правосудия. К примеру, бывший ээсовец и глава полиции в Мемеле Бернхард Фишер-Шведер после войны под чужим именем руководил лагерем для беженцев в Ульме. Когда его идентичность была установлена, Фишер-Шведер был уволен. Тогда бывший нацист обратился в суд, требуя восстановления его должности. После появления информации об этом деле в прессе ФРГ один из наблюдателей обратил внимание западно-германских властей на то, что Фишер-Шведер участвовал в массовых расстрелах евреев в 1941 г.²⁰¹ По результатам процесса, все обвиняемые были приговорены к срокам тюремного заключения от трех до пятнадцати лет с утратой гражданских прав от двух до десяти лет. Ульмский процесс, широко освещавшийся в СМИ, вызвал у граждан ФРГ большой интерес, вскрыв тот факт, что многие нацистские преступники по-прежнему живут безнаказанно и участвуют в общественной жизни страны. Процесс послужил прямой предпосылкой к созданию в 1958 г. Центрального ведомства управлений юстиции земель ФРГ по расследованию нацистских преступлений в Людвигсбурге, главной задачей которого стала координация уголовного преследования немецких военных преступников. Уже в 1959 г. ведомство провело порядка 400 предварительных расследований против бывших членов Имперской службы безопасности (СД), полиции и персонала нацистских концлагерей²⁰².

Суд над Адольфом Эйхманом, проходивший с 11 апреля по 15 декабря 1961 гг., приковал к себе внимание миллионов немцев как в ФРГ, так и в ГДР, поскольку в данном случае речь шла об одном из непосредственных организаторов и исполнителей геноцида евреев в 1939-1945 гг. Процесс над преступником стал предметом оживленной дискуссии в западно-германской прессе и поднял множество «неудобных» для немцев вопросов. Суд также стал темой резонансной книги крупного немецко-американского философа Х.

²⁰¹ Müller Sabrina. Zum Drehbuch einer Ausstellung. Der Ulmer Einsatzgruppenprozess von 1958 // Vom Recht zur Geschichte. Akten aus NS-Prozessen als Quellen der Zeitgeschichte / Finger, Jürgen; Keller, Sven, Wirsching, Andreas (Hrsg.). – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2009. – S. 208.

²⁰² Greve Michael. Der justitielle und rechtspolitische Umgang mit den NS-Gewaltverbrechen in den sechziger Jahren. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2001. – S. 56.

Арендт «Эйхман в Иерусалиме»²⁰³, в основу которой легли ее личные наблюдения за ходом процесса в качестве корреспондента журнала «Нью-Йоркер».

Третьим и наиболее значительным антинацистским процессом 1960-х гг. стал так называемый Освенцимский процесс во Франкфурте-на-Майне, проходивший с 20 декабря 1963 г. по 10 августа 1965 г. Данный процесс приобрел в контексте немецкой культуры памяти исключительное значение, поскольку Освенцим являлся концлагерем, в котором нацистами в период войны было уничтожено наибольшее число евреев по сравнению с другими «лагерьми смерти» (Треблинка, Собибор, Хелмно и Майданек) – порядка миллиона человек²⁰⁴. Перед судом предстали 60 бывших надзирателей лагеря. Девять эсэсовцев и пять бывших заключенных, сотрудничавшие с нацистами и причастные к убийствам, были осуждены на пожизненное тюремное заключение. К участию в процессе было привлечено около 360 свидетелей из 19 стран, включая 210 бывших узников Освенцима²⁰⁵. Процесс во Франкфурте подробно освещался средствами массовой информации ФРГ и способствовал интенсификации исследований немецких ученых. Уже в 1965 г. были выпущены два объемных собрания документов о процессе²⁰⁶. Кроме того, на основе материалов процесса группа ведущих западно-германских историков опубликовала фундаментальное исследование «Анатомия государства СС»²⁰⁷, которое и по сей день является незаменимым для изучения структуры и

²⁰³ Arendt Hannah. Eichmann in Jerusalem. A Report on the Banality of Evil. – New York: Penguin Book, 1963. – 312 p.

²⁰⁴ Gross Raphael, Renz Werner. Vorwort // Der Frankfurter Auschwitz-Prozess (1963-1965). Kommentierte Quellenedition / Gross Raphael, Renz Werner (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2013. – S. 7.

²⁰⁵ Лезина Е. Источники изменения официальной коллективной памяти (на примере послевоенной ФРГ) // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 4 (110), 2011. URL: <http://www.urokiistorii.ru/memory/conf/51112> (дата обращения: 18.12.2014)

²⁰⁶ Der Auschwitz-Prozess. Eine Dokumentation. 2 Bde. / Langbein Hermann (Hrsg.). – Wien: Europa Verlag, 1965. – 1027 S.; Auschwitz. Bericht über die Strafsache gegen Mulka und andere vor dem Schwurgericht Frankfurt / Naumann Bernd (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Athenäum Verlag, 1965. – 331 S.

²⁰⁷ Buchheim Hans, Broszat Martin, Jacobsen Hans-Adolf, Krausnick Helmut. Anatomie des SS-Staates. 2 Bde. – Olten: Walter Verlag, 1965. – 694 S.

динамики нацистского террора²⁰⁸. По оценке исследователя немецкой проработки прошлого Д. Пендаса, Освенцимский процесс стал одним из ключевых событий послевоенной Германии, повлиявших на развитие немецкого дискурса памяти, о само понятие «Освенцим» превратилось в главный символ нацистских преступлений²⁰⁹.

На фоне происходящего попытку критического осмысления прошлого и настоящего Германии предпринял крупный немецкий философ Теодор Адорно. В своем известном радио-выступлении 1959 г. «Что значит проработка прошлого», позже переработанного в виде статьи, Адорно говорил: «Прошлое, от которого хотят убежать, еще живо. Национал-социализм не мертв, и нам до сих пор неизвестно, то ли это просто призрак того, что было настолько ужасным, что и собственная смерть его не убила, то ли он так и не умер, и готовность совершить невыразимое подспудно живет в людях, равно как и в окружающем их порядке»²¹⁰. Адорно указывал на то, что демократия в ФРГ «не укоренилась настолько, чтобы люди по-настоящему переживали бы ее как свое собственное дело, осознавая себя субъектами политических процессов. Ее воспринимают как одну систему из многих, словно бы на выбор предлагались коммунизм, демократия, фашизм, монархия. Но ее не воспринимают как идентичную самому народу форму управления, как выражение его зрелости»²¹¹. Адорно видел причину неукорененности западно-германской демократии в отсутствии критической саморефлексии немецкого общества. По мнению философа, в ФРГ имелась тенденция к «бессознательной, а также не такой уж бессознательной защиты от чувства вины, стремление подвести под прошлым

²⁰⁸ Frei Norbert. Der Frankfurter Auschwitz-Prozess und die deutsche Zeitgeschichtsforschung // *Auschwitz: Geschichte, Rezeption und Wirkung. Jahrbuch 1996 zur Geschichte und Wirkung des Holocaust.* – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 1996. – S. 131.

²⁰⁹ Pendas Devin O. Der 1. Frankfurter Auschwitz-Prozess 1963-1965. Eine historische Einführung // *Der Frankfurter Auschwitz-Prozess (1963-1965). Kommentierte Quellenedition / Gross Raphael, Renz Werner (Hrsg.).* – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2013. – S. 55.

²¹⁰ Адорно Т. Что значит «проработка прошлого?» // «Неприкосновенный запас» 2005, №2-3(40-41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ado4.html> (дата обращения: 26.09.2014)

²¹¹ Там же.

черту и по возможности стереть его из памяти»²¹². Адорно отмечал, что крах гитлеровского режима нанес ущерб «коллективному нарциссизму» немцев, однако удар коснулся лишь сферы «чистой фактичности», а отдельные люди не осознали его и потому не сумели справиться с ним²¹³. По словам Адорно, среди немцев даже не было «паники, которая возникает там, где разламываются коллективные идентификации», из чего следует, что «старые основы национальной идентификации и коллективный нарциссизм вовсе не были разрушены, а продолжают существовать подспудно и неосознанно и потому приобретают особую мощь»²¹⁴. В свою очередь, психоаналитики Александр и Маргарете Мичерлих в 1967 г. говорили о наличествующей ФРГ «неспособности к скорби»²¹⁵, имея в виду недостаточность мер по сведению счетов с нацистским прошлым. По мнению супругов Мичерлих, ФРГ до сих пор не сумела критически осознать прошлое, на эмоциональном уровне немцы не приняли как факт гибель Третьего рейха и не смирились с ней.

В целом можно утверждать, что появление критических наблюдений, подобных тем, которые делали Т. Адорно, А. и М. Мичерлих и другие авторы, говорил о росте рефлексии среди немецкой интеллектуальной элиты. Изменение подхода к прошлому отразилось также в сфере литературы и искусства ФРГ. В 1955 г. был опубликован дневник Анны Франк, еврейской девочки, погибшей в концлагере Берген-Бельзен в 1945 г. Книга, а затем и театральная пьеса на ее основе дали толчок к переосмыслению немцами роли евреев как центральных жертв нацизма и Второй мировой войны. В 1955-1958 гг. «Дневник Анны Франк» был распродан в количестве 700 тысяч экземпляров²¹⁶. В 1963 г. на сцене западногерманских театров вышла драма Рольфа Хоххута «Наместник», повествующая о роли католической церкви при

²¹² Там же.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Mitscherlich Alexander, Mitscherlich Margarete. Die Unfähigkeit zu trauern. Grundlagen kollektiven Verhaltens. – München: Piper Verlag, 1967. – 369 S.

²¹⁶ Kramer Sven. "Tagebuch der Anne Frank" // Lexikon der 'Vergangenheitsbewältigung' in Deutschland: Debatten- und Diskursgeschichte des Nationalsozialismus nach 1945 / Fischer Torben, Lorenz Matthias N. (Hrsg.). – Bielefeld. S. 107.

нацизме и молчании Ватикана о Холокосте. В октябре 1965 г. одновременно в 15 театрах ФРГ и ГДР состоялась премьера спектакля по пьесе Петера Вайса «Дознание», в центре которой находится Освенцимский процесс. Из художественной литературы большим читательским интересом пользовались романы Гюнтера Грасса «Жестяной барабан» (1959 г.) и «Бильярд в половине десятого» (1959 г.) Генриха Белля. На сознание миллионов немцев большое влияние оказывал и кинематограф. К концу 1950-х гг. по-прежнему были популярны фильмы с «классическими» сюжетами, повествующие о «честных» немецких солдатах и борцах движения Сопротивления. Однако в то же время росло число новых картин, снятых с критической перспективы в отношении немецкого прошлого. К примеру, главной темой фильма «Мост» (1959 г.) Бернхарда Вики стала судьба немецких детей, мобилизованных нацистами в 1945 г. для «последней битвы» («Endkampf»). В фильме «Розы для господина прокурора» (1959 г.) режиссера Вольфганга Штаудте рассказывалось о послевоенных карьерах бывших нацистских юристов. В другом фильме Штаудте «Кирмес» (1960 г.) повествуется об отношении к дезертирам из немецкой армии в последней фазе войны.

Следует также отметить появление в ФРГ в конце 1950-х – начале 1960-х гг. ряда выставок, направленных на критическое осмысление нацистского прошлого. Самыми заметными из них стали выставка в Карлсруэ 1959 г. «Безнаказанное нацистское правосудие» о преемственности между Третьим рейхом и ФРГ в сфере юстиции, берлинская выставка 1960 г. «Прошлое предостерегает», а также фотовыставка «Варшавское гетто» 1963 г. и «Освенцим – фотографии и документы» 1964 г. во франкфуртской Паульскирхе.

Существенное значение для повышения интереса к нацистскому прошлому в Германии имели две резонансные дискуссии 1960-х гг.: так называемые «дебаты Ясперса» 1960 г. и «спор Фишера» 1961-1965 гг. Летом 1960 г. Карл Ясперс заявил в телеинтервью, что «политическая свобода обоих

немецких государств важнее, чем их воссоединение»²¹⁷. Тем самым философ имплицитно приписывал немцам ответственность за разделение Германии, которое, с его точки зрения, было справедливым наказанием за катастрофу нацизма. Слова философа спровоцировали жесткую публицистическую и политическую дискуссию. Большой резонанс в ФРГ также вызвала дискуссия о вышедшей в 1961 г. в свет работе западногерманского историка Фрица Фишера «Рывок к мировому господству». В своем труде Фишер отстаивал тезис о том, что главную вину за развязывание Первой мировой войны несли консервативные правящие круги Германии, и имплицировал мысль о преемственности империалистической, захватнической политики кайзеровской и нацистской Германии²¹⁸.

Определенное значение для изменения политики памяти о нацистском прошлом в ФРГ имела политическая кампания, инициированная ГДР с середины 1950-х гг. В 1957-1959 гг. «Комитет немецкого единства» под руководством члена политбюро СЕПГ Альберта Нордена обнародовал списки западногерманских юристов с данными об их профессиональной деятельности нацистский период, тем самыми обличив преемственность между общественно-политическими элитами Третьего рейха и ФРГ. В центре внимания оказались такие высокопоставленные политики ФРГ, как статс-секретарь и советник Конрада Аденауэра Ганс Глобке, министр по делам беженцев, переселенцев и пострадавших от войны Теодор Оберлендер, а также президент ФРГ Генрих Любке. Оберлендер и Глобке были заочно приговорены Высшим судом ГДР к пожизненному тюремному заключению. Под политическим давлением Оберлендер вынужден был уйти в отставку в 1960 г., Глобке был отправлен на пенсию в 1963 г., а президент ФРГ Любке ушел в отставку в 1969 г. В целом кампания ГДР по дискредитации увенчалась успехом, а восточногерманские

²¹⁷ Цит. по: Wolfrum Edgar. *Geschichtspolitik in der Bundesrepublik Deutschland: der Weg zur bundesrepublikanischen Erinnerung 1948-1990*. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1999. – S. 226.

²¹⁸ Biermann Tim. «Fischer-Kontroverse» // *Lexikon der «Vergangenheitsbewältigung» in Deutschland. Debatten- und Diskursgeschichte des Nationalsozialismus nach 1945* / Fischer Torben, Lorenz Matthias N. (Hrsg.). – Bielefeld: Transcript, 2007. – S. 151-153.

лидеры сумели укрепить «антифашистский миф» и имидж ГДР как «лучшей Германии».

Немаловажную роль в усилении немецкого дискурса о прошлом также сыграли масштабные общественные дебаты по поводу вопроса об истечении срока давности нацистских преступлений, которые шли в ФРГ в 1960-е гг. В соответствии с немецким законодательством, срок исковой давности за преступления нацистов должен был вступить в силу 8 мая 1965 г., 20 лет спустя безоговорочной капитуляции Германии. Бурная полемика относительно данного решения, разгоревшаяся как в ФРГ, так и в других странах, прежде всего в Польше, Бельгии, Нидерландах и Франции, привела к тому, что в январе 1965 г. 49 депутатов Бундестага от партии ХДС по главе с Эрнстом Бенда, а также фракция СПД потребовали отмены срока давности. Главным аргументом политиков стало убеждение, что речь в данном случае идет о моральной проблеме, стоящей выше любых юридических соображений. «Основные принципы справедливости [...] были бы загублены, если бы убийства [...] остались безнаказанными», - подчеркивал Э. Бенда²¹⁹. Обращаясь к тем, кто был заинтересован во вступлении срока давности в силу с целью сохранения «национальной чести», Бенда заявил, что «понятие национальной чести заключается в том, что немецкий народ не идентифицирует себя с этими убийцами, а [...] может освободиться от них»²²⁰. При этом Бенда подчеркнул, что проработка прошлого является ответственностью Германии, а «подведение черты» не только нанесет вред престижу ФРГ, но и будет актом трусости и лицемерия. В результате дискуссии в Бундестаге было принято решение, что 26 июня 1969 г. срок давности нацистских преступлений должен быть полностью

²¹⁹ Цит. по: Klinge Katharina. Die Verjährungsdebatte des Deutschen Bundestags im Lichte der deutsch-israelischen Beziehungen. – München: Grin Verlag, 2007. – S. 3.

²²⁰ Ibid. S. 4.

отменен, а в 1979 г. Бундестаг принял окончательное решение об отмене срока давности в отношении преднамеренных убийств²²¹.

Существенный вклад в проработку прошлого в 1960-1970-х гг. внесла западно-германская историография. В этот период начительно возросло количество исследований, объясняющих сущность, структуру и динамику гитлеровского режима. К числу наиболее важных и знаковых трудов принадлежали, в частности, работа Андреаса Хилльгрубера о стратегических планах Гитлера во Второй мировой войне²²², монография Карла Дитриха Брахера «Немецкая диктатура»²²³, исследование Эберхарда Йеккеля «Мировоззрение Гитлера»²²⁴, книга Мартина Бросцата «Государство Гитлера»²²⁵. Методологическая новизна работ немецких ученых заключалась, прежде всего, в синтезе «истории идеологий» и структурного анализа государственной машины гитлеровской Германии. Авторы стремились понять, в какой степени Третий рейх являлся «монархическим» государством, какую роль в действительности играл в нем Гитлер, какое влияние на ход событий оказывали другие политические руководители, гражданские и военные институты Германии, следовал ли Гитлер четкой программе или же его действия были в большей степени продиктованы тактическими мотивами и т.д.

Особое внимание в контексте динамики немецкой идентичности заслуживает так называемое «поколение 1968-го г.», которое являлось одновременно и активным субъектом, и объектом смены подходов и установок к немецкому прошлому. К «поколению 1968 г.», или поколению студенческого движения, относились, прежде всего, немцы, родившиеся в 1938-1948 гг. «Поколение 68-го г.» было, соответственно, первым поколением немцев, которые социализировались в условиях послевоенной Германии, и которые

²²¹ Gegenwärtige Vergangenheit: Verjährungsdebatte. URL: <http://www.hdg.de/lemo/html/DasGeteilteDeutschland/KontinuitaetUndWandel/GegenwaertigeVergangenheit/verjaehrungsdebatte.html> (дата обращения: 18.06.2014)

²²² Hillgruber Andreas. Hitlers Strategie. – Frankfurt am Main: Bernard & Graefe, 1965. – 715 S.

²²³ Bracher Karl Dietrich. Die deutsche Diktatur. – Köln: Kiepenheuer, 1969. – 580 S.

²²⁴ Jäckel Eberhard. Hitlers Weltanschauung. Entwurf einer Herrschaft. Tübingen: Wunderlich, 1969. – 160 S.

²²⁵ Broszat Martin. Der Staat Hitlers. Grundlegung und Entwicklung seiner inneren Verfassung. – München: dtv, 1969. – 472 S.

черпали знание о нацизме не из личного жизненного опыта, а преимущественно из исторических источников и свидетельств других лиц. Как отмечает Х. Кёниг, в отличие от поколения «помощников зенитчиков» (1926-1930 гг. рождения), которое прагматично интегрировалось в послевоенную систему отношений и выдвинулось на роль ее главных организаторов, «поколение 1968 г.» пошло на бунт против менталитета отцов, социализировавшихся при нацизме и после войны принявших «перспективу жертвы»²²⁶. Еще в 1961 г. Ханна Арендт констатировала: «Разрыв поколений огромен. Они (молодые немцы – *примеч. авт.*) не могут разговаривать со своими отцами, потому что они знают, насколько глубоко они были вовлечены в преступления нацистов»²²⁷. По словам психоаналитика Тильмана Мозера, «многие представители “поколения 1968-го г.” не выдержали того, что они были детьми преступников и попутчиков режима. Из отвращения они как бы отказались от связи поколений, чтобы остаться самим чистыми»²²⁸. Публицист и политолог Ральф Дарендорф отмечал, что с временной дистанцией к преступлениям нацизма выросло новое поколение, «которое могло ставить вопросы, не ощущая опасности, что ответы заденут их самих»²²⁹. Исследователь послевоенной немецкой идентичности и «устной истории», профессор Йенского университета Лутц Нитхаммер указывает на то, что в ходе своего бунта молодежь идентифицировала себя в первую очередь с подавленными традициями немецких левых и жертвами национал-социализма²³⁰.

Находясь под значительным влиянием концепций так называемой «Франкфуртской школы», «поколение 1968-го г.» подвергло фундаментальной критике «перспективу жертвы», замалчивание и забвение эпохи Третьего рейха в ФРГ. Критически настроенная молодежь пыталась выявить линии

²²⁶ Кёниг Х. Указ. соч. С. 28.

²²⁷ Цит. по: Frei Norbert. 1968. Jugendrevolte und globaler Protest. – München: dtv, 2008. – S. 80.

²²⁸ Moser Tilmann. Politik und seelischer Untergrund. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1993. – S. 84.

²²⁹ Цит. по: Miquel Marc von. Aufklärung, Distanzierung, Apologie. Die Debatte über die Strafverfolgung von NS-Verbrechen in den sechziger Jahren // Beschweigen und Bekennen. Die deutsche Nachkriegsgesellschaft und der Holocaust / Frei Norbert, Steinbacher Sybille (Hrsg.). – Göttingen: Wallstein Verlag. – S. 64.

²³⁰ Нитхаммер Л. Вопросы к немецкой памяти. – М.: Новое издательство, 2012. – С. 433-434.

преемственности между ФРГ и нацизмом, исходя из убеждения, что ФРГ угрожает постепенный возврат к нацистским принципам и установкам – в первую очередь из-за того, что не ликвидирован экономический уклад общества, послуживший предпосылкой фашизма²³¹. В частности, данную идею пытался обосновать представитель «поколения 1968-го г.», профессор политологии Марбургского университета Рейнхард Кюнль. В книге «Формы буржуазного господства» Кюнль писал, что фашизм является «продуктом социально-экономического кризиса, который, в свою очередь, вытекает из сложностей капиталистического воспроизводства»²³².

Стоит заметить, что комплекс убеждений «поколения 1968-го г.», при всей своей радикальной идеологизированности и политизированности, отнюдь не был безосновательным, если вспомнить о резистентности немецкой «перспективы жертвы», интеграции тысяч бывших нацистов в государственный аппарат ФРГ, а также нацистское прошлое третьего канцлера ФРГ Курта Георга Кизингера, руководившего страной с 1966 по 1969 гг.

В контексте студенческого движения важную роль в процессе критического переосмысления немецкого прошлого приобрел журнал «Аргумент», главным редактором которого был политолог, профессор Свободного университета Берлина Вольфганг Фриц Хауг. Главной целью журнала была популяризация и анализ ключевых концепций главных теоретиков «Франкфуртской школы»: Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Г. Маркузе, Э. Фромма, В. Беньямина. Кроме того, в журнале публиковались и обсуждались работы представителей «второго поколения» Франкфуртской школы: Ю. Хабермаса, Л. фон Фридебурга, А. Шмидта, О. Негта. Большое внимание в журнале уделялось разбору важнейших исторических, социологических и политологических исследований о генезисе, идеологической и социальной

²³¹ Кёниг Х. Указ соч. С. 28.

²³² Цит. по: Kracht Klaus G. Op. cit. S. 79.

структуре нацистской диктатуры²³³. Основываясь на теоретических разработках, изложенных в журнале «Аргумент», В. Ф. Хауг впоследствии опубликовал работу под заглавием «Беспомощный антифашизм»²³⁴, в которой подверг жесткой критике недостаточную и половинчатую проработку прошлого учеными, в свое время сотрудничавшими с нацистами²³⁵. Таким образом, изучение теоретических проблем нацистского прошлого сопрягалось с поиском и обнаружением дискредитирующей профессорской информации. В первую очередь, речь шла о фактах поддержки учеными нацистской идеологии и политики в период Третьего рейха. Так, берлинский студент Франк Мальгре писал в университетской газете «ФУ-Шпигель» в 1966 г.: «Мы не хотим личных признаний, как бы они ни были важны для студентов того или иного профессора, - мы хотим понять глубинные причины извращения науки в Третьем рейхе; какие социальные, политические, психологические и институциональные установки сделали немецкий университет послушным орудием нацистов, и какие выводы сделал если не университет, то хотя бы отдельно взятый профессор для своей научной работы»²³⁶.

Несмотря на крайнюю степень политической ангажированности и идеологизированности позиций «поколения 1968 г.», несомненным представляется их влияние на рост интереса к нацистскому прошлому в западно-германском обществе. Благодаря критическим настроениям и взглядам «поколения 1968-го г.» в общественном дискурсе принципиальнее начинали ставиться такие вопросы, как: «почему большинство немцев поддерживало Гитлера, в агрессивных которого никогда не было никаких сомнений?», «как был возможен 1933 г.?», «почему у оппозиции Гитлеру не было шансов на успех?», «какие социальные группы принадлежали к тем, кто выиграл от

²³³ Valenta Martin. Kritische Theorie der Frankfurt Schule und die deutsche linke Protestbewegung: Diskurs- und Rezeptionsanalyse // Studia Territorialis X 2010. 3-4. –Karluniversität Prag: Carolinum Verlag, 2011. – S. 152.

²³⁴ Haug Wolfgang Fritz. Der hilflose Antifaschismus. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1967. – 159 S.

²³⁵ Paulmann Volker. Die Studentenbewegung und die NS-Vergangenheit in der Bundesrepublik // Die Nachkriegsgesellschaft im langen Schatten des Nationalsozialismus. Erfolgsgeschichte Bundesrepublik? / Glienke Stephan Alexander, Paulmann Volker, Perels Joachim (Hrsg.). – Göttingen, 2008. – 198.

²³⁶ Malgre Frank. Des Teufels Pädagogen // FU-Spiegel (52). – Berlin: Allgemeiner Studenten-Ausschuss der Freien Universität, 1966. – S. 20.

режима и кто проиграл?», «был ли национал-социализм типично немецким феноменом?», «имел ли нацизм предтеч в немецкой истории?», «какие обстоятельства, установки и опыт облегчили успех нацизма?». Вопросы, подобные этим, создавали новую, центрированную на Третьем рейхе картину немецкой истории, через призму которой отныне рассматривались и оценивались и другие ее эпохи. Немецкий писатель Бернхард Шлинк, принадлежавший к «поколению 1968-го г.», свидетельствовал: «Для большинства из нас прошлое – Третий рейх и Холокост – были решающими. Они стояли в центре нашего отмежевания от родителей. Оперирование этими понятиями стало элементом нашего самосознания»²³⁷.

Импульсы критической проработки прошлого, носителями которых было «поколение 1968-го г.», распространились далеко за пределы студенческой и молодежной среды и охватили всю научную и культурную жизнь ФРГ. Тема непреодоленного нацистского прошлого проходила красной нитью через практически все научные дискуссии ФРГ 1960-1970-х гг. Их важнейшим результатом стала масштабная демократизация университетов, которая в дальнейшем распространилась на всю систему образования и воспитания и на политическую культуру ФРГ²³⁸. Активность «поколения 1968 г.» способствовала тому, что «перспектива жертвы», прежде доминировавшая в ФРГ, стала терять характер негласного консенсуса и вытесняться в правый спектр немецкого общества²³⁹. По мнению исследователя западно-германской идентичности Б. Эберан, деятельность «поколения 1968-го г.» в определенном отношении обозначила в Западной Германии более глубокую психологическую цезуру, чем окончание войны в 1945 г., поскольку, в отличие от первых послевоенных лет, проблема вины и ответственности за нацизм больше не экстерииоризировалась, а наоборот, перемещалась в центр общественного

²³⁷ Schlink Bernhard. *Vergangenheitsschuld. Beiträge zu einem deutschen Thema.* – Zürich: Diogenes, 2007. – S. 113.

²³⁸ Paulmann Volker. *Op. cit.* S. 210.

²³⁹ Crawshaw Steve. *Op. cit.* S. 209.

внимания²⁴⁰. Данной точки зрения придерживается и Е. Лезина: если в первые послевоенные годы осознание важности критического осмысления истории были уделом преимущественно леволиберальных интеллектуалов, то к концу 1960-х гг. благодаря распространению антинацистской повестки студенческого движения эти идеи стали постепенно проникать в общественное сознание, а в 1970-е гг. база их поддержки расширилась в связи с появлением массовых социальных движений, и в первую очередь движения «зеленых»²⁴¹.

Отдавая дань заслугам «поколения 1968-го г.», президент ФРГ Йоханнес Рау в 2001 г. заявил: «Мы благодарны этому протестному движению за решающий импульс, вследствие которого мы как общество стали более открыто и честно относиться к этому прошлому, чем это было ранее»²⁴².

1.4. «Новая восточная политика» ФРГ: отказ от «перспективы жертвы» на внешнеполитическом уровне

С середины 1960-х гг. важные изменения в немецкой культуре памяти о прошлом происходят в контексте государственной политики ФРГ. Новое поколение политиков из рядов социал-демократов и либералов публично поставило перед немецким обществом вопрос, не шла ли слишком часто речь о немецких претензиях и правах и слишком редко о немецкой вине и ответственности за прошлое²⁴³. «Гитлер спровоцировал своей войной приход СССР на Эльбу. Он – единственный ответственный за советизацию всей восточной и юго-восточной Европы. Национал-социализм создал предпосылки для разделения Германии, расчленения Германского рейха. Гитлер был не только смертельным врагом народов Советского Союза, но и могильщиком

²⁴⁰ Eberan Barbro. Eberan Barbro. Luther? Friedrich der Grosse? Wagner? Nietzsche? Wer war an Hitler schuld? Die Debatte um die Schuldfrage 1945-1949. – München: Minerva, 1983. – S. 202.

²⁴¹ Там же.

²⁴² Rau Johannes. Rede zu Inge Deutschkron aus Anlass der Veranstaltung “Grenzdenker”, 11.03.2001. URL: http://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Johannes-Rau/Reden/2001/03/20010311_Rede.html (дата обращения: 15.08.2015)

²⁴³ Assmann Aleida, Frevort Ute. Op. cit. S. 215.

старого европейского порядка и немецкого единства», - писал в связи с этим западно-германский публицист Вольфганг Шолльвер²⁴⁴.

Со сменой правительства ФРГ в 1969 г. и приходом к власти социал-либеральной коалиции был по-новому сформулирован немецкий вопрос, что привело к изменению историко-политической системы координат ФРГ. «Политика разрядки», «новая восточная политика», выравнивание отношений с СССР, легитимация границы по Одере и Нейсе и, наконец, договор об основах отношений с ГДР 1972 г.²⁴⁵ имели значительное влияние на общественное сознание ФРГ. В своей речи по случаю вступления в должность канцлера ФРГ социал-демократ Вилли Брандт заявил, что он считает себя «канцлером не побежденной, а освобожденной Германии»²⁴⁶, а выступая в бундестаге 8 мая 1970 г., Брандт сказал: «То, что 25 лет назад огромным количеством немцев воспринималось как личная и национальная беда, для других народов было освобождением от иностранного господства, террора и страха. Для большинства немцев также появился шанс для нового начала, для создания законности и демократии»²⁴⁷.

Особое значение в рамках «новой восточной политики» Брандта получил Варшавский договор, заключенный между ФРГ и Польшей 7 декабря 1970 г. Исторически отношения между Польшей и Германией носили крайне напряженный характер: Польша была первой действительной жертвой нацистской агрессии, в период нацизма погиб каждый шестой поляк²⁴⁸. Как и в Московском договоре, подписанном между ФРГ и СССР 12 августа 1970 г., в Варшавском договоре провозглашался отказ от применения силы, и обе

²⁴⁴ Цит. по: Süß Winfried. "Wer aber denkt für das Ganze?" Aufstieg und Fall der ressortübergreifenden Planung im Bundeskanzleramt // Demokratisierung und gesellschaftlicher Aufbruch. Die sechziger Jahre als Wendezeit der Bundesrepublik / Frese Matthias, Paulus Julia, Teppe Karl (Hrsg.). – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2003. – S. 241.

²⁴⁵ Vertrag über die Grundlagen der Beziehungen zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Deutschen Demokratischen Republik vom 21. Dezember 1972. URL: <http://www.documentarchiv.de/brd/grundlvertr.html> (дата обращения: 05.07.2015)

²⁴⁶ Цит. по: Wolfrum Edgar. Die beiden Deutschland // Verbrechen erinnern. Die Auseinandersetzung mit Holocaust und Völkermord / Frei Norbert, Knigge Volkhard (Hrsg.). – München: C.H. Beck, 2002 – S. 34.

²⁴⁷ Цит. по: Kleber Beate. Öffentliche Erinnerungsdiskurse in Deutschland und den USA im Jahr 2005. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie an der Ludwig-Maximilians-Universität München. – München, 2013. – S. 111. URL: <https://edoc.ub.uni-muenchen.de/15820/> (дата обращения: 12.08.2015)

²⁴⁸ Wolfrum Edgar. Die beiden Deutschland. S. 35.

стороны обязывались содействовать политической разрядке в Европе. В первой статье Варшавского договора ФРГ признавала границу по Одеру-Нейсе в качестве западной границы Польши и отказывалась от каких-либо территориальных претензий в будущем²⁴⁹. На протесты немецких беженцев и оппозиции в телеобращении 8 декабря 1970 г. Брандт ответил: «Не социал-либеральная коалиция, а политика и правительство Гитлера несет ответственность за судьбу бывших немецких восточных территорий»²⁵⁰. По замыслу канцлера ФРГ, договор должен был указать путь к будущему примирению между двумя народами – немецким и польским. «Мы должны направить наш взгляд в будущее и признать мораль в качестве политической силы»²⁵¹, - подчеркнул Брандт. В итоге, несмотря на первоначальные протесты среди ряда политиков, 17 мая 1972 г. «восточные договоры» были ратифицированы правительством ФРГ.

Политические заявления и решения западно-германского руководства нуждались в убедительном подтверждении. Атмосфера, сопровождавшая визит В. Брандта в Варшаву, была прохладной, так как ФРГ по-прежнему воспринималась восточными соседями как «ревизионистское» государство. Предполагалось, что глава западно-немецкого правительства посетит мемориал, посвященный павшим в боях Второй мировой войны польским солдатам, однако В. Брандт выразил желание возложить венок к памятнику участникам восстания в Варшавском гетто 1944 г. После возложения венка канцлер неожиданно опустился на колени перед памятником. Как стало очевидно впоследствии, данный жест канцлера ФРГ произвел больший эффект, чем любые формальные договоренности. Значение данного жеста было тем более велико, что Брандт отнюдь не был «попутчиком» режима, а являлся

²⁴⁹ Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Volksrepublik Polen über die Grundlagen der Normalisierung ihrer gegenseitigen Beziehungen vom 7. Dezember 1970 ("Warschauer Vertrag"). URL: [http://www.auswaertiges-amt.de/cae/servlet/contentblob/373216/publicationFile/3832/Warschauer%20Vertrag%20\(Text\).pdf](http://www.auswaertiges-amt.de/cae/servlet/contentblob/373216/publicationFile/3832/Warschauer%20Vertrag%20(Text).pdf) (дата обращения: 15.08.2015)

²⁵⁰ Цит. по: Wolfrum Edgar. Die beiden Deutschland. S. 35.

²⁵¹ Ibid.

активным борцом Сопротивления против гитлеризма. Коленопреклонение стало глубоким символом «новой восточной политики» ФРГ, олицетворяя собой изменение самосознания Германии после 1945 г. и извлечение немцами уроков из собственного прошлого. В этом смысле оно символизировало отказ от немецкой «перспективы жертвы» и волю к принятию исторической ответственности²⁵². Стоит отметить, что жест Брандта был воспринят немецкой общественностью амбивалентно: по данным опроса журнала «Шпигель», лишь 41% граждан ФРГ сочли жест Брандта «уместным», 48% восприняло его как «излишний»²⁵³. Однако, по оценке Ю. Шеррер, со временем изображение коленопреклоненного Брандта стало в сознании не только многих немцев, но также поляков и представителей других наций символом политики сближения и примирения, основанной на моральных принципах²⁵⁴.

Следует добавить, что при канцлерстве Брандта существенно продвинулось политическое сближение между ФРГ и Израилем. 7 июня 1973 г., спустя восемь лет после установления дипломатических отношений между обеими странами, В. Брандт стал первым западно-германским канцлером, совершившим официальный визит в Израиль.

Знаковым событием для немецкой исторической политики в период канцлерства Брандта стала речь президента ФРГ Вальтера Шееля в канун 8 мая 1975 г. Выступая в 6 мая 1975 г. боннской Шлосскирхе, Шеель заявил: «Мы были освобождены от ужасного ига, от войны, убийств, рабства и варварства... Но мы не забываем, что это освобождение пришло извне, что мы, немцы, были неспособны сами избавиться от этого ига. [...] 8 мая не дает немцам повода для празднования. Это – момент самопроверки». Президент ФРГ подчеркнул, что не 1945, в 1933 г. был началом немецкой трагедии, так как «Адольф Гитлер не был неизбежной судьбой, а был избран». Вина немцев, продолжил Шеель,

²⁵² Цит. по: Wolfrum Edgar. Die beiden Deutschland. S. 36.

²⁵³ Fröhlich Claudia. Rückkehr zur Demokratie – Wandel der politischen Kultur in der Bundesrepublik // Der Nationalsozialismus: die zweite Geschichte. Überwindung, Deutung, Erinnerung / Reichel Peter, Schmid Harald, Steinbach Peter (Hrsg.). – München: C. H. Beck, 2009. – S. 120.

²⁵⁴ Шеррер Ю. Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика политика памяти. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=48576> (дата обращения: 19.05.2014)

лежит в том, что «они выразили согласие с поруганием свободы и права» и их именем совершили «многомиллионное убийство евреев, цыган, душевнобольных, политзаключенных и многих других»²⁵⁵.

1979 г. был ознаменован важным для немецкой культуры памяти событием: по западно-германскому телевидению транслируется четырехсерийный художественный фильм «Холокост» американского режиссера М. Чомски, который вводит и закрепляет в массовом сознании данный термин, ставший синонимом геноцида евреев. По оценкам исследователей, фильм посмотрели 20 миллионов человек (половина взрослого населения ФРГ); 5 200 человек позвонили в телестудию, 12 тысяч послали письма, открытки, телеграммы; 72,5% благодарили, 7,3% выразили недовольство²⁵⁶. Ряд исследователей характеризует показ фильма «Холокост» как поворотный пункт в культуре памяти ФРГ. Восприятие геноцида, бывшего до того момента, как правило, анонимным и почти безобразным, в одночасье изменилось. Образы массовых убийств оказали огромное эмоциональное воздействие на миллионы зрителей и форсировали перестройку памяти о нацистском прошлом²⁵⁷. В этом отношении сериал способствовал дальнейшему отходу немцев от «перспективы жертвы» и осознанию причастности собственного народа к нацистским преступлениям. Важно, что под влиянием сериала «Холокост» в 1980-е гг. заметно возросло производство как документальных, так и художественных фильмов, освещающих тему нацистских преступлений и геноцида европейских евреев. Трижды была экранизирована биография Анны Франк, в 1986 г. вышел девятичасовой документальный фильм Клода Ланцмана «Шоа», состоящий исключительно из интервью с пережившими Холокост людьми. Следует также выделить такие

²⁵⁵ Цит. по: Kleber Beate. Op. cit. S. 111.

²⁵⁶ Печерский М. Спор немецких историков: между памятью, прошлым и историей. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/2000-Mark-Pecherskij-o-spore-istorikov-v-Germanii> (дата обращения: 26.01.2015)

²⁵⁷ Кёниг Х. Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании ФРГ // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 179.

картины, как «Лодка» (1981 г., режиссер Вольфганг Петерсен), «Лили Марлен» (1981 г., режиссер Райнер Вернер Фассбиндер), «Мефисто» (1981 г., режиссер Иштван Сабо), фильмы о судьбе антифашистских активистов Софи и Гансе Шолль - «Пять последних дней» (1982 г. режиссер Перси Адлонс) и «Белая роза» (1982 г., режиссер Михаэль Верховен), а также масштабный кино-эпос «Родина. Немецкая хроника» (1984 г. режиссер Эдгар Райтц).

1.4. Коллизия подходов к оценке прошлого в ФРГ в 1980-е гг.

1.4.1. Дискурс «нормализации» немецкой идентичности в политике Г.Коля и его конфликт с дискурсом ответственности за прошлое

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что к началу 1980-х гг. в западно-германском общественном и научном дискурсе сформировался, несмотря на некоторые незначительные расхождения в частных оценках, консенсус относительно того, что преступления национал-социализма вытекали из сущности самого гитлеровского режима, а развязанная Германией Вторая мировая война носила агрессивный, а не превентивно-оборонительный характер²⁵⁸. Однако, несмотря на бесспорное наличие этого консенсуса, часть западно-германской политической и интеллектуальной элиты была заинтересована в утверждении иной перспективы национальной истории, которая одновременно должна была стать базисом послевоенной немецкой национальной идентичности. Носителями этих чаяний были консервативно настроенные политические силы, пришедшие к власти в ФРГ в 1982 г. во главе с Гельмутом Колем и сменившие социал-либеральную коалицию. Будучи лидером победившего на парламентских выборах блока ХДС/ХСС Коль заявил о своем намерении осуществить в немецком обществе «морально-нравственный поворот» («geistig-moralische Wende»). Коль и его сторонники были убеждены,

²⁵⁸ Борозняк А. Цит. соч. С. 109.

что ФРГ необходимо обрести «здоровую» национальную идентичность и преодолеть повышенное внимание к травматической эпохе немецкого прошлого 1933-1945 гг., которое блокировало «нормализацию» самовосприятия западных немцев²⁵⁹. «Морально-нравственный поворот» должен был подвести под акцентированной памятью о нацизме «финальную черту» (Schlussstrich) и дать Федеративной Республике позитивный образ национальной истории по аналогии с другими странами Западной Европы. В своей инаугурационной речи по случаю вступления в должность канцлера Коль призвал граждан ФРГ «защитить нашу историю с ее величием и страданиями, ничего не отнимая и не прибавляя»²⁶⁰. Коль подчеркнул богатое культурное наследие Германии, ее вклад в развитие европейской культуры и науки, и заявил, что немецкая история должна стать «духовной родиной» для новых поколений²⁶¹. Для реализации консервативного проекта идеологи новой политики памяти предприняли ряд политико-символических и культурно-политических мер, нацеленных на «историзацию» Третьего рейха, то есть избавление от бремени прошлого и, по их мнению, излишне самокритичного восприятия национальной истории.

Большое значение в рамках курса «нормализации» имело 8 мая 1985 г. – сороковая годовщина окончания Второй мировой войны. Накануне, 5 мая 1985 г. Гельмут Коль провел встречу с президентом США Рональдом Рейганом на солдатском кладбище города Битбург, где были похоронены как американские, так и немецкие солдаты. При этом, как выяснилось незадолго до встречи, среди покоящихся в Битбурге немецких солдат были не только военнослужащие Вермахта, но и 49 членов Ваффен-СС, причастных к военным преступлениям во французском городе Орадур-сюр-Глан летом 1944 г. Политико-символический ритуал в Битбурге должен был продемонстрировать «истечение

²⁵⁹ Лезина Е. Память, идентичность, политическая культура и послевоенная германская демократия // Отечественные записки № 6 (57) 2013. URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/6/pamyat-identichnost-politicheskaya-kultura-i-poslevoennaya-germanskaya-demokratiya> (дата обращения: 21.03.2015)

²⁶⁰ Regierungserklärung von Bundeskanzler Dr. Helmut Kohl in der 4. Sitzung des Deutschen Bundestages vom 4. Mai 1983. URL: <http://www.helmut-kohl-kas.de/index.php?msg=1948> (дата обращения: 18.04.2015)

²⁶¹ Ibid.

срока исторической моральной вины» за преступления нацизма и примирение с бывшими противниками, которые теперь стали союзниками в общем противостоянии СССР²⁶². Тем самым Вторая мировая война стилизовалась под «нормальную» войну: так же, как США, несмотря на массовое убийства во время войны во Вьетнаме, не потеряла свое моральное лицо, так и Германия теперь, невзирая на Освенцим, имела право на национальную гордость²⁶³. В связи с этим примечательна реплика Р. Рейгана, которой он ответил на советы не участвовать в ритуале в Битбурге: «Я думаю, нет ничего опрометчивого в посещении кладбища, где похоронены эти молодые люди, которые тоже являлись жертвами нацизма, даже если они и сражались в немецкой униформе, будучи принуждены к службе, чтобы выполнить исполненную ненависти волю нацистов. Они были такими же жертвами, как и жертвы концентрационных лагерей»²⁶⁴.

Однако, вопреки надеждам консерваторов, «Битбургу» не суждено было достичь поставленной правительством Коля цели. Несмотря на поддержку со стороны ряда изданий (в первую очередь, консервативной «Франкфуртер альгемайне цайтунг»), встреча Коля и Рейгана спровоцировала волну критики и протестов как в ФРГ, так и в США. Попытки администрации канцлера представить эсэсовцев как «простых солдат», ничем не отличавшихся от служащих Вермахта, были безрезультатны: западно-германская общественность была глубоко возмущена актом символического уравнивания американских военных и эсэсовцев и поминовением последних²⁶⁵. Консервативные устремления Коля подверглись решительному противодействию со стороны той части политической элиты, для которой «нормализация» и «историзация» нацистского прошлого были категорически

²⁶² Maier Charles S. Die Gegenwart der Vergangenheit. Geschichte und die nationale Identität der Deutschen. – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 1992. – S. 16.

²⁶³ Winkler Heinrich August. Auf ewig in Hitlers Schatten? Anmerkungen zur deutschen Geschichte. München: C.H. Beck, 2007. – S. 128.

²⁶⁴ Цит. по: Bitburg in Moral and Political Perspective / Hartmann Geoffrey H. (ed.). – Bloomington: Indiana University Press, 1986. – p. 240.

²⁶⁵ Assmann Aleida, Frevort Ute. Op. cit. S. 317.

неприемлемы. Против «символической политики» Коля выступил президент ФРГ Рихард фон Вайцеккер. В своей речи перед Бундестагом 8 мая 1985 г., в противовес формуле Коля о «милости позднего рождения»²⁶⁶, дарованной немцам, родившимся во время или после Второй мировой войны и потому не имеющим никакого отношения к преступлениям национал-социализма, Вайцеккер подчеркнул ответственность всех немцев за наследие прошлого: «Все мы, виновные или нет, старые и молодые, обязаны принять прошлое. Его последствия касаются всех нас, и мы отвечаем за него. Всякий, кто закрывает глаза на прошлое, становится слепым к настоящему... Кто не желает помнить о бесчеловечности, тот становится восприимчив к новому заражению»²⁶⁷. Вайцеккер добавил: «Не в конце войны лежит причина изгнания и несвободы немцев. Она лежит скорее в ее начале и в начале той диктатуры, которая привела к войне. Мы не должны отделять 8 мая 1945 г. от 30 января 1933 г. [...]. У нас есть все основания считать 8 мая 1945 г. концом ложного пути немецкой истории, который таил в себе росток надежды на лучшее будущее»²⁶⁸. Таким образом, президент ФРГ обозначил 8 мая не как день капитуляции, а как день освобождения от человеконенавистнического режима, и призвал всех немцев к коллективной ответственности за прошлое.

После этой исторической речи Вайцеккеру поступили письма от более чем 60 тысяч немцев, в основном, со словами поддержки²⁶⁹. Известный западно-германский писатель Г. Бёлль призвал включить речь в школьные учебники, а правительства федеральных земель Бавария и Гессен распространили тысячи копий речи в университетах. В других федеральных землях выпускники школ получили копию речи президента ФРГ вместе с

²⁶⁶ Ставшую впоследствии крылатой фразу о «милости позднего рождения» (“Gnade der spaeten Geburt”) Коля произнес в ходе официального визита в Израиль 24-29 января 1984 г.

²⁶⁷ Zum 40. Jahrestag der Beendigung des Krieges in Europa und der nationalsozialistischen Gewaltherrschaft. Rede des Bundespräsidenten der Bundesrepublik Deutschland Richard von Weizsäcker am 8. Mai 1985 in der Gedenkstunde im Plenarsaal des Deutschen Bundestages. URL: http://www.hdg.de/lemo/html/dokumente/NeueHerausforderungen_redeVollstaendigRichardVonWeizsaecker8Mai1985/index.html (дата обращения: 07.09.2015)

²⁶⁸ Ibid.

²⁶⁹ Art David. *The Politics of the Nazi Past in Germany and Austria*. – New York: Cambridge University Press, 2006. – p. 74.

дипломами²⁷⁰. Вскоре речь появилась на аудио- и видеокассетах и была перепечатана в большом количестве книг и статей. С 1985 г. было опубликовано более 2 миллионов копий речи, она была переведена на более чем 20 языков. Все это делает речь Вайцеккера, несомненно, одним из центральных текстов в политической истории ФРГ.

Речь президента, вызвавшая огромный общественный резонанс, стала недвусмысленным ответом на консервативную программу Г. Коля. Как отмечают исследователи проработки прошлого в Германии А. Ассманн и У. Фреверт, в то время как Коль осуществлял политику «преодоления прошлого» (*Vergangenheitsbewältigung*) в смысле избавления от него, Вайцеккер выступил за «сохранение прошлого» (*Vergangenheitsbewahrung*), исходя из убеждения о непреходящем характере немецкой ответственности за прошлое, обязывающей к солидарности в памяти²⁷¹.

1.6. «Спор историков»: ключевая дискуссия о нацистском прошлом и немецкой национальной идентичности 1980-х гг.

В условиях жесткой поляризации позиций политики по отношению к нацистскому прошлому летом 1986 г. развернулась полемика, впоследствии получившая название «спор историков» («*Historikerstreit*»), хотя участие в ней принимали не только историки, но и философы, политологи, социологи, журналисты и политики. По оценкам исследователей, «спор историков», благодаря диапазону и фундаментальности своей тематики, стал одной из важнейших и наиболее резонансных общественно-политических дискуссий о национальной идентичности Германии до объединения ФРГ и ГДР²⁷². Центральными темами диспута стали вопросы уникальности и

²⁷⁰ Ibid.

²⁷¹ Assmann Aleida, Frevert Ute. Op. cit. S. 321.

²⁷² Kailitz Steffen. Die politische Deutungskultur der Bundesrepublik Deutschland im Spiegel des “Historikerstreits” // Die Gegenwart der Vergangenheit. Der “Historikerstreit” und die deutsche Geschichtspolitik / Kailitz Steffen (Hrsg.). – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. – S. 29.

беспрецедентности нацистских преступлений и значение нацистского прошлого для исторического самосознания и национальной идентичности немцев.

Дискуссия протекала между двумя группами. Первая группа – характеризующаяся в историографии как «консервативная», «ревизионистская» или «консервативно-апологетическая», ключевыми представителями которой стали Эрнст Нольте, Андреас Хильгрубер, Михаэль Штюрмер, Хаген Шульце, Клаус Хильдебранд, Иоахим Фест и др. – отстаивала тезис, согласно которому преступления нацизма не были уникальным и беспрецедентным явлением новой и новейшей истории, и не существует принципиальной разницы между ними и другими массовыми преступлениями XX в., такими как геноцид армян 1915-1916 гг. в Турции, большевистский террор, коллективизация и ГУЛАГ в России, война во Вьетнаме и др. Общим для всех историков и интеллектуалов этого направления было стремление представить нацизм как порожденную страхом оборонительную реакцию и акт самозащиты по отношению к агрессивной экспансии большевизма в Европу²⁷³. Посредством данного компаративистского объяснения нацизма, помещения его в контекст тоталитарной истории XX в. и проведения причинно-следственных связей между преступлениями большевизма и нацизма, ГУЛАГа и Освенцима, а также смещения акцента с жертв Третьего Рейха на немцев как главных жертв войны, Холокост должен был лишиться особого для немецкого исторического сознания статуса. Другими словами, Нольте и его последователи были поборниками «историзации» Третьего Рейха и «нормализации» немецкой национальной идентичности.

Оппонентами данной группы выступили историки и интеллектуалы преимущественно левых взглядов во главе со всемирно известным немецким философом Юргеном Хабермасом. Его сторону в споре заняли братья Ганс и Вольфганг Моммзены, Юрген Кокка, Генрих-Август Винклер, Ганс-Ульрих

²⁷³ Нитхаммер Л. Вопросы к немецкой памяти. – М.: Новое издательство, 2012. – С. 490.

Велер и др. Данная группа историков старалась доказать уникальный («сингулярный») характер нацистских преступлений, одним из главных мотивов которых являлся, по их мнению, укорененный в немецком менталитете до 1945 г. расовый антисемитизм, а отнюдь не только произвол преступной нацистской верхушки. Отсюда вытекала коллективная ответственность всех немцев за преступления нацизма, а любая попытка «историзации» и «релятивизации» геноцида осуждалась как аморальное самооправдание немцев, которые в подавляющем большинстве добровольно служили преступному человеконенавистническому режиму.

Непосредственным поводом для начала «спора историков» стала вышедшая в июне 1986 г. в газете «Франкфуртер альгемайне цайтунг» статья Эрнста Нольте под заглавием «Прошлое, которое не хочет проходить». Нольте постулировал, что между нацизмом и коммунизмом существовал комплекс сложных причинно-следственных связей. Коммунистическая революция и Гражданская война в России с их огромными человеческими жертвами, а также воля коммунистов к «мировой революции» спровоцировали появление в Европе радикального контр-движения – фашизма. «Не совершили ли нацисты, не совершил ли Гитлер “азиатское” преступление именно потому, что они рассматривали себя как потенциальных или реальных жертв “азиатского” преступления? Не был ли “Архипелаг ГУЛАГ” первичнее Освенцима?»²⁷⁴, - риторически спрашивал историк. По мнению Нольте, Гитлер осуществил свои преступления «превентивно», с тем, чтобы якобы обезопасить Германию и Европу от вероятного нападения СССР. В оптике Нольте Освенцим был «всего лишь копией с русского оригинала» – сталинского ГУЛАГа: «Освенцим, в первую очередь, результирует не из традиционного антисемитизма и, в сущности, не является собственно “геноцидом”; скорее здесь мы имеем дело с порожденной страхом реакцией на процессы уничтожения во время русской

²⁷⁴ Nolte Ernst. Vergangenheit, die nicht vergehen will. Eine Rede, die geschrieben, aber nicht gehalten werden konnte // “Historikerstreit”. Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung / Augstein Rudolf (Hrsg.). – München: Piper Verlag, 1987. – S. 35.

революции»²⁷⁵. Исходя из сказанного, Нольте выводил три принципиальных тезиса. Во-первых, нацизм необходимо рассматривать не изолированно, а в соотнесенности с Октябрьской революцией как своей главной предпосылкой. Во-вторых, Третий рейх не должен инструментализироваться и использоваться в политических целях в будущем. И, в-третьих, Третий рейх и Холокост не могут быть центральными элементами немецкого исторического сознания и национальной идентичности. Как отмечает исследователь «спора историков» К. Ленк, тезисы Нольте во многом перекликались с ревизионистскими и неонацистскими клише и идеологемами, которые уже задолго до него имели хождение в ФРГ в околонушной литературе правозэкстремистского толка²⁷⁶.

Другой важной в «споре историков» фигурой стал профессор Кёльнского университета Андреас Хилльгрубер. В 1986 г. Хилльгрубер опубликовал работу «Двойная катастрофа. Разрушение Германского рейха и конец европейского еврейства»²⁷⁷. Ключевой тезис работы Хилльгрубера заключался в том, что разрушение Германского рейха и депортации немецкого населения с восточно-германских территорий были стратегической военной целью союзников, сформулированной независимо от преступлений нацистов и до их фактического осуществления. Хилльгрубер всячески подчеркивал «оборонительный» характер войны, которую Вермахт вел против Красной армии, прикрывая эвакуирующееся немецкое гражданское население. Кроме того, историк подверг критике участников заговора против Гитлера 20 июня 1944 г., обвинив их в «безответственности» в критической ситуации на Восточном фронте в 1944 г.²⁷⁸. Таким образом, Хилльгрубер отходил от нейтральной перспективы и требовал от современных историков эмпатии по отношению к немецкому

²⁷⁵ Цит. по: Земляной С.Н. «Спор историков» в ФРГ и «Европейская гражданская война» Э. Нольте // Нольте Эрнст. Европейская гражданская война (1917-1945). Национал-социализм и большевизм. – М.: Логос, 2003. – С. 517.

²⁷⁶ Lenk Kurt. Neokonservative Positionen im “Historikerstreit” oder wie Täter zu Opfern werden // “Auschwitz erst möglich gemacht?»: Überlegungen zur jüngsten konservativen Geschichtsbewältigung / Helmut Donat, Lothar Wieland (Hrsg.). – Bremen: Donat, 1991. – S. 58.

²⁷⁷ Hillgruber Andreas. Zweierlei Untergang: Die Zerschlagung des Deutschen Reiches und das Ende des europäischen Judentums. – Berlin: Siedler Verlag, 1986. – 110 S.

²⁷⁸ Ibid. S. 19.

гражданскому населению и попыткам Вермахта отбить наступление Красной армии. В противоположность эмоционально-эмпатическому стилю изложения в первой части, во второй части своей работы Хилльгрубер отстраненно и без всякого драматизма рассматривал положение еврейского населения Европы в 1944-1945 гг. Впоследствии, уже в ходе «спора историков», Хилльгрубер писал, что изгнание немцев с восточных территорий было «самым тяжелым последствием Второй мировой войны»²⁷⁹.

11 июля 1986 г. в газете «Цайт» Юрген Хабермас опубликовал статью с подзаголовком «Апологетические тенденции в германской историографии новейшего времени». В ней он подверг жесткой критике высказывания Хилльгрубера и Нольте и их сторонников, обвинив их в попытке лишить нацизм его особого исторического характера, обособливающую немецкую историю от истории других наций. Критикуя Хилльгрубера, Хабермас указывал на то, что историк не хочет видеть в изгнании восточных немцев ответ на Холокост, утверждая, что это было стратегической целью союзников. Также Хабермас раскритиковал идентификацию с Вермахтом, к которой призывал Хилльгрубер. По мнению Хабермаса, моральное оправдание нацистской Германии со стороны Нольте и Хилльгрубера служило тому, чтобы устранить разрыв исторического самосознания немцев после 1945 г. и воссоздать «ясную, позитивную, некритически воспринимаемую национальную идентичность»²⁸⁰. В противовес этой консервативно-апологетической парадигме философ выступил за критическую оптику и оценку истории, считая недопустимыми любые попытки искусственной «нормализации» прошлого и «релятивизации» Холокоста. Хабермас утверждал, что после Второй мировой войны и Холокоста немцы не могут и не должны строить свою идентичность на иных основаниях, чем универсалистские принципы гражданства, в свете которых национальные

²⁷⁹ Цит. по: Peter Jürgen. Der Historikerstreit und die Suche nach einer nationalen Identität der achtziger Jahre. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 1995. – S. 26.

²⁸⁰ Habermas Jürgen. Eine Art Schadensabwicklung. Die apologetischen Tendenzen in der deutschen Zeitgeschichtsschreibung // “Historikerstreit”. Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung / Augstein Rudolf (Hrsg.). – München: Piper Verlag, 1987 – S.63, 65, 70.

традиции больше «не остаются без критического рассмотрения, но принимаются только в результате критического осмысления и самокритики»²⁸¹. По мнению философа, единственной приемлемой формой национальной идентичности немцев может быть только «конституционный патриотизм» («Verfassungspatriotismus»), основанный на готовности граждан идентифицировать себя с демократическими принципами и институтами государства. «Кто хочет вернуть немцев к традиционной форме их национальной идентичности, разрушает единственное надежное основание нашей связи с Западом», - резюмировал Хабермас²⁸².

Вскоре против Хабермаса последовали публикации консервативных сторонников Нольте. Защищая тезис Нольте о причинно-следственной взаимосвязи между ГУЛАГом и Освенцимом, известный немецкий публицист Йоахим Фест писал в статье «Провинившееся воспоминание», что для убийств и казней, совершенных большевиками, основанием была не конкретная индивидуальная вина, а исключительно социальная принадлежность, в то время как для преступлений нацистов значение имела расовая принадлежность²⁸³. Большевики мыслили классовыми категориями, нацисты – расовыми, и у жертв обоих режимов не было возможности для оправдания. Фест добавлял, что, как и в нацистской Германии, сталинский террор в России осуществлялся с помощью слаженного бюрократически-административного аппарата. Все это, по мнению публициста, ставит под сомнение тезис об уникальности Холокоста²⁸⁴.

С ответом Фесту выступил историк Эберхард Йеккель статьей «Жалкая практика подтасовщиков», вышедшей 12 сентября 1986 г. в газете «Цайт». Отвергая тезисы оппонента как неубедительные, Йеккель писал: «Нацистское убийство евреев является уникальным в силу того, что никогда еще до этого государство, опираясь на авторитет своего ответственного лидера, не решалось

²⁸¹ Ibid. S. 73.

²⁸² Ibid. S. 75.

²⁸³ Fest Joachim. Die geschuldete Erinnerung. Zur Kontroverse über die Unvergleichbarkeit der nationalsozialistischen Massenverbrechen // "Historikerstreit". Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung / Augstein Rudolf (Hrsg.). – München: Piper Verlag, 1987 – S.102.

²⁸⁴ Ibid. S. 105.

на уничтожение определенной группы людей, включая стариков, женщин, детей и младенцев, и никогда еще государство не осуществляло это решение на деле всеми возможными средствами государственной власти»²⁸⁵. Большевики стремились ликвидировать буржуазию как класс, однако они не уничтожали каждого отдельного человека «буржуазного происхождения». В конечном счете, вопрос об уникальности не столь уж и важен, подчеркивал Йеккель: «Даже если Холокост и не был уникальным явлением, свободна ли ФРГ от обязательств по выплате компенсаций жертвам режима?»²⁸⁶.

Значительно смелее по тону высказываний стала статья главного редактора журнала «Шпигель» Рудольфа Аугштайна под заглавием «Новая ложь об Освенциме», вышедшая 6 октября 1986 г. В ней Аугштайн решительно отстаивал тезис о коллективной ответственности и вине немцев за геноцид: «Известно, что примерно миллион человек, говорящих по-немецки, непосредственно осуществляли уничтожение евреев»²⁸⁷. По словам Аугштайна, геноцид стал возможен прежде всего при пособничестве Вермахта, руководству которого были известны планы Гитлера. Аугштайн также отверг гипотезы Нольте о причинно-следственной связи между ГУЛАГом и Освенцимом и о «превентивном» нападении Германии на СССР: еще в 1927 г. в своей программной книге «Моя борьба» Гитлер писал о военно-политическом уничтожении Советского Союза и создании «жизненного пространства» для немецкого народа как об одной из своих главных целей. Из всего сказанного Аугштайн делал следующий вывод: «Освенцим, следовательно, являлся не “азиатским”, а центрально-европейским, немецко-австрийским преступлением»²⁸⁸.

²⁸⁵ Jäckel Eberhard. Die elende Praxis der Untersteller. Das Einmalige der nationalsozialistischen Verbrechen läßt sich nicht leugnen // “Historikerstreit”. Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung / Augstein Rudolf (Hrsg.). – München: Piper Verlag, 1987. – S. 121. S.115-122.

²⁸⁶ Ibid. S. 122.

²⁸⁷ Augstein Rudolf. Die neue Auschwitz-Lüge // “Historikerstreit”. Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung / Augstein Rudolf (Hrsg.). – München: Piper Verlag, 1987 – S. 197.

²⁸⁸ Ibid. S.198.

Резюме «спора историков» было сформулировано в итоговых публикациях Эрнста Нольте «Суть дела, которая поставлена с ног на голову» и Юргена Хабермаса «О публичном использовании истории». В завершающей статье Нольте упрекал своего главного оппонента Хабермаса в выдергивании его цитат из контекста, что привело к их искаженной оценке. Однако в действительности историк не отказался от своих исходных тезисов. Нацизм был радикальным расовым ответом на не менее радикальный социальный вызов большевизма, настаивал Нольте²⁸⁹. Укрепление памяти о нацизме и акцент на немецкой вине, по мнению историка, приводят к трансформации национал-социалистского прошлого в негативный миф об «абсолютном зле», который мешает развитию строго научных исторических исследований²⁹⁰.

В свою очередь, Юрген Хабермас попытался резюмировать дискуссию, обратившись к проблеме, поднятой Карлом Ясперсом в работе «Вопрос о вине» 1946 г. – проблеме коллективной ответственности немцев за преступления нацизма. Как писал Хабермас, «жизнь современных немцев связана с жизнью отцов и дедов сплетением семейных, местных, политических, интеллектуальных преемственностей и традиций, исторической средой. Из факта этой экзистенциальной связи необходимо, вслед за Ясперсом, признать коллективную ответственность немецкого народа за нацизм»²⁹¹. Перед немцами стоит долг хранить память о страданиях тех, кто был убит и замучен руками немцев. Принципиальное убеждение Хабермаса заключалось в том, что после пережитой немцами моральной катастрофы их национальное самосознание должно черпаться только из лучших традиций критически понятой истории

²⁸⁹ Nolte Ernst. Die Sache auf den Kopf gestellt. Gegen den negativen Nationalismus in der Geschichtsbetrachtung // "Historikerstreit". Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung / Augstein Rudolf (Hrsg.). – München: Piper Verlag, 1987. – S. 224.

²⁹⁰ Ibid. S. 230.

²⁹¹ Habermas Jürgen. Vom öffentlichen Gebrauch der Historie. Das offizielle Selbstverständnis der Bundesrepublik bricht auf // "Historikerstreit". Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung / Augstein Rudolf (Hrsg.). – München: Piper Verlag, 1987. – S.247.

Германии, а немецкая культурная субстанция должна оцениваться через фильтр памяти о нацистском прошлом²⁹².

К февралю 1987 г. активная фаза «спора историков» подошла к завершению. Итог дискуссии отчетливо продемонстрировал слабый резонанс ревизионистско-апологетических идей Нольте и его единомышленников как в академической, так и в широкой общественной среде ФРГ. По оценкам исследователей, дискуссия завершилась победой аргументации, подчеркивавшей беспрецедентность нацистской политики уничтожения²⁹³. Как отмечает историк, профессор Фрайбургского университета У. Херберт, попытка консерваторов навязать ФРГ нарратив «нормализованной» национальной идентичности в итоге обернулась своей противоположностью: нацистское прошлое приобрело в общественном сознании еще большее значение, чем когда-либо прежде²⁹⁴. Таким образом, верх над консервативно-апологетической парадигмой национальной истории одержала модель самокритичной проработки немецкого прошлого. «Историзации», «релятивизации» такого события, как Холокост, принципиально не могло быть, писал один из участников спора, немецко-израильский историк Дан Динер²⁹⁵. «Мы можем изучать немецкую историю только критически, а не аффирмативно-некритично [...]. Знание об исторической вине, которую мы несем как народ, является одним из фундаментальных факторов признания демократического государственного строя ФРГ»²⁹⁶, - резюмировал участник спора, историк Вольфганг Моммзен. В свою очередь, журналист газеты «Цайт» Роберт Ляйхт подчеркивал, что «критическое отношение к собственной истории не является дефектом национальной идентичности [...]. Наоборот: только критическое

²⁹² Земляной С.Н. Цит. соч. С. 526.

²⁹³ Assmann Aleida, Frevert Ute. Op. cit. S. 210.

²⁹⁴ Herbert Ulrich. Der Historikerstreit. Politische, wissenschaftliche, biographische Aspekte // Zeitgeschichte als Streitgeschichte. Große Kontroversen seit 1945 / Sabrow Martin, Jessen Ralph, Kracht Klaus G. (Hrsg.). – München: C. H. Beck, 2003. – S. 98.

²⁹⁵ Diner Dan. Einleitung des Herausgebers // Ist der Nationalsozialismus Geschichte? Zu Historisierung und Historikerstreit / Diner Dan (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1987. – S. 12.

²⁹⁶ Mommsen Hans. Aufarbeitung und Verdrängung. Das Dritte Reich im westdeutschen Geschichtsbewußtsein // Ist der Nationalsozialismus Geschichte? Zu Historisierung und Historikerstreit / Diner Dan (Hrsg.). – Frankfurt am Main, 1987. – S. 88.

отношение соответствует требованию современности [...]. Мы не можем строить наше будущее, если будем ретушировать наше прошлое»²⁹⁷.

Спустя год после окончания дебатов президент ФРГ Р. фон Вайцеккер снова обозначил позицию политического руководства страны по отношению к немецкому прошлому, уже в свете итогов «спора историков». Выступая 12 октября 1988 г. на 37-м Конгрессе немецких историков в Бамберге, Вайцеккер заявил: «Ответственность за национал-социализм не может быть приписана другим. Немецким народом правили преступники, и он позволил преступникам править собой. Освенцим остается беспрецедентным. Он был совершен немцами во имя Германии. Эта неопровержимая истина. И она не будет забыта»²⁹⁸.

Другой высокопоставленный политик, лидер фракции ХДС и президент бундестага Филипп Йеннингер, выступая с речью в немецком парламенте 10 ноября 1988 г., также попытался обозначить отношение к прошлому. Однако, в отличие от Вайцеккера, Йеннингер использовал ряд крайне проблематичных, и, как стало очевидно впоследствии, неуместных формулировок. Крупный пассаж своей речи, приуроченной к 50-й годовщине нацистского антисемитского погрома 1938 г. (так называемой «Хрустальной ночи»), Йеннингер посвятил «триумфальному маршу Гитлера во внешней и драматическим изменениям во внутренней политике», которые, по выражению парламентария, «казались чудом»²⁹⁹. «Большинство немцев в 1938 г. имели основания верить, что Гитлер является величайшим государственным деятелем в нашей истории»³⁰⁰, - говорил Йеннингер. Несмотря на то, что политик завершил свое выступление призывом ко всем немцам сохранять память о преступном прошлом и воспринимать его как неотъемлемую часть немецкой

²⁹⁷ Leicht Robert. Nur das Hinsehen macht uns frei. Wir und unsere Vergangenheit: Die deutsche Geschichte lässt sich nicht retuschieren // "Historikerstreit". Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung / Augstein Rudolf (Hrsg.). – München: Piper Verlag, 1987 – S. 364.

²⁹⁸ Цит. по: Scharf Wilfried. Deutsche Diskurse. Die politische Kultur von 1945 bis heute in publizistischen Kontroversen. – Hamburg: Academic Transfer, 2009. – S. 58.

²⁹⁹ Цит. по: Fulbrook Mary. Op. cit. S. 101.

³⁰⁰ Ibid.

истории, общий тон его речи и ярко выраженная эмпатия к годам успехов нацизма были восприняты большинством депутатов бундестага как категорически неприемлемые. В. Брандт, занимавший на тот момент пост почетного председателя социал-демократической партии Германии, охарактеризовал высказывания Йеннингера как «наносящие престижу ФРГ еще больший вред, чем встреча канцлера Коля с Рональдом Рейганом в Битбурге»³⁰¹. Вызвав волну возмущения и гнева среди депутатов, Ф. Йеннингер вынужден был уйти со своего поста. Случай Йеннингера наглядно свидетельствовал о том, насколько возросла к этому моменту чувствительность западно-германского общества и элит к теме прошлого в результате «спора историков».

Впрочем, и после всех этих знаковых для ФРГ событий отчаянно продолжали звучать консервативные голоса в пользу «нормализации» немецкой идентичности. К примеру, публицист Михаэль Науман сетовал на то, что «ни одной европейской нации не свойственно оперирование столь специфическими и тяжеловесными категориями, как “преодоление прошлого” и “культура памяти”», «немецкие СМИ перегружены меланхолическими, мучительными оковами истории, в Германии слишком много энергии уходит на проработку прошлого»³⁰². Публицисты Роберт Хепп и Хуберт Гроссер писали, что для возрождения немецкой идентичности необходимо преодолеть «вредные» для нее влияния, под которыми подразумевались дискурс памяти и ответственности за прошлое³⁰³. Немецко-швейцарский публицист и историк Армин Молер в 1989 г. настаивал на том, что «прошлое прошло» и не является релевантным для немецкой национальной идентичности³⁰⁴. Позиция немецких консерваторов заключалась, таким образом, в том, чтобы «подвести под

³⁰¹ Mittmann Thomas. Vom “Historikerstreit” zum “Fall Hohmann”. Kontroverse Diskussionen um Political Correctness seit Ende der 1980er Jahre // Political Correctness. Der sprachpolitische Streit um die nationalsozialistischen Verbrechen / Hölscher Lucian (Hrsg.). – Göttingen: Wallstein, 2008. – S. 72.

³⁰² Kracht Klaus Grosse. Op. cit. S. 271.

³⁰³ Ibid. S. 273.

³⁰⁴ Mohler Armin. Der Nasenring. Im Dickicht der Vergangenheitsbewältigung. – Essen: Verlag Heitz & Höffkes, 1989. – S. 31.

прошлым черту», поскольку, с их точки зрения, оно блокирует и делает политику Германии контрпродуктивной. Однако, несмотря на то, что дискурс «нормализации» полностью не исчез из западно-германской исторической науки и публицистики (что в принципе было невозможно в плюралистическом демократическом обществе ФРГ, в отличие от строго регламентированной общественной модели ГДР), несомненным является факт его дезавуирования и интеллектуальной маргинализации. Стоит отметить, что, к примеру, инициатор «спора историков» Эрнст Нольте после 1987 г. оказался в изолированном положении в академической среде и перестал восприниматься как серьезный исследователь³⁰⁵.

Оценивая ситуацию ретроспективно, можно констатировать, что «спор историков» стал одной из самых масштабных интеллектуальных дискуссий в ФРГ, в рамках которой консервативные поборники «нормализации» со всей откровенностью и настойчивостью вступили в борьбу за интерпретацию немецкого прошлого. Как отмечает профессор Мангеймского университета, историк Петер Штайнбах, все последующие немецкие дискуссии о нацистском прошлом являлись для консерваторов своеобразными «арьергардными боями»³⁰⁶. Учитывая это, трудно переоценить последствия победы в «споре историков» антиконсервативной перспективы и критической парадигмы немецкой истории. Предложенный Ю. Хабермасом концепт «конституционного патриотизма» завоевал не только морально-аргументационную победу в контексте дискуссии, но и оказал значительное влияние на политическую культуру и национальное самосознание ФРГ³⁰⁷. «Конституционный патриотизм» приобрел популярность не в качестве государственной доктрины, а как политический стиль многих интеллектуалов и политиков, в частности,

³⁰⁵ Piwoni Eunike. Nationale Identität im Wandel: Deutscher Intellektuellendiskurs zwischen Tradition und Weltkultur. – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2012. – S. 98.

³⁰⁶ Steinbach Peter. Die publizistischen Kontroversen – eine Vergangenheit, die nicht vergeht // Der Nationalsozialismus: die zweite Geschichte. Überwindung, Deutung, Erinnerung / Reichel Peter, Schmid Harald, Steinbach Peter (Hrsg.). – München: C.H. Beck, 2009. – S. 132.

³⁰⁷ Jensen Uffa. Wie die Historie öffentlich gebracht wird: Jürgen Habermas und der Historikerstreit // Die Gegenwart der Vergangenheit. Der "Historikerstreit" und die deutsche Geschichtspolitik / Kailitz Steffen (Hrsg.). – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. – S. 29.

социал-демократов и «зеленых», которые осознали в ФРГ первую «постнациональную демократию» Европы и, в качестве таковой, пример для других стран³⁰⁸. Иллюстрацией этого стиля мышления может служить книга немецкого социал-демократа Оскара Лафонтена, ставшего впоследствии министром финансов в кабинете Г. Шрёдера, под названием «Общество будущего»³⁰⁹. Один из главных тезисов книги Лафонтена заключается в том, что «именно потому, что через извращенный национализм немцы получили трагический и страшный опыт, они были предназначены получить главенствующую роль в процессе наднационального объединения Европы»³¹⁰.

Исход «спора историков», помимо прочего, серьезно повлиял на культурную политику западно-германского правительства. Так, в торжественной речи 28 октября 1987 г. перед бундестагом по случаю открытия Немецкого исторического музея в Берлине, который изначально задумывался консерваторами и поборниками «нормализации» как инструмент внедрения их идеологием в западно-германское общество, глава научной комиссии Р. Лёвенталь решительно дистанцировался от исторических интерпретаций Нольте и его последователей. При этом Лёвенталь подчеркнул, что «музей не желает развивать никакой официальной историографии, но наоборот, открыт для множества перспектив и интерпретаций»³¹¹. В целом, можно утверждать, что исход «спора историков» маркировал переломный момент в политической культуре ФРГ, поместив нацистское прошлое в ее центр, утвердив специфические дискурсивные линии памяти о нацистском прошлом, и сделав ее фундаментальным императивом немецкой национальной идентичности.

³⁰⁸ Winkler Heinrich August. Op. cit. S. 172.

³⁰⁹ Lafontaine Oskar. Die Gesellschaft der Zukunft. Reformpolitik in einer veränderten Welt. – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1988. – 271 S.

³¹⁰ Ibid. S. 188.

³¹¹ Цит. по: Assmann Aleida, Frevert Ute. Op. cit. S. 203.

1.7. Отношение к проблеме нацистского прошлого в ГДР и основные черты восточно-германской идентичности

Западная и восточная части Германии, оформившиеся в самостоятельные государства в 1949 г., стали элементами двух доминировавших в мире геополитических блоков, что естественным образом наложило существенный отпечаток на идентичность обеих Германий. Характерно, что и ФРГ, и ГДР стремились представить себя в качестве «лучшей Германии»³¹². Следует подробнее остановиться на главных детерминантах западно- и восточно-германской идентичности в их соотнесенности друг с другом, и попытаться охарактеризовать специфические черты культуры памяти в ГДР.

Неотъемлемой чертой самосознания образованной в 1949 г. ФРГ стало идейно-политическое отмежевание от Третьего рейха при параллельном признании официальной правопреемственности с этим государством, а также ориентация на западную политическую модель. Главным ориентиром политической идентичности Западной Германии стали идеалы демократии, находившиеся в оппозиции к коммунистической системе и идеологии, которые ассоциировались и у политического истеблишмента, и у большей части западно-германского населения с нацистским тоталитаризмом³¹³. По данным опросов 1960-х гг., большинство западных немцев воспринимали режим СЕПГ под руководством Вальтера Ульбрихта как даже «нечто более плохое, чем нацистская диктатура»³¹⁴. На протяжении 1950-х гг. германская дезинтеграция воспринималась в ФРГ как несправедливость, за которую ответствен в первую очередь СССР, и данная точка зрения укрепилась еще сильнее в результате трагического восстания 17 июня 1953 г. в ГДР³¹⁵.

³¹² Hammerstein Katrin. Schuldige Opfer? Der Nationalsozialismus in den Gründungsmythen der DDR, Österreichs und der Bundesrepublik Deutschland // Nationen und ihre Selbstbilder. Postdiktatorische Gesellschaften in Europa / Sachse Carola, Wolfrum Edgar, Fritz Regina (Hrsg.). – Göttingen: Wallstein, 2008. – S. 41.

³¹³ Görtemaker Manfred. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. – München: C.H. Beck, 1999. – S. 312.

³¹⁴ Ibid.

³¹⁵ С 1954 по 1990 гг. 17 июня отмечалось как одна из самых знаменательных дат послевоенной немецкой истории и интерпретировалось в официальной культуре памяти ФРГ как «свидетельство антитоталитарных

Что касается Германской Демократической Республики, то в ней подход к национальной идентичности был обусловлен политическими коннотациями «холодной войны» еще сильнее, чем в ФРГ. Как отмечает историк, профессор Университетского колледжа Лондона М. Фулбрук, идентичность ГДР была подчеркнута антифашистской, однако антифашизм являлся производным от государственной марксистско-ленинской идеологии, а не следствием честной и открытой рефлексии прошлого³¹⁶. «Официальный» антифашизм ГДР получил развитие во многих сферах повседневной жизни. Множество школ, улиц и площадей называлось в честь борцов антифашистского Сопротивления. По всей территории ГДР воздвигались памятники, документирующие антифашистскую борьбу. В 1958 г. был открыт главный антифашистский мемориал ГДР в бывшем концлагере Бухенвальд, который был рассчитан на массовые посещения восточно-германских граждан. В частности, в Бухенвальде давали присягу члены Народной армии ГДР, восточно-германское юношество также в обязательном порядке посещало мемориал. Ежегодно с 1947 г. во второе воскресенье сентября в советской зоне оккупации, а затем и в ГДР отмечался Международный день памяти жертв фашизма. В то же время коллективные антифашистские ритуалы в ГДР были далеки от личной памяти и критического анализа прошлого.

Как уже было отмечено, интерпретация сущности нацизма в ГДР не выходила за рамки марксистско-ленинской идеологической парадигмы. Нацизм трактовался исключительно как «инструмент в руках крупного монополистического капитала и милитаристов, созданный с целью установления выгодного данным кругам реакционного режима и подавления левого движения»³¹⁷. Вопрос о массовой социальной базе нацистов практически

устремлений всех немцев». См. Wolfrum Edgar. Der 8. Mai 1945 – ein Schlüsseldatum im historischen Bewußtsein der Westdeutschen // Erinnerung und Geschichte: 60 Jahre nach dem 8. Mai 1945/ Thadden Rudolf von, Kaudelka Steffen (Hrsg.). – Göttingen: Wallstein, 2007. – S. 29.

³¹⁶ Fulbrook Mary. German national identity after the Holocaust. – Cambridge: Polity Press, 1999. – S. 256.

³¹⁷ Смагин С. Виновные нации. Концепт «национальной вины» в политическом дискурсе России и Германии // Вопросы национализма, 2013 № 4 (16). URL: <http://ru.scribd.com/doc/203397828/ВОПРОСЫ-НАЦИОНАЛИЗМА-16> (дата обращения: 29.02.2015)

не поднимался, а небольшие масштабы сопротивления Гитлеру в 1933-1945 гг. объяснялись, как правило, массовым террором³¹⁸. Тезис о роли прусских традиций в зарождении нацизма, изложенный историком-коммунистом Александром Абушем в книге «Ложный путь одной нации»³¹⁹, не получил в ГДР официальной поддержки. В восточно-германской историографии акцент в большей степени делался на баварских (то есть западно-германских) корнях нацистского движения, что подкрепляло утверждение о том, что ФРГ создана на базе не до конца изжитой нацистской идеологии, носители которой успешно интегрировались в ее государственные структуры. Аналогичным образом Вторая мировая война, и прежде всего война на Восточном фронте, в восточно-германской историографии позиционировалась как «разбойничий набег германского монополистического капитала»³²⁰. Официальная точка зрения гласила, что с упразднением капитализма в советской оккупационной зоне опасность войны была раз и навсегда устранена, в то время как на Западе в силу преимущества капиталистического экономического и общественного строя она по-прежнему угрожала всем немцам³²¹.

С самого начала существования ГДР 8 мая отмечалось как День освобождения. Как отмечает исследователь немецкой культуры памяти Й. Эхтернкамп, «в ритуальном смысле в 8 мая антифашизм как легитимирующая господство СЕПГ идеология соединялся с жестом благодарности Красной армии»³²². При этом политическое руководство страны в лице Вальтера Ульбрихта и Вильгельма Пика фокусировали внимание восточных немцев не на евреях как центральных жертвах нацизма, а на советском народе. В частности, данный подход нашел отражение в программной работе Вальтера Ульбрихта

³¹⁸ Там же.

³¹⁹ Abusch Alexander. Der Irrweg einer Nation. Ein Beitrag zum Verständnis deutscher Geschichte. – Berlin: Aufbau Verlag, 1951. – 289 S.

³²⁰ Эхтернкамп Йорг. «Немецкая катастрофа»? О публичной памяти о Второй мировой войне в Германии // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 152.

³²¹ Там же.

³²² Там же.

«Легенда о немецком социализме»³²³, которая была издана с 1945 по 1947 гг. тиражом 350 000 экземпляров и с 1952 г. издавалась под заглавием «Фашистский немецкий империализм»³²⁴.

Можно констатировать, что, как и ФРГ на первом этапе ее развития с 1949 до середины 1960-х гг., в ГДР происходило вытеснение из коллективной памяти Холокоста и других преступлений Германии в период Второй мировой войны. Однако если в ФРГ отношение к прошлому со временем претерпевало эволюцию и становилось все более рефлексивным и критическим, то в ГДР тема нацистских преступлений и коллективной ответственности немецкого народа замалчивалась практически на протяжении всего периода ее существования. Кредо восточно-германского руководства заключалось в том, что рабочий класс и его государство, ГДР, шли в одном ряду с «победителями истории», на которых нельзя было возлагать ответственность за преступления фашизма³²⁵.

Примечательно, что темные эпизоды немецкого прошлого в ГДР все же упоминались, однако они неизменно рассматривались как интегральная часть капиталистической системы. К примеру, на конференции восточно-германских историков, приуроченной к суду над Эйхманом в Иерусалиме в 1961 г., ведущий историк ГДР Юрген Кучински поднял тему антисемитизма и убийства шести миллионов евреев. Однако вместо объяснения мотивов и предпосылок геноцида Кучински и другие специалисты ограничились провозглашением тезиса, что вина за Холокост лежит на германском капитализме. Другой видный историк Вольфганг Хайзе утверждал, что «после 1917 г. антисемитизм был методом утверждения антикоммунизма», а его коллега Эрнст Энгельберг говорил, что «антисемитизм, как никакая другая ложная доктрина, служил

³²³ Ulbricht Walter. Die Legende vom "deutschen Sozialismus". – Berlin: Neuer Weg, 1945. – 95 S.

³²⁴ Ulbricht Walter. Der faschistische deutsche Imperialismus (1933 – 1945). Die Legende vom "deutschen Sozialismus". – Berlin: Dietz Verlag, 1952. – 115 S.

³²⁵ Бирвиш М. Конец национал-социализма и реального социализма // Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. Международная конференция / под ред. К. Айермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2002. – С. 47.

преступным целям немецкого империализма»³²⁶. Таким образом, подчеркнуто антифашистский характер гдээрловской идентичности радикально противопоставлялся идентичности ФРГ, которая расценивалась как наследница фашистской диктатуры.

С тем чтобы обозначить фундаментальную разницу в идентичности двух немецких государств, на VIII съезде СЕПГ в июне 1971 г. преемник Вальтера Улбрихта на посту первого секретаря партии Эрих Хонекер провозгласил построение в ГДР «социалистической немецкой нации» как противоположности «капиталистической нации» ФРГ³²⁷. Данное положение было позже зафиксировано в конституции страны 1974 г.³²⁸ Исходя из особого статуса ГДР решался и вопрос о нацистских преступлениях в отношении евреев в Германии и на оккупированных в годы войны территориях. ГДР как государство, не имеющее с нацизмом ничего общего ни настоящим, ни историческими традициями, не имел к этой проблеме никакого отношения. В силу этой установки еврейские жертвы нацизма получили второстепенную роль по сравнению с жертвами-коммунистами, и на этом основании в ГДР не проводились программы компенсации пострадавшим от нацизма евреям, которые стали неотъемлемым элементом государственной политики ФРГ. Тогда как бундестаг ФРГ принял в 1952 г. Люксембургское соглашение о компенсационных выплатах Израилю в размере трех с половиной миллиардов марок³²⁹, а также 450 миллионов марок организации евреев, проживающих за пределами Израеля (Claims Conference), ГДР категорически отказалась от какого-либо денежного возмещения³³⁰.

³²⁶ Цит. по: Fulbrook Mary. Op. cit. S. 110.

³²⁷ Stadt Jochen. Deutsch-Deutsche Beziehungen von 1949 bis 1989 // Die Bundesrepublik Deutschland. Eine Bilanz nach 60 Jahren / Schwarz Hans-Peter (Hrsg.). Köln: Böhlau, 2008. – S. 159.

³²⁸ Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik vom 6. April 1968 (in der Fassung vom 7. Oktober 1974). Abschnitt I. Grundlagen der sozialistischen Gesellschafts- und Staatsordnung. Kapitel 1. Politische Grundlagen. URL: <http://www.documentarchiv.de/ddr/verfddr.html> (дата обращения: 18.04.2015)

³²⁹ Abkommen zwischen der Bundesrepublik Deutschland und dem Staate Israel (“Wiedergutmachungsabkommen”), 10. September 1952. URL: http://www.1000dokumente.de/pdf/dok_0016_lux_de.pdf (дата обращения: 18.04.2015)

³³⁰ Brodesser Hermann-Josef, Fehn Bernd Josef, Fransch Tilo, Wirth Wilfried. Wiedergutmachung und Kriegsfolgenliquidation. Geschichte – Regelungen – Zahlungen. – München: C. H. Beck, 2000. – S. 28.

Стоит добавить, что в ГДР все же существовали тенденции к критической проработке прошлого, однако они имели место не в контексте официальной политики, а среди «оппозиционных» по отношению к власти общественных групп, прежде всего в церковных кругах. Самой известной из подобных групп стало движение «Акция знак искупления» (Aktion Sühnezeichen), вопреки воле СЕПГ совершавшая поездки в Польшу и другие страны Восточной Европы, чтобы сохранять и вести уход за памятниками жертвам нацистских преступлений.

Таким образом, на широком общественном и официальном уровне в ГДР не было предпринято никаких серьезных шагов к рефлексии немецкого прошлого и формированию самокритичной культуры памяти. В силу этого большинство населения Восточной Германии освобождалось пусть не от солидарности с жертвами, но, во всяком случае, от вопроса о вине за преступления прошлого³³¹. По данным исследователя «устной истории» Л. Нитхаммера, данная установка отражается в воспоминаниях восточных немцев о евреях: они, как правило, менее спонтанны, более прохладны, сильнее подвержены стереотипам³³².

Изменение немецкого самосознания в сторону самокритичного отношения к собственной национальной истории было на порядок интенсивнее в ФРГ. Политическое устройство западно-германского общества создавало необходимые для этого предпосылки – прежде всего, плюрализм нарративов и возможность их выражения в широкой общественной дискуссии. ГДР же, в отличие от западного соседа, упорно насаждала официозную догму антифашизма, исключая свободу дискуссии о немецком прошлом³³³. В плюралистическом обществе Западной Германии проработка памяти о войне и Холокосте являлась непрерывным процессом, подпитываемым, не в последнюю очередь, конкуренцией различных интерпретаций. В ГДР

³³¹ Нитхаммер Л. Цит. соч. С. 477.

³³² Там же.

³³³ Jarausch Konrad H. Op. cit. S. 359.

альтернатива официозному концепту антифашизма не могла сформироваться из-за абсолютного контроля власти над политическими структурами, средствами массовой информации и репрессий против инакомыслящих³³⁴. Вплоть до самого конца существования ГДР ее политическое руководство не предприняло никаких мер, направленных на изменение установок к памяти о прошлом. Единственным исключением стало извинение восточно-германского правительства перед еврейским народом уже в ходе объединения Германии. 8 февраля 1990 года председатель Совета Министров ГДР Ганс Модров в обращении к Всемирному еврейскому конгрессу и государству Израиль заявил, что «ГДР и вся немецкая нация несет ответственность за геноцид». В свою очередь, занимавший в то время пост министра обороны Израиля Беньямин Нетаньяху посоветовал восточно-германскому правительству ориентироваться на западно-германский опыт проработки прошлого³³⁵.

Выводы

В результате тотального военного поражения в 1945 г., утраты суверенитета и краха идеологии германского превосходства, немецкое национальное самосознание оказалось в состоянии глубочайшего кризиса. Крушение нацистского режима и его идеологии оказало отрезвляющее воздействие на немецкое население. Однако вместе с тем память немцев о жертвах нацизма и в первую о геноциде евреев (Холокосте) была в значительной степени блокирована памятью о собственных, немецких жертвах. Как отмечает исследователь немецкой культуры памяти Ю. Шеррер, преступления Третьего рейха в общественном сознании уравнивались с ущербом, нанесенным немецким городам бомбардировками союзников, а

³³⁴ Beleites Michael. *Isolierte Aufarbeitung? Zur zweigleisigen Erinnerungskultur in Deutschland und ihren Folgen // Aufarbeitung der Diktatur – Diktat der Aufarbeitung?: Normierungsprozesse beim Umgang mit diktatorischer Vergangenheit / Hammerstein Katrin, Mählert Ulrich, Trappe Julia, Wolfrum Edgar (Hrsg.). – Göttingen: Wallstein, 2009. – S. 48.*

³³⁵ Ibid.

признание массовых нацистских организаций преступными воспринималось как огульное коллективное обвинение всего народа³³⁶. Лишь небольшая группа немецких интеллектуалов – в первую очередь, философ К. Ясперс, психолог К. Г. Юнг, первый президент ФРГ Т. Хойс, лидер социал-демократов К. Шумахер – открыто поднимали тему вины и ответственности немцев за прошлое.

Немецкая «перспектива жертвы» первых послевоенных лет была присуща не только большинству населения ФРГ, но и активно поддерживалась официальной государственной властью. Ряд амнистийных законов середины 1950-х гг., инициированных первым канцлером ФРГ К. Аденауэром, привел к тому, что практически никто не опасался предстать перед судом за свое нацистское прошлое. Большинство «попутчиков» нацистских руководителей были оправданы или помилованы³³⁷. Одним из стержневых элементов послевоенной немецкой «перспективы жертвы» стал также миф о «чистом», «незапятнанном» преступлении нацизма Вермахте, который якобы вел честную и «оборонительную» по своему характеру войну³³⁸. Таким образом, немецкая «перспектива жертвы», подпитываемая снисходительностью государства к преступлениям нацизма, крайне затрудняла критическую рефлексию недавнего прошлого. Дебаты о нем считались излишними, а память – нерелевантной. Геноцид евреев как главный итог нацизма фактически был вытеснен из сознания большинства населения ФРГ. Декларативное дистанцирование властей ФРГ от Третьего рейха не сопровождалось серьезной проработкой прошлого. Исходя из этого, можно утверждать, что первое послевоенное время и 1950-е гг. являлись в ФРГ «эпохой замалчивания и забвения».

Данный комплекс установок к прошлому в ФРГ доминировал около десяти лет. Первые изменения ситуации были связаны с событиями конца 1950-

³³⁶ Шеррер Ю. Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=48576> (дата обращения: 18.05.2015)

³³⁷ Frei Norbert. 1945 und wir. Das Dritte Reich im Bewusstsein der Deutschen. – München: C. H. Beck, 2005. – S. 20.

³³⁸ Кёниг Х. Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании ФРГ // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 175.

х гг., а именно с оживлением в ФРГ антисемитских настроений, вылившихся в осквернение Кёльнской синагоги в декабре 1959 г. Данный инцидент и последовавшие за ним антисемитские эксцессы стали триггером, актуализировавшим память о нацистском прошлом в общественном дискурсе, и способствовали принятию властями ФРГ мер по просвещению населения и проработке преступлений прошлого. В 1959 г. появляется знаковая статья философа Т. Адорно «Что значит проработка прошлого?», в которой суровой критике подверглись тенденции к «избавлению» от прошлого в ФРГ, доминировавшие на протяжении 1950-х гг., подчеркивалась их опасность для демократического самосознания ФРГ. Для старта критической проработки немецкого прошлого фундаментальную важность имели процессы против нацистских преступников 1950-1960-х гг., в частности, Ульмский процесс 1958 г., процесс против Адольфа Эйхмана в Иерусалиме в 1961-1962 гг. и Освенцимский процесс во Франкфурте-на-Майне 1962-1963 гг., вызвавшие сильнейший общественный резонанс в ФРГ. Немаловажное значение для дискурса о прошлом также получили дебаты по поводу вопроса об истечении срока давности нацистских преступлений, которые шли в ФРГ в 1960-е гг. Благодаря активной позиции ряда депутатов бундестага, в первую очередь лидера фракции ХДС Э. Бенда, дебаты закончились полной отменой сроков давности в 1969 г.

Представляется, что определенную роль в процессе критической проработки прошлого сыграл и социальный аспект: ФРГ успешно прошла фазу политического конституирования, устранения материальных последствий войны, социальной интеграции беженцев с бывших немецких территорий и улучшения социально-экономических условий развития государства. Тем самым были созданы предпосылки для обращения сознания западных немцев к проблеме замалчиваемого прошлого.

Существенно повлияла на изменение отношения к прошлому западно-германская историография 1960-х гг. Знаковые исследования К. Д. Брахера, Э.

Йеккеля, М. Бросцата и других ученых ставили новые вопросы об идеологических мотивах, институциональной структуре и динамике преступной политики нацистов. Работы названных авторов внесли значительный вклад в критическое осмысление нацистского прошлого и заложили основы для дальнейших исследований о Третьем рейхе.

Важную роль в формировании критической культуры памяти в ФРГ сыграло «поколение 1968 года», представители которого, главным образом, студенчество, стремились к открытой общественной дискуссии об участии поколения отцов и дедов в преступной политике Гитлера. Деятельность «поколения 1968 года» нанесла сильный удар по немецкой «перспективе жертвы» и способствовала укреплению консенсуса о необходимости памяти о преступлениях нацизма. Импульсы критической проработки прошлого в итоге распространились и нашли поддержку в политическом руководстве ФРГ. Значительным символическим актом, продемонстрировавшим память и ответственность немцев за свое прошлое, стало коленопреклонение канцлера В. Брандта перед памятником участникам восстания в Варшавском гетто в ходе официального визита в Польшу 7 декабря 1970 г.

Несмотря на усиление критического подхода к прошлому в западно-германском обществе не исчезли противоположные тенденции, направленные на «нормализацию» немецкой истории и национальной идентичности. Наиболее последовательное воплощение концепция «нормализации» получила в политике Г. Коля, пришедшего к власти в ФРГ в 1982 г. Политика Коля поляризовала западно-германское общество, обострила общественные настроения и спровоцировала ответную реакцию со стороны защитников критического подхода к прошлому. Знаковым событием в контексте противостояния двух базовых подходов стала речь президента ФРГ Р. Фон Вайцеккера перед бундестагом 8 мая 1985 г., в которой политик призвал всех немцев к памяти и ответственности за преступления нацизма. На фоне поляризации общественного мнения разгорелся так называемый «спор

историков» 1986-1987 гг. между консервативными идеологами и сторонниками «нормализации», с одной стороны, и защитниками критической модели немецкой истории, с другой. В результате острой полемики в общественном дискурсе верх одержала позиция интеллектуалов, настаивавших на уникальном, нерелятивируемом характере нацистских преступлений и памяти о них как краеугольном камне послевоенной национальной идентичности немцев.

Совсем иначе, чем в ФРГ, формировался подход к прошлому в ГДР. Тогда как отношение к прошлому в ФРГ претерпевало со временем изменения и становилось все более критическим, в ГДР тема нацистских преступлений и коллективной ответственности немецкого народа замалчивалась практически на протяжении всего периода ее существования. Идентичность Германской Демократической Республики базировалась на догме руководства СЕПГ о социалистической сущности восточно-германского государства, а также на образе ГДР как авангарда борьбы с фашизмом, «наследницей» которого восточно-германским политикам виделась ФРГ. Тогда как в плюралистическом обществе Западной Германии проработка памяти о войне и Холокосте являлась непрерывным процессом, подпитываемым конкуренцией различных нарративов, в ГДР альтернатива официозному концепту антифашизма не могла сформироваться из-за абсолютного контроля власти над политическими структурами, СМИ и репрессий против диссидентов. Лишь 8 февраля 1990 г. ГДР впервые признала ответственность немцев за нацистское прошлое, а в апреле того же года восточно-германское правительство попросило прощения у государства Израиль и выразило готовность выплатить компенсации жертвам нацизма.

Глава 2. Дискурс о нацистском прошлом и динамика национальной идентичности в объединенной Германии (1990-2000-е гг.)

2.1. Значение объединения Германии для национальной идентичности немцев

С 1949 г. немцы находилась в уникальной исторической ситуации, так как немецкие государственные идентичности не совпадали с культурной идентичностью. Символом этой трагической раздвоенности Германии и одновременно символом политической несвободы стала Берлинская стена. Воссоединение Германии, несомненно, носило эпохальный характер, и, как отмечают немецкие историки В. Вайденфельд и К.-Р. Корте, в коллективной памяти немцев наличествует четкая дистинкция между эпохой «до 1989-го года» и «после 1989-го года»³³⁹.

Однако на уровне национального самосознания процесс объединения имел неоднозначный, крайне сложный характер. Так, благодаря господствовавшим представлениям о нации и национальном государстве и под влиянием самокритичной культуры памяти, образованные слои Западной Германии не были расположены к позитивному восприятию восточных немцев и проекта объединения Германии³⁴⁰. Широко распространенное критическое отношение к собственной истории и идентичности привело к проявлению так называемого «негативного национализма», доходившего до таких лозунгов, как, например, «Никогда больше никакой Германии» («Nie wieder Deutschland!»)³⁴¹. Широкие слои населения ФРГ в своей повседневной жизни непосредственно столкнулись с потоком переселенцев, хлынувшим на Запад начиная с 1987 г. Вследствие огромного притока переселенцев и беженцев из Восточной Европы и из ГДР у многих возникло ощущение, что они стали

³³⁹ Weidenfeld Werner, Korte Karl-Rudolf. Die Deutschen. Profil einer Nation. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1991. – S. 152.

³⁴⁰ Данн О. Нации и национализм в Германии 1770-1990. – СПб: Наука, 2003. – С. 364.

³⁴¹ Там же.

«обделенной» частью населения в собственной стране. Как отмечает исследователь немецкой идентичности О. Данн, чувства, вызванные в ФРГ в 1990 г., нельзя было назвать «национальным восторгом»³⁴². Гораздо большее внимание обращали на себя многочисленные голоса, свидетельствовавшие об отстраненном и критическом отношении, которым сопровождался процесс объединения в Западной Германии, звучали лозунги, отражавшие позицию негативного национализма. Интересно отметить, что если образование немецкого национального государства в 1870 г. произошло в итоге продолжавшегося несколько десятилетий национального движения, то объединению 1990 г. не предшествовало общенемецкое национальное движение³⁴³. На этот раз объединение произошло неожиданно в результате крушения советско-коммунистической системы и демократической революции в ГДР. Как отмечают В. Вайденфельд и К.-Р. Корте, процесс объединения Германии (за исключением периода октября-ноября 1989 г. и официальных празднеств) не сопровождался ростом значимости национальной немецкой символики и в большей степени характеризовался «резвым экономическим расчетом»³⁴⁴. Объединение двух немецких государств не привело к возрождению «великогерманского» патриотизма и национализма³⁴⁵. Кроме того, после объединения немцы не поставили под вопрос границы в Восточной и Центральной Европе, возникшие после Второй мировой войны, а также последствия изгнания с территорий по ту сторону Одера и Нейсе и из Судетской области³⁴⁶.

Объединение Германии, безусловно, расширило горизонт немецкой идентичности, из искусственно и произвольно разъединенных немецких

³⁴² Там же. С. 365.

³⁴³ Там же. С. 372.

³⁴⁴ Weidenfeld Wolfgang, Korte Karl-Rudolf. Die Deutschen. Profil einer Nation. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1991. – S. 139.

³⁴⁵ Schroeder Klaus. Deutschland nach 1990: Probleme der Einheit. Weichenstellungen – Ergebnisse – Einstellungen und Mentalitäten – Veränderungen // Die Bundesrepublik Deutschland. Eine Bilanz nach 60 Jahren / Schwarz Hans-Peter (Hrsg.). Köln: Böhlau, 2008. – S. 205.

³⁴⁶ Моммзен Х. Осмысление недавнего прошлого в Германии после 1945 г. // Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. Международная конференция / под ред. К. Айермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2002. – С. 30.

территорий вновь стало возможно создание целостного культурного и экономического пространства. И все-таки стоял вопрос, сколько времени займет сближение двух различных по своему типу обществ, так как оба они на протяжении около сорока лет определяли себя из взаимной «контр-идентичности». Центральный интерес в рамках данного исследования, однако, представляет воздействие объединения Германии на немецкий дискурс о нацистском прошлом. Как пишет Б. Роммельспахер, изначально имела место обеспокоенность, что объединение Германии в октябре 1990 г. и связанная с этим процессом необходимость проработки «второй немецкой диктатуры» – коммунистического режима ГДР – понизит значимость общественной памяти о Третьем рейхе³⁴⁷. Так, 3 октября 1990 г. редактор газеты «Цайт» Карл-Хайнц Янсен предостерегал немцев от желания отложить новейшую немецкую историю ad astra³⁴⁸. Даже спустя два года после объединения Германии в газете «Цайт» была опубликована статья с симптоматичным вопросом в качестве заголовка: «Штази приходит – наци уходит?»³⁴⁹. В целом можно утверждать, что данные опасения в итоге не подтвердились. Десятилетие, последовавшее после объединения Германии в 1990 г., маркирует в немецкой культуре памяти существенное усиление значения дискурса о нацистском прошлом. В связи с этим исследователь немецкой идентичности и культуры памяти В. Бергем говорит об «одержимости прошлым»: «Никогда раньше ни одна нация, ни одно поколение не рефлексировали столь интенсивно на тему своего прошлого»³⁵⁰. Как отмечает немецкий историк М. Яйсман, Германия «не только не отвернулась от прошлого, но, наоборот, политически функционализировала культуру принятия вины»³⁵¹. Аналогичную оценку дает Х. Кёниг: в 1990-е гг.

³⁴⁷ Rommelspacher Birgit. Anklage und Entlastung. Sozialpsychologische Aspekte der Goldhagen-Debatte // Die Fratze der eigenen Geschichte. Von der Goldhagen-Debatte zum Jugoslawien-Krieg / Elsässer Jürgen, Markovits Andrei S. (Hrsg.). – Berlin: Espresso Verlag, 1999. – S. 41.

³⁴⁸ Kracht Klaus G. Op. cit. S. 139.

³⁴⁹ Obenaus Herbert. Stasi kommt – Nazi geht? // Zeit, 31.07. 1992.

³⁵⁰ Bergem Wolfgang. Identitätsformationen in Deutschland. – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2005. – S. 79.

³⁵¹ См. Jeismann Michael. Auf Wiedersehen Gestern. Die deutsche Vergangenheit und die Politik von morgen. – München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2001. – S. 194.

прошлое ГДР так и не смогло опередить нацистское прошлое в общественных дебатах; напротив, «столько полемики о нацистском прошлом, как в этот период, не было никогда прежде»³⁵². В частности, огромное символическое значение для исторической памяти немцев и рефлексии нацистского прошлого имело 50-летие окончания войны.

Осознание глубокой необходимости сохранения и укрепления памяти и ответственности за нацистское прошлое отразилась в официальном политическом дискурсе объединенной Германии. Так, в речи перед бундестагом по случаю 50-летия окончания войны 8 мая 1995 г. президент ФРГ Р. Херцог отметил, что «вина немцев за Холокост сегодня еще более ясна, чем пятьдесят лет назад»³⁵³. Присутствуя 27 января 1996 г. в бывшем концлагере Берген-Бельзен, Херцог заявил: «Истечение 50 лет после конца нацистского режима не может быть концом памяти. То, в чем мы сейчас нуждаемся, это форма памяти, которая будет надежно действовать и в будущем [...]. Ничто не должно быть вытеснено, ничто не должно быть забыто. Мы несем ответственность за то, чтобы подобное больше никогда не повторилось»³⁵⁴. В свою очередь, президент конституционного суда ФРГ Ю. Лимбах, выступая в мемориале концлагеря Заксенхаузен в 1995 г., отметила, что «вступивший в силу в 1949 г. немецкий Основной закон является ответом на террор нацистов»³⁵⁵. Аналогичным образом высказалась и министр образования и культуры Баварии М. Хольмайер в своей речи в бывшем концлагере Дахау в 1999 г. По ее словам, «в демократическом правовом государстве ФРГ, в сущности, выполняется завещание тех, кто страдал в концлагерях»³⁵⁶. Стоит добавить, что по инициативе Р. Херцога с 1996 г. 27 января ежегодно отмечается как «День памяти о жертвах национал-социализма».

³⁵² Кёниг Х. Цит. соч. 124.

³⁵³ Цит. по: Crawshaw Steve. Op. cit. S. 194.

³⁵⁴ Ibid.

³⁵⁵ Цит. по: Eschebach Insa. Öffentliches Gedenken. Deutsche Erinnerungskulturen seit der Weimarer Republik. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2005. – S. 190.

³⁵⁶ Ibid. S. 191.

Усиление дискурса о прошлом после воссоединения Германии и его превращение в фундаментальный элемент национального самосознания стало феноменом, в основе которого лежали несколько факторов. Обобщая, можно выдвинуть следующие гипотезы, объясняющие усиление дискурса памяти о прошлом:

1.) На исходе XX и в начале XXI вв. представители поколения, социализировавшиеся и пережившие нацистскую диктатуру, начали естественно убывать. В Германии произошел переход от модуса «биографического воспоминания» к модусу «фундированного воспоминания»³⁵⁷, или, иными словами, от «коммуникативной памяти» к «культурной памяти». Кроме того, существенное значение имело завершение цикла институционально-юридических процессов «политики по отношению к прошлому» (Vergangenheitspolitik) – прежде всего, судебных процессов против нацистских преступников, компенсаций жертвам нацизма и т.д. Место «политики по отношению к прошлому» заняла базирующаяся на возросшей рефлексии специфическая немецкая культура памяти (Erinnerungskultur), оперирующая символическими и дискурсивными категориями;

2.) Произошла разрядка конфликта поколений: дискурс о немецком прошлом освободился от подоплеки конфликта между родителями и детьми, который был свойствен ранним периодам истории ФРГ (речь идет, прежде всего, о «поколении 1968-го года»)³⁵⁸;

3.) Успешное завершение периода дезинтеграции Германии на два государства освободило дискурс о прошлом от политико-идеологических импликаций холодной войны, в эпоху которой западные немцы ставили знак тождества между нацистской диктатурой и диктатурой СЕПГ, а восточные

³⁵⁷ Bergem Wolfgang. Identitätsformationen in Deutschland. – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2005. – S. 287.

³⁵⁸ Bergem Wolfgang. Nationale Identität – Fatum oder Fiktion? // Die nationale Identität der Deutschen: Philosophische Imaginationen und historische Mentalitäten / Bialas Wolfgang (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2002. – S. 55.

немцы пытались доказать родство и преемственность фашизма и капитализма³⁵⁹.

2.2. Ключевые общественные дискуссии о нацистском прошлом и немецкой национальной идентичности в 1990-е гг.

Как уже было сказано, после воссоединения Германии внимание к теме нацистского прошлого в немецком обществе стремительно возросло. В многообразии дебатов объединенной Германии 1990-х гг. особое место занимают три дискуссии, внесшие наибольший вклад в рефлексию нацистского прошлого:

1.) Полемика о передвижной выставке «Война на уничтожение. Преступления Вермахта 1941-1944» («Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944»), организованной Гамбургским институтом социальных исследований и экспонировавшейся с 1995 по 1999 гг. и с 2001 по 2004 гг.;

2.) Полемика по поводу вышедшей в 1996 г. книге американского политолога Дэниела Гольдхагена «Добровольные исполнители Гитлера: обычные немцы и Холокост».

3.) Полемика о речи известного немецкого писателя Мартина Вальзера, которая велась с осени 1998 г. до начала 1999 г., в основе которой лежал конфликт писателя с председателем Центрального комитета евреев Германии Игнацем Бубисом в вопросе о значении памяти о Холокосте для немецкой идентичности.

Характерной особенностью дискуссий о немецком прошлом в 1990-е гг. стал их существенно расширившийся общественный охват: если «спор историков» 1986-1987 гг. проходил преимущественно в среде профессиональных историков, журналистов, политиков и других общественных

³⁵⁹ Bender Peter. Deutschlands Wiederkehr: eine ungeteilte Nachkriegsgeschichte 1945-1990. – Stuttgart: Klett-Cotta, 2007. – S. 316.

деятелей при незначительном активном участии других социальных групп, то в контroversах 1990-х гг. участвовали представители практически всех социальных групп, слоев, профессий и возрастных когорт³⁶⁰. Каждая из названных выше дискуссий затрагивала определенный аспект памяти о нацистском прошлом.

В соответствии с задачами данного исследования в дальнейшем будет проведен подробный анализ каждой из дискуссий с целью понимания их своеобразия и определения их значения для немецкой национальной идентичности.

2.2.1. Выставка «Преступления Вермахта»: развенчание мифа о «незапятнанной» армии

Несмотря на катастрофическую цезуру 1945 г., крушение иллюзий о «тысячелетнем Рейхе» и политическое отрезвление значительной части немцев, образ гитлеровского Вермахта после завершения войны сохранил ореол «незапятнанности». В большей части исторической, мемуарной³⁶¹ и художественной литературы, а также в рассчитанных на массового зрителя кинофильмах 1950-1960-х гг. Вермахт позиционировался не как инструмент агрессивных планов Гитлера, а как «нормальная» (в противоположность СС) армия, не имевшая никакого отношения к политике нацистской партии и отличавшаяся высоким профессионализмом и «порядочностью»³⁶². Ветераны армии Третьего рейха получили в 1950-е гг. своеобразное оправдание в контексте холодной войны, стимулировавшей создание бундесвера, в который

³⁶⁰ Brunssen Frank. Op. cit. S. 151.

³⁶¹ Особенно большой вклад в создание легенды о «чистом Вермахте» внесли, в частности, мемуары генерал-полковника Франца Гальдера и фельдмаршала Эриха фон Манштейна. См. Halder Franz. Hitler als Feldherr. – München: Münchener Dom-Verlag, 1949. – 63 S; Manstein Erich von. Verlorene Siege. – Bonn: Athenäum, 1957. – 664 S.

³⁶² Schwendemann Heinrich. Strategie der Selbstvernichtung: Die Wehrmachtführung im “Endkampf” um das “Dritte Reich” // Die Wehrmacht. Mythos und Realität / Müller Rolf-Dieter, Volkmann Hans-Erich (Hrsg.). – München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1999. – S. 240.

были приняты более десяти тысяч офицеров и 44 генерала Вермахта³⁶³. Культурно-политический образ «чистого Вермахта» упорно насаждался многочисленными объединениями ветеранов, настойчиво выступавших в послевоенные годы против «диффамаций»³⁶⁴. Бывшие члены Вермахта также получили протекцию со стороны официальной власти ФРГ. Так, выступая в бундестаге 3 декабря 1952 года, канцлер ФРГ Конрад Аденауэр заявил: «Мы убеждены, что хорошая репутация и великие достижения немецкого солдата, несмотря на все поругания последних лет, по-прежнему актуальны для нашего народа и останутся таковыми [...] Нашей задачей – и я уверен в том, что мы ее решим, – должен стать синтез нравственных ценностей немецкой солдатской традиции с демократией»³⁶⁵.

В первые десятилетия существования ФРГ преступления Вермахта на территории СССР, как правило, не упоминались в общественных дискуссиях и редко находились в фокусе исследований немецких историков. Отношение немецких историков к задаче просвещения о преступлениях Вермахта оставалось довольно сдержанным³⁶⁶. Они избегали вопроса об ответственности и преступлениях Вермахта и в большей мере тяготели к исследованиям таких тем, как движение Сопротивления в Вермахте, жестокое обращение советской армии с немецким гражданским населением в 1944-1945 гг. и т.д.

Устойчивый образ «чистого Вермахта», который не был критически пересмотрен даже со стороны «поколения 1968-го года», не подвергался в немецкой историографии существенной ревизии вплоть до 1980-х гг. Однако и появление новых публикаций историков о преступной роли Вермахта в войне

³⁶³ Messerschmidt Manfred. Aus der Geschichte lernen. Vom Umgang mit der Erblast des Nationalsozialismus in der Bundeswehr und in der NVA // Militarismus, Vernichtungskrieg, Geschichtspolitik: Zur deutschen Militär- und Rechtsgeschicht / Ehlert Hans, Lang Arnim, Wegner Bernd (Hrsg.). – Paderborn: Schöningh, 2006. – S. 373.

³⁶⁴ Wrochem Oliver von. Erich von Manstein. Vernichtungskrieg und Geschichtspolitik. – Paderborn: Schöningh, 2006. – S. 314.

³⁶⁵ Цит. по: Wrochem Oliver von. Keine Helden mehr. Die Wehrmachtseelite in der öffentlichen Auseinandersetzung // Der Krieg in der Nachkriegszeit. Der Zweite Weltkrieg in Politik und Gesellschaft der Bundesrepublik / Greven Michael, Wrochem Oliver von (Hrsg.). – Opladen: Leske und Budrich Verlag, 2000. – S. 154.

³⁶⁶ Müller Rolf-Dieter. Die Wehrmacht – Historische Last und Verantwortung. Die Historiographie im Spannungsfeld von Wissenschaft und Vergangenheitsbewältigung // Die Wehrmacht – Mythos und Realität / Müller Rolf-Dieter, Volkmann Hans-Erich (Hrsg.). – München: Oldenbourg Verlag, 2012. – S. 6.

привлекли в ФРГ на удивление слабый общественный интерес³⁶⁷. Несмотря на заметный рост научной рефлексии, осознание участия немецкой армии в геноциде еврейского населения Европы по-прежнему оставалось уделом меньшинства. В массовом сознании по-прежнему были прочно укоренены героизирующие и виктимизирующие стереотипы и клише. Некритичные представления о Вермахте как о «чистой», «незапятнанной» армии все еще оставались, по сути, негласным консенсусом и нормой в общественном дискурсе.

В 1995 г. впервые за всю послевоенную историю Германии этот консенсус был поколеблен передвижной выставкой «Война на уничтожение: Преступления Вермахта 1941-1944», организованной Гамбургским институтом социальных исследований. Выставка проходила под знаком следующего мотто: «В 1995 г., 50 лет спустя войны, настало время окончательно отказаться от лжи и признать правду о чудовищных преступлениях: с 1941 по 1944 гг. Вермахт вел на Балканах и в СССР не “нормальную”, а истребительную войну против евреев, военнопленных и гражданского населения»³⁶⁸. По замыслу авторов, выставка должна была максимально полно и объективно воспроизвести панораму истребительной войны Вермахта на Восточном фронте. На примере борьбы с партизанами в Сербии, оккупационного режима в Белоруссии и наступления 6-й армии Паулюса в 1942-1943 гг. выставка демонстрировала соучастие Вермахта в геноциде восточно-европейских евреев, грабеже и эксплуатации оккупированных территорий, массовых казнях гражданского населения и уничтожении советских военнопленных. Свыше 1400 фотографий казней и убийств, дневниковые записи и письма немецких солдат с признаниями и описаниями совершенных деяний документально подтверждали соучастие Вермахта в гитлеровской политике уничтожения.

³⁶⁷ Mommsen Hans. “The New Historical Consciousness” // *Forever In The Shadow of Hitler?* / Piper Ernst (ed.). – New Jersey: Humanities Press, 1993. – S. 120. В частности, одним из самых важных исследований о Вермахте в 1980-е гг. стал сборник статей под редакцией Г. Юбершера и В. Ветте о плане «Барбаросса». См. “Unternehmen Barbarossa”. *Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941 (Berichte, Analysen, Dokumente)* / Ueberschär Gerd R., Wette Wolfram (Hrsg.). – Paderborn: Schöningh, 1984. – 416 S.

³⁶⁸ Crawshaw Steve. *Op. cit.* S. 169.

Фотографии также сопровождалась текстами военных директив и приказов, требующих от солдат безжалостного обращения с представителями «неполноценных», «низших рас». Кроме того, демонстрировались документальные свидетельства уничтожения немецкими государственными и военными структурами негодных режиму документов, а также их фальсификация в финальной фазе Второй мировой войны. Эта часть экспозиции должна была показать, что нацисты пытались замести следы своих преступлений и стереть память о своих жертвах. Таким образом, экспозиция радикально развенчивала легенду о «чистом», «незапятнанном Вермахте», впервые донося до широкой немецкой общественности исторически достоверные, но бывшие долгое время «неудобными» факты.

Выступая с речью на открытии выставки в Гамбурге 5 марта 1995 года, директор Гамбургского института социальных исследований Ян Филипп Реемтсма заявил: «Цель этой выставки состоит в том, чтобы показать, насколько зыбка была грань между нормой и преступлением, и насколько широким было добровольное участие в массовых убийствах»³⁶⁹. При этом Реемтсма подчеркивал, что «выставка не утверждает, что каждый солдат Вермахта перешагнул черту, установленную Гаагской конвенцией о сухопутной войне»³⁷⁰. В свою очередь, координатор выставки Ханнес Хеер характеризовал суть экспозиции следующим образом: «Эти факты уже достаточно пугающие. Однако они становятся шоком, поскольку ответственность за них приписывается больше не эсэсовцам, а миллионам обычных немцев. [...] Это наши деды, отцы, дяди, братья, мужья. Поэтому история этой войны на уничтожение является частью истории каждой семьи»³⁷¹.

³⁶⁹ Reemtsma Jan Philipp. Eröffnungsrede zur Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944" in Hamburg // Krieg ist ein Gesellschaftszustand. Reden zur Eröffnung der Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944". – Hamburg: Hamburger Institut für Sozialforschung, 1998. – S. 10.

³⁷⁰ Ibid.

³⁷¹ Heer Hannes. Heer Hannes. Eröffnung der Ausstellung in Karlsruhe // Eine Ausstellung und ihre Folgen. Zur Rezeption der Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944" / Hamburger Institut für Sozialforschung (Hrsg.). – Hamburg: Hamburger Edition, 1998. – S. 108.

Сразу же после своего открытия 5 марта 1995 г. в Гамбурге выставка вызвала в Германии колоссальный резонанс. С 1995 по 1999 гг. она была показана в 34 городах, собрала около 900 тысяч посетителей, что сделало ее самой продолжительной по времени и наиболее посещаемой выставкой за всю историю ФРГ. Выставке было посвящено более 10 тысяч статей и репортажей в немецких средствах массовой информации³⁷². В федеральной и региональной немецкой прессе разгорелись горячие дебаты. Организации ветеранов выступали против оскорбления солдат, праворадикальные и неонацистские группировки организовывали акции протеста, на которые, в свою очередь, представители движений левого толка отвечали антинацистскими акциями. Выставка стала крупным политическим и медийным событием федеративной республики. Многие немецкие издания обозначили выставку как значительный вклад в год поминовения 50-летия окончания Второй мировой войны³⁷³.

В то время как критики выставки расценивали ее как оскорбление всех членов Вермахта, защитники экспозиции понимали ее как средство просвещения о темной главе немецкого прошлого. Зачастую мнения поляризовались в соответствии с партийно-политической принадлежностью оппонентов. Характерная особенность полемики по поводу выставки «Преступления Вермахта» заключалась в том, что, в отличие от предшествующих дебатов о нацистском прошлом, значительная ее часть происходила преимущественно в политической среде. Таким образом, для раскрытия влияния выставки на немецкий дискурс памяти о прошлом наибольшее значение имеет анализ дебатов немецких политиков.

Начавшись в Бремене и Нюрнберге в ходе 1996 г., полемика о выставке достигла своей кульминации в 1996-1997 гг. в Мюнхене. Еще до ее официального открытия член городского совета Мюнхена Манфред Бруннер выступил 11 декабря 1996 г. с речью, в которой охарактеризовал выставку как

³⁷² Kracht Klaus G. Op. cit. S. 157.

³⁷³ См., напр., Janssen Karl-Heinz. Als Soldaten Mörder wurden // Die Zeit, 17.03.1995.

«антиисторическое пропагандистское шоу»³⁷⁴. Далее Бруннер назвал солдат Вермахта «дисциплинированными в военном отношении бойцами», которые «верили в то, что необходимо со всей ответственностью и исключительным мужеством пожертвовать своими жизнями ради Отечества и своих семей»³⁷⁵. Речь Бруннера встретила среди членов городского совета Мюнхена как отрицательные, так и положительные реакции.

Еще до выступления Бруннера мэр Мюнхена Кристиан Уде постарался установить консенсус между представителями различных партий, предложив сопроводить открытие выставки официальным заявлением городского совета следующего содержания: «Выставка “Преступления Вермахта”, которая была показана во многих городах, освещает особо мрачную главу военной истории. Общество Мюнхена также должна иметь возможность получить информацию и сформировать свое мнение. Выставку не следует понимать как огульное обвинение всех военнослужащих Вермахта»³⁷⁶. Стоит отметить, что в каталоге выставки также указывалось, что ее целью не является «запоздалое и огульное обвинение целого поколения бывших немецких солдат». Интенцией выставки провозглашалось «стремление положить начало дебатам о варварской главе немецкой и австрийской истории – войне Вермахта с 1941 по 1944 гг.»³⁷⁷. Однако ни предложение мэра Мюнхена, ни текст каталога не являлись с точки зрения противников выставки достаточно обоснованными и убедительными. Так, критическая речь Манфреда Бруннера была поддержана главой фракции ХДС Хансом Подюком. Выступая на городском совете Мюнхена 11 декабря 1996 г., политик раскритиковал недопустимые, на его взгляд, выводы, которые делает выставка. Особое внимание Подюк уделил тому факту, что авторы

³⁷⁴ Цит. по: Klotz Johannes. “Anständige Leute”. Zur Auseinandersetzung um die Ausstellung “Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941-1944” // Die selbstbewusste Nation und ihr Geschichtsbild. Geschichtslegenden der Neuen Rechten – Faschismus/Holocaust/Wehrmacht / Klotz Johannes, Schneider Ulrich (Hrsg.). – Köln: PapyRossa-Verlag, 1997. – S. 178.

³⁷⁵ Ibid.

³⁷⁶ Bilanz einer Ausstellung. Dokumentation der Kontroverse um die Ausstellung “Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944” in München, Galerie im Rathaus 25.2. bis 6.4.1997 / Kulturreferat der Landeshauptstadt München (Hrsg.). – München: Droemer Knaur, 1998. – S. 67.

³⁷⁷ Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944. Ausstellungskatalog / Hamburger Institut für Sozialforschung (Hrsg.). – Hamburg: Hamburger Edition, 1996. – S. 7.

экспозиции приписывали соучастие в преступлениях Вермахта даже офицерам, являвшимся участниками антинацистского Сопротивления³⁷⁸.

Непримиримым оппонентом критиков выставки стала член городского совета Мюнхена, представитель фракции «зеленых» Сабине Чампаи. В своем эмоциональном выступлении политик упрекнула Манфреда Бруннера в том, что тот стремится оправдать нацизм. «Бруннер хочет придать своим сторонникам смелости, чтобы вновь взяться за оружие, чтобы уничтожить эти идеи, демократию и либерализм этой страны», - сказала Чампаи³⁷⁹. По поводу выставки Чампаи заявила, что дискуссию о ней должны вести профессиональные историки, а не политики, поэтому следует отказаться от дебатов между политиками о процентном соотношении участвовавших в военных преступлениях членов Вермахта³⁸⁰.

Заключительная речь на городском совете Мюнхена 11 декабря 1996 г. принадлежала председателю социал-демократической фракции Дитмару Кеезе. Политик попытался уравновесить диалог и придать ему более объективный характер. Кеезе подчеркнул факт участия Вермахта в нацистских преступлениях и высказался в пользу дискуссии участников войны о совершенных ими деяниях. Также Кеезе отметил, что солдаты Вермахта, не принимавшие активного участия в преступлениях, все же должны были прийти к пониманию, что своей службой они в первую очередь «поддерживают преступный режим, а не защищают отечество»³⁸¹. В завершение заседания городского совета политики большинством голосов отклонили предложение мэра Мюнхена сопроводить выставку официальным заявлением.

С приближением даты открытия выставки в обществе все сильнее поляризовались мнения и позиции. К примеру, мэру Мюнхена поступали письма протеста от объединений ветеранов, праворадикальные группировки

³⁷⁸ Ueberschär Gerd R. Stauffenberg. Der 20. Juli 1944. – Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 2004. – S. 211.

³⁷⁹ Bilanz einer Ausstellung. Dokumentation der Kontroverse um die Ausstellung “Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944” in München, Galerie im Rathaus 25.2. bis 6.4.1997 / Kulturreferat der Landeshauptstadt München (Hrsg.). – München: Droemer Knauer, 1998. – S. 86.

³⁸⁰ Ibid.

³⁸¹ Ibid. S. 94.

призывали к демонстрациям против выставки³⁸². Неонацистская Национал-демократическая партия Германии назначила на 1 марта 1997 г. марш протеста против выставки. В свою очередь, профсоюзы, представители движения «зеленых» и другие политические группировки назначали проведение антинацистских акций. Громкий скандал был связан с главой мюнхенской группы ХДС Петером Гаувайлером. 14 февраля 1997 г. в своей речи в мюнхенском «Хофбройхаусе» Гаувайлер жестко раскритиковал мэра Мюнхена К. Уде за то, что дал согласие на показ выставки в мюнхенской ратуше. С жесткой критикой Гаувайлер напал и на главного спонсора и организатора выставки, табачного магната Яна Филиппа Реемтсма, в бестактной манере посоветовав тому «сделать лучше выставку о жертвах табака, который он продает»³⁸³. За несколько дней до открытия выставки в Мюнхене в главном печатном органе ХДС «Байернкурьер» против нее вновь прозвучали жесткие аргументы. В статье члена ХДС Ф. Штурмфалля война Третьего рейха против СССР сравнивалась с «нормальными» боевыми действиями других стран. «Стоит отметить, что война в принципе понижает нравственный уровень, иначе нельзя было бы объяснить то, что упомянутые преступления совершались не только немецким Вермахтом, но и всеми воюющими странами»³⁸⁴, - писал Штурмфалль. Таким образом, автор полностью игнорировал специфику немецкой истребительной войны против СССР, ни слова не говоря об уничтожении евреев и советского гражданского населения, о бесчеловечном обращении с советскими военнопленными и о других преступлениях Вермахта. Кроме того, Штурмфалль сделал выпад против Я. Ф. Реемтсма, а руководителя выставки Х. Хеера обвинил в научной несерьезности³⁸⁵. «Цель выставки

³⁸² Brauner-Orthen Alice. Die Neue Rechte in Deutschland. Antidemokratische und rassistische Tendenzen. – Opladen: Leske und Budrich, 2001. – S. 145.

³⁸³ CSU attackiert das Rathaus // Süddeutsche Zeitung, 15.02.1997 // Wehrmachtsverbrechen. Eine deutsche Kontroverse / Prantl Heribert (Hrsg.). – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1997. – S. 246.

³⁸⁴ Sturmfall Florian. Wie Deutsche diffamiert werden // Bayernkurier, 20.02.1997 // Wehrmachtsverbrechen. Eine deutsche Kontroverse / Prantl Heribert (Hrsg.). – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1997. – S. 25.

³⁸⁵ Ibid.

состоит в том, чтобы оскорбить честь миллионов немцев», - резюмировал Штурмфалль³⁸⁶.

24 февраля 1997 г. в присутствии более чем 1000 посетителей и 200 журналистов в Auditorium Maximum Мюнхенского университета мэр Мюнхена Кристиан Уде официально открыл выставку. Мэр вновь подчеркнул, что экспозицию не следует понимать как «трибунал против ветеранов Вермахта»³⁸⁷. Ссылаясь на актуальные исторические исследования, Уде отметил, что Вермахт вел агрессивную, преступную по своему характеру войну. Уже накануне войны против СССР руководство немецких вооруженных сил сформулировало бесчеловечные, нарушающие международное право директивы, которым затем на оккупированных территориях следовали солдаты Вермахта. Далее мэр Мюнхена призвал всех собравшихся и всех немцев признать «неудобные» исторические факты и осмыслить совершенные Германией преступления: «Уже хотя бы затем, чтобы не быть несправедливыми по отношению к жертвам, а также к тем, кто не несет на себе никакой вины, мы должны заботиться о том, чтобы совершенные в прошлом преступления были названы своими именами и не были вытеснены, спрятаны или релятивизированы»³⁸⁸. В завершение Уде указал на особую ответственность города Мюнхена перед историей в силу того, что нацистская партия зародилась и получила значительную поддержку задолго до 1933 г. именно в столице Баварии³⁸⁹. В свою очередь, выступавший вслед за Уде директор Гамбургского института социальных исследований Ян Филипп Реемтсма подчеркнул, что военные преступления Вермахта на Востоке были не «нарушением границ дозволенного, а самим лицом этой войны»³⁹⁰.

³⁸⁶ Ibid.

³⁸⁷ Wenn alle nach der Ehre fragen. Beobachtungen aus einer Stadt, in der eine Ausstellung zu den Verbrechen der Wehrmacht zum Skandal erklärt wird // Süddeutsche Zeitung, 26.02.1997 // Wehrmachtsverbrechen. Eine deutsche Kontroverse / Prantl Heribert (Hrsg.). – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1997. – S. 274.

³⁸⁸ Bilanz einer Ausstellung. Dokumentation der Kontroverse um die Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944" in München, Galerie im Rathaus 25.2. bis 6.4.1997 / Kulturreferat der Landeshauptstadt München (Hrsg.). – München: Droemer Knauer, 1998. – S. 31.

³⁸⁹ Ibid.

³⁹⁰ Ibid. S. 35.

В тот же день, 24 февраля 1997 г., в знак протеста против открытия выставки члены партии ХДС провели символическую акцию: при значительном освещении СМИ мюнхенский лидер ХДС Петер Гаувайлер возложил венок на могилу неизвестного солдата, выразив тем самым несогласие с якобы беспочвенными обвинениями в адрес бойцов Вермахта. Другой важной акцией противников выставки стала демонстрация, организованная Национал-демократической партией 1 марта 1997 г. и собравшая около 5 тысяч неонацистов. По оценкам исследователей, данная демонстрация стала самым крупным митингом правоэкстремистов в Мюнхене с 1930-х гг.³⁹¹ Важно отметить, что акция Гаувайлера и митинги правоэкстремистов не только не помешали выставке, но, напротив, стимулировали к ней интерес публики: в течение трех недель более 88 тысяч человек посетили мюнхенскую экспозицию³⁹².

13 марта и 24 апреля 1997 г. выставка о Вермахте стала темой обсуждения в бундестаге. Мнения парламентариев также поляризовались: представители социал-демократической партии и «зеленых» поддержали авторов и организаторов выставки, тогда как один из лидеров ХДС Альфред Дреггер подверг выставку жесткой критике, охарактеризовав ее организаторов как «подстрекателей» и «клеветников»³⁹³.

Несмотря на то, что выставка отличалась «плакатной», подчас «кричащей» подачей материала, ряд немецких историков отнесся к ней позитивно. Критическую позицию в отношении выставки продемонстрировали профессор Фрайбургского университета Ульрих Херберт и директор Исследовательского центра военной истории в Потсдаме Рольф-Дитер Мюллер. Положительную оценку выставка получила от историка, профессора Боннского

³⁹¹ Greiner Bernd. Bruch-Stücke. Sechs westdeutsche Beobachtungen nebst unfertigen Deutungen // Hamburger Institut für Sozialforschung (Hrsg.) Eine Ausstellung und ihre Folgen. Zur Rezeption der Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944". – Hamburg: Hamburger Edition, 1999. – S. 46.

³⁹² Kracht Klaus G. Op. cit. S. 157.

³⁹³ Die Wehrmachtsausstellung. Dokumentation einer Kontroverse. Dokumentation der Fachtagung in Bremen am 26. Februar 1997 und der Bundestagsdebatte am 13. März und 24. April 1997 / Thiele Hans-Günther (Hrsg.). – Bonn: Bundezentrale für politische Bildung, 1997. – S. 170.

университета Ганса-Адольфа Якобсена. Историк, профессор Технического университета Берлина Вольфганг Бенц, встав на защиту выставки, подчеркивал, что претензии и требования некоторых ученых к ней являются завышенными. Выступая в рамках симпозиума в Бремене 27 февраля 1997 г., Бенц сказал, что не следует требовать от выставки, которая должна «побудить немцев к осмыслению их прошлого, того, чего нельзя добиться даже в объемном научном труде»³⁹⁴. Многие крупные историки и эксперты – такие как Манфред Мессершмидт, Кристиан Штрайт, Омер Бартов, Вольфрам Ветте, Герхард Шрайбер, подчеркивали соответствие содержания выставки новейшим данным историографии Вермахта³⁹⁵.

Особое внимание заслуживают реакции ветеранов Вермахта, посетивших выставку. Важнейшими источниками, отражающими их впечатления и реакции, служат записи в гостевых книгах городских музеев, в которых экспонировалась выставка, а также интервью, проведенные в Берлине, Штуттгарте и Потсдаме под руководством социолога, профессора Геттингенского университета Габриэлы Розенталь. Особенность интервью состояла в том, что в них опрашиваемым практически не задавали вопросов, вместо этого им предоставлялась возможность свободно высказаться о выставке. Характерной для многих из опрошенных была «перспектива жертвы». Ветераны зачастую позиционировали себя как простых солдат, отправленных на войну против своей воли, часто встречались виктимизирующие формулировки: «В юности я был вынужден служить как солдат в немецком Вермахте»; «я был шесть лет солдатом против своей воли, то же самое относилось и к большинству служащих Вермахта»³⁹⁶. 76-летний ветеран говорил о безвыходной ситуации: «Я сочувствую всем солдатам, которые должны были принимать участие в

³⁹⁴Ibid. S.101

³⁹⁵ Klotz Johannes. Die Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944". Zwischen Geschichtswissenschaft und Geschichtspolitik // Mythos Wehrmacht. Nachkriegsdebatten und Traditionspflege / Bald Detlef, Klotz Johannes, Wette Wolfram (Hrsg.). – Berlin: Aufbau Taschenbuch: 2001. – S. 157.

³⁹⁶ Цит. по: Heer Hannes. Tote Zonen. Die deutsche Wehrmacht an der Ostfront. – Hamburg: Hamburger Edition, 1999. – S. 189.

карательных акциях: сопротивление могло означать смерть»³⁹⁷. Часто звучали слова самосострадания: «Четыре года я был солдатом в северном театре военных действий [...] затем еще четыре года в плену у французов, в лагере которых от голода погибли 167 тысяч человек». Другой ветеран вспоминал: «Шесть лет в Вермахте и в плену [...] пять раз был ранен [...] и остался без ноги»³⁹⁸. Таким образом, многие бывшие солдаты понимали себя не как соучастников преступной войны, а как «нормальных» военнослужащих и жертв, что соответствовало образу «чистого Вермахта», утвердившемуся в Германии в первые послевоенные годы³⁹⁹. Другим распространенным среди ветеранов нарративом было утверждение, что военные преступления были совершены лишь «крошечной» частью солдат Вермахта, тогда как основная ответственность лежала на СС⁴⁰⁰. Преступления Вермахта также часто интерпретировались ветеранами как реакция на бесчеловечные действия красноармейцев и партизан в отношении немецких солдат⁴⁰¹. Кроме того, иногда ветераны не отрицали преступную сущность войны Вермахта на Восточном фронте, однако не усматривали в ней ничего исключительного и уникального. Так, один из ветеранов говорил: «То, что война как таковая была преступлением, бесспорно, однако то же самое можно сказать обо всех агрессивных войнах, начиная с Александра Македонского и Чингисхана и заканчивая Милошевичем»⁴⁰². Другой ветеран утверждал: «Еще ни одна война не была гуманной. Каждая война имеет свои собственные законы, и они всегда

³⁹⁷ Цит. по: Klose Marten. Klose Marten. Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944. Rezeption und Reaktionen im Kontext von persönlicher Erfahrung und familiärer Erinnerung. Bachelorarbeit. – Oldenburg, 2007. – S. 15-16. URL: <http://oops.uni-oldenburg.de/874/1/Bachelorarbeit.pdf> (дата обращения: 15.07.2014)

³⁹⁸ Цит. по: Ibid. S. 16.

³⁹⁹ Welzer Harald. Das kommunikative Gedächtnis. Eine Theorie der Erinnerung. – München: C.H. Beck Verlag, 2002. – S. 179-180.

⁴⁰⁰ Balkenohl Stephan. Die Kontroverse um die Ausstellung “Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944” in Münster. Eine qualitative Auswertung der Reaktionen. – Münster: Lit Verlag, 2000. – S. 31.

⁴⁰¹ Heer Hannes. Bittere Pflicht. Der Rassenkrieg der Wehrmacht und seine Voraussetzungen // Die Wehrmacht im Rassenkrieg. Der Vernichtungskrieg hinter der Front / Manoschek Walter (Hrsg.). – Wien: Picus, 1996. – S. 119.

⁴⁰² Цит. по: Manoschek Walter. “Ich habe es immer geahnt...“. Erinnerungspolitische Reflexionen über das Bild der Wehrmacht und die Ausstellung “Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944“ in Österreich // Irritationen. Die Wehrmachtsausstellung in Linz / Kepplinger Brigitte, Kannonier Reinhard (Hrsg.). – Grünbach: Steinmassl, 1997. – S. 84.

бесчеловечны»⁴⁰³. Характерным для этих и других высказываний было то, что в них отчетливо проявлялась «перспектива жертвы» и игнорировался факт вовлеченности в преступные планы нацистов.

Однако подобных позиций придерживались далеко не все, и среди немецких ветеранов имели место иные, противоположные реакции. Многие из бывших солдат подтверждали факты преступлений и положительно оценивали выставку. Так, один из ветеранов писал: «Я благодарен за эту потрясающую выставку. Я участвовал во многом, многое видел и пережил. Все показанное соответствует истине»⁴⁰⁴. «Я участвовал в военных действиях на Украине и более-менее знаю, что там происходило. Нельзя вести себя так, будто мы были только “героическими” солдатами”», - писал другой ветеран⁴⁰⁵. «Я был простым солдатом Вермахта с 1941 г. до конца войны в России, Италии, Франции и Германии, и совершенно не чувствую свою честь ущемленной, если сейчас, наконец, предпринимается попытка [...] проанализировать роль Вермахта в войне [...]. Утверждение, что преступления совершались СС, тогда как Вермахт всегда оставался благородным и чистым, к сожалению, не соответствует действительности»⁴⁰⁶, - резюмировал один из ветеранов. «Какой позор мы, бывшие солдаты Вермахта, навлекли на себя. Меня переполняет стыд», - писал еще один ветеран⁴⁰⁷. Другой бывший солдат Вермахта высказался следующим образом: «Я приветствую выставку [...], даже если некоторые “бывшие” и некоторые “националисты” считают, что она нанесет вред репутации Вермахта»⁴⁰⁸.

Важным медиумом мнения ветеранов, посетивших выставку, также стали письма в федеральные и региональные немецкие газеты. Один из посетителей выставки Ганс-Фридрих Шефер писал в письме газете «Райн-Майн-Цайтунг»:

⁴⁰³ Ibid. S. 85.

⁴⁰⁴ Цит. по: Heer Hannes. Tote Zonen. Die deutsche Wehrmacht an der Ostfront. – Hamburg: Hamburger Edition, 1999. – S. 199.

⁴⁰⁵ Ibid. S. 67.

⁴⁰⁶ Gerwin Robert. Nicht in der Ehre verletzt // Süddeutsche Zeitung, 26.02.1997.

⁴⁰⁷ Heer Hannes. Tote Zonen. Die deutsche Wehrmacht an der Ostfront. – Hamburg: Hamburger Edition, 1999. – S. 201.

⁴⁰⁸ Ibid.

«Как свидетель этого чудовищного военного времени я ни в коей мере не хочу подвергать сомнению показанные на выставке фотодокументы [...] Геноцид евреев и цыган остается самым ужасным преступлением этого столетия, и оно было совершено немцами»⁴⁰⁹. Известный мюнхенский актер Рольф Бойзен писал в письме «Абендцйтунг»: «Я прошел всю войну от первого до последнего дня. Я лично видел преступления Вермахта против гражданского населения, и это всегда были боевые, а не тыловые части»⁴¹⁰. Ахим фон Боррис писал в «Зюддойче цайтунг»: «Выставка “Война на уничтожение – преступления Вермахта 1941-1944” служит просвещению о преступлениях, совершенных в том числе и значительной частью Вермахта в ходе Второй мировой войны. Она показывает то, что было уже давно доказано и задокументировано, однако до сегодняшнего дня по-настоящему не воспринималось и не принималось, - тот факт, что речь шла не просто об эпизодической, единичной, а о тотальной ответственности за геноцид и другие преступления»⁴¹¹. В письме газете «Франкфуртер рундшау» Дитер Кляйпштитс писал: «Вермахт был захватнической армией, которая нападала на другие народы, учиняла грабежи, повергала людей в нужду и горе, грабила и убивала, и была ответственна за более чем 50 миллионов убитых». «Захватнические армии не заявляют о своей чести, - резюмировал Кляйпштитс. – С этим позором должны жить даже бывшие солдаты Вермахта. Всегда – даже если это причиняет боль»⁴¹².

Таким образом, определенная часть немецких ветеранов отнюдь не считала себя «жертвами войны Гитлера», а была готова признать личную вину и ответственность за участие в ней. Приведенные высказывания свидетельствуют, что о негласном немецком консенсусе о «чистом Вермахте» отныне не могло идти речи. В связи с этим куратор выставки Х. Хеер отмечал,

⁴⁰⁹ Цит. по: Klotz J. Die Rezeption der Ausstellung “Vernichtungskrieg” in Leserbriefen // Der Krieg in der Nachkriegszeit. Der Zweite Weltkrieg in Politik und Gesellschaft der Bundesrepublik / Greven Michael, Wrochem Oliver von (Hrsg.). – Opladen: Leske und Budrich Verlag, 2000. – S. 310.

⁴¹⁰ Ibid. S. 312.

⁴¹¹ Ibid. S. 310.

⁴¹² Ibid. S. 313.

что после войны солдаты, хранившие память о преступлениях и желавшие о них рассказать, находились в изолированном положении в силу нескольких социально-психологических факторов. Бывшие солдаты были связаны узами лояльности по отношению к армии, к своим бывшим товарищам, взявшимся за восстановление Германии, и в результате вынуждены были следовать общенемецкой стратегии замалчивания и забвения прошлого⁴¹³. В свете данных обстоятельств выставка, по сути, дала бывшим солдатам возможность впервые за все послевоенное время артикулировать свои воспоминания о произошедшем⁴¹⁴. По словам Я.Ф. Реемтсма, «спустя 50 лет потребность в коммуникативной проработке возобладала над “коммуникативным замалчиванием”»⁴¹⁵.

Также представляется важным то, что готовности бывших солдат рассказать и признать правду о прошлом в значительной мере способствовали смена поколений в ФРГ и сопровождавший ее рост критической рефлексии прошлого с 1960-х гг. По этой причине следует подробнее остановиться на реакциях поколения детей и внуков ветеранов Вермахта.

Важно отметить, что в послевоенной Германии диалог поколений был крайне сложным и проблематичным процессом. Как правило, дети не имели представления о том, что совершали их отцы на войне, поэтому для многих представителей поколения детей и внуков ветеранов выставка «Преступления Вермахта» была напрямую связана с вопросом, принимали ли именно их отцы участие в истребительной войне на Восточном фронте⁴¹⁶. Данный вопрос породил глубокую неуверенность, и раскрытие пугающих фактов стало для многих шоком. Против поколения отцов стали звучать упреки, которые были задокументированы в гостевых книгах экспозиции. К примеру, один из

⁴¹³ Heer Hannes. Tote Zonen. Die deutsche Wehrmacht an der Ostfront. – Hamburg: Hamburger Edition, 1999. – S. 291.

⁴¹⁴ Manoschek Walter. Op. cit. S. 87.

⁴¹⁵ Reemtsma Jan Philipp. Was man plant, und was daraus wird. Gedanken über ein prognostisches Versagen // Der Krieg in der Nachkriegszeit. Der Zweite Weltkrieg in Politik und Gesellschaft der Bundesrepublik / Greven Michael, Wrochem Oliver von (Hrsg.). – Opladen: Leske und Budrich Verlag, 2000. – S. 281.

⁴¹⁶ Heer Hannes. Tote Zonen. Die deutsche Wehrmacht an der Ostfront. – Hamburg: Hamburger Edition, 1999. – S. 203.

посетителей писал: «Мой отец лгал мне, говоря, что фотографии выставки являются фотомонтажом и пропагандой русских»⁴¹⁷. «Нас держали в неведении об истинном лице Вермахта. Я чувствую себя обманутым всеми, кто меня воспитывал», - звучал комментарий другого посетителя⁴¹⁸. Похожими по содержанию были результаты опроса во Франкфурте-на-Майне: большинство посетителей выставки из поколения детей и внуков выразили скорбь, растерянность и стыд. Так, одна из опрошенных говорила: «Наступил 1945 г. – и потом все скрывали [...]. И вопросы не получали ответа. Отцы были “героями”»⁴¹⁹. Посетитель выставки в Марбурге говорил: «Выставка разрушила мое мнение о том, что “армия этого не совершала”»⁴²⁰. «Для нас, детей, существовало разделение: с одной стороны, СС, которая совершала все чудовищные преступления, и, с другой стороны, Вермахт, который вел войну в соответствии с солдатским кодексом чести», - пояснял один из опрошенных⁴²¹. 31-летний посетитель выставки писал в гостевой книге: «Я хотел бы поблагодарить за выставку и выразить надежду, что она, наконец, положит начало разговору и дискуссии, которые уже давно следовало начать»⁴²². 26-летний посетитель экспозиции в Мюнстере писал: «Выставка, наконец, спустя 50 лет демонстрирует страшные факты, на которые не следовало просто налагать табу»⁴²³. Обобщая, можно утверждать, что на поколение детей и внуков немецких ветеранов экспозиция оказала эффект глубокого потрясения и усилила и без того характерное для данной возрастной когорты критическое восприятие немецкого прошлого.

⁴¹⁷ Цит. по: Quindeau Ilka. Erinnerung und Abwehr. Widersprüchliche Befunde zur Rezeption der Ausstellung “Vernichtungskrieg” // Der Krieg in der Nachkriegszeit. Der Zweite Weltkrieg in Politik und Gesellschaft der Bundesrepublik / Greven Michael, Wrochem Oliver von (Hrsg.). – Opladen: Leske und Budrich Verlag, 2000. – S. 295.

⁴¹⁸ Ibid.

⁴¹⁹ Цит. по: Heer Hannes. Vom Verschwinden der Täter. Der Vernichtungskrieg fand statt, aber keiner war dabei. – Berlin: Aufbau Verlag, 2004. – S. 235.

⁴²⁰ Ibid. S. 236.

⁴²¹ Ibid. S. 240.

⁴²² Цит. по: Heer Hannes. Tote Zonen. Die deutsche Wehrmacht an der Ostfront. – Hamburg: Hamburger Edition, 1999. – S. 205.

⁴²³ Ibid.

В ноябре 1999 г. произошло важное для выставки событие: польскому историку Богдану Музиалу и его венгерскому коллеге Кристиану Унгвари удалось с большой степенью достоверности доказать, что на некоторых экспонированных фотографиях были запечатлены не преступления Вермахта, а карательные акции НКВД⁴²⁴. После судебного разбирательства с Музиалом руководство выставки было вынуждено переработать ее содержание и изменить ряд сопровождающих текстов. 4 ноября 1999 г. выставка была временно закрыта. 15 ноября 2000 г. специальная комиссия из профессиональных историков, занимавшаяся проверкой экспонатов (в первую очередь, фотографий), обнародовала отчет, в котором отмечалось, что из 1433 фотографий выставки лишь около 20 относились не к преступлениям Вермахта, а к карательным акциям НКВД, а также финских и венгерских частей, воевавших на стороне нацистской Германии. Результаты анализа свидетельствовали о том, что выставка была в целом объективной и не содержала преднамеренных фальсификаций⁴²⁵. Вывод комиссии гласил: «Не подлежит сомнению, что Вермахт не только был “втянут” в геноцид евреев, преступления против советских военнопленных и нападения на гражданское население, но и играл отчасти ключевую, отчасти вспомогательную роль в преступлениях. При этом речь шла не об отдельных “злоупотреблениях” или “эксцессах”, а о действиях, которые основывались на решениях верховного главнокомандования и командиров на фронте и в тылу»⁴²⁶. Исходя из сделанных выводов, комиссия рекомендовала исправить выявленные методологические и фактологические ошибки выставки, не меняя ее основного содержания.

⁴²⁴ Musial Bogdan. Bilder einer Ausstellung. Kritische Anmerkungen zur Wanderausstellung “Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944“ // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. Jg. 47. – München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1999. – S. 563.

⁴²⁵ Kommissionsbericht zur Überprüfung der Ausstellung Bericht der Kommission zur Überprüfung der Ausstellung “Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944“. – S. 85. URL: <http://www.his-online.de/index.php?eID=trackdown&uid=438&cHash=f6a8ded505a5a24cf1dc092d8788a860>

⁴²⁶ Ibid. S. 91-92.

28 ноября 2001 г., спустя два года после вынужденной приостановки, выставка открылась в обновленном, переработанном варианте под названием «Преступления Вермахта: Масштабы войны на уничтожение 1941-1944».

Если первая экспозиция ограничивалась всего тремя тематическими блоками, вторая версия была расширена до шести обширных тем: Холокост, массовая гибель советских военнопленных, организация голода на оккупированных территориях, принудительный труд в Германии, война против партизан, а также репрессалии и расстрелы заложников⁴²⁷. В концепции выставки также произошли определенные изменения: акцент сместился с фотодокументов на письменные источники. Учитывая обоснованную критику Музиала и других историков, авторы выставки отказались от использования фотографий без информации об изображенных на них людях, местах и времени создания снимка. Фокус выставки сместился с конкретных преступников на места, хронологию, обстоятельства и детали событий. В отличие от первой выставки, вторая полностью отказалась от какой-либо драматизации, а также от «всеобщего осуждения» ветеранов Вермахта, и сконцентрировалась на объективной аргументации с помощью широкого перечня письменных источников.

До конца марта 2004 г. выставка была показана в одиннадцати городах Германии, а также в Люксембурге и Вене. С 31 марта 2004 г. по настоящее время выставка «Преступления Вермахта» является постоянной экспозицией в Немецком историческом музее в Берлине. Несмотря на то, что второй вариант выставки освещался в немецких СМИ не так интенсивно, как предшествующий в 1995-1999 гг., в Берлине, Билефельде, Вене и Лейпциге выставка собрала порядка 180 тысяч посетителей. Примечательно, что некоторые из критиков ранней версии изменили свое мнение на диаметрально противоположное. К примеру, лидер мюнхенской ХДС Петер Гаувайлер, в прошлом один из самых ожесточенных противников экспозиции, писал, что «каждый немец должен

⁴²⁷ Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941-1944. Ausstellungskatalog. – Hamburg: Hamburger Institut für Sozialforschung, 2002. – S. 9.

ознакомиться с выставкой. Нельзя [...] отводить глаза от того, что совершил Вермахт»⁴²⁸. Канцлер Германии Герхард Шредер, который первоначально отнесся к выставке критически, отправил министра культуры ФРГ Юлиана Ниду-Рюмелина на ее открытие в Берлине. В свою очередь, министр обороны ФРГ Рудольф Шарпинг, ранее запрещающий ветеранам Вермахта вступать с организаторами выставки в какое-либо официальное сотрудничество, позволил немецким военнослужащим посещать выставку в униформе⁴²⁹. Директор Института новейшей истории Хорст Мёллер, ранее настроенный к выставке крайне негативно, подчеркивал, что новая выставка «приняла во внимание критику в свой адрес» и стала «академически серьезной»⁴³⁰, а директор Исследовательского центра военной истории в Потсдаме Рольф-Дитер Мюллер лично обратился к правительству Германии с просьбой сделать новую версию постоянной экспозицией⁴³¹.

В 1999 г. дискуссию о выставке попытался резюмировать немецкий историк и журналист Ульрих Раульф. 1 сентября 1999 г. во «Франкфуртер альгемайне цайтунг» Раульф писал: «Всего несколько лет назад военные историки уделяли незначительное внимание расовой политике гитлеровского режима. Сегодня они понимают, что Холокост был запланирован и осуществлен в тени войны. Война сделала Холокост возможным, и поскольку военные действия в основном были прерогативой Вермахта, возникли вопросы о его поведении в отношении международного военного права [...]. Неважно, шла ли речь о том, чтобы нарушить “последнее табу” немецкой истории, или нет: спор о соучастии Вермахта в преступной политике режима, который вызвала выставка “Преступления Вермахта”, повлиял на то, что образ Второй

⁴²⁸ Цит. по: Jung Christian. Wer zieht den Schlussstrich? Eine empirische Analyse der Besucherbefragung in der Ausstellung “Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941-1944. – München: Grin Verlag, 2003. – S. 20.

⁴²⁹ Heer Hannes. The Head of Medusa: The Controversy Surrounding the Exhibition “War of Annihilation: Crimes of the Wehrmacht, 1941 to 1944” // The Discursive Construction of History. Remembering the Wehrmacht’s War of Annihilation / Heer Hannes, Manoschek Waler, Pollak Alexander, Wodak Ruth (Hrsg.). – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. – S. 234.

⁴³⁰ Ibid. S. 248.

⁴³¹ Ibid.

мировой войны в 1990-е гг. изменился [...]. После путешествия по 34 городам и числа посетителей, которое близко к миллиону, выставка стала самой успешной экспозицией в истории ФРГ. Как таковая, она создала факты сознания»⁴³².

Несмотря на то, что выставка спровоцировала в политической среде федерального и регионального уровня ФРГ ряд громких скандалов, большинство немецких политиков все же восприняло выставку позитивно. В то время как христианские демократы в Мюнхене не смогли прийти к согласию по поводу выставки, ландтаг Нижней Саксонии, к примеру, единодушно признал ее высокое значение и приветствовал ее показ как важный вклад в просвещение о немецком прошлом⁴³³.

Правомерно задать вопрос, чем объясняется в целом позитивная рецепция второй версии выставки в немецком обществе? Была ли причиной тому лишь форма презентации материала, или же речь может идти о глубоком влиянии первой экспозиции на немецкую культуру памяти, облегчившем восприятие второй экспозиции? Представляется, что эффект выставки в значительной степени был обусловлен самой визуализацией тезиса о каузальной взаимосвязи между Вермахтом и Холокостом, и сопутствовавшей выставке политической поляризацией. Однако в то же время данные аспекты нельзя считать определяющими и объяснять с их помощью масштаб общественного внимания.

Для ответа на поставленные вопросы следует еще раз вспомнить об историческом периоде появления выставки и об условиях ее общественной рецепции в 1990-е гг. Она стала частью исторических дискуссий, поставивших под сомнение традиционную картину новейшей немецкой истории и сфокусировавших внимание немцев на сопряженности Холокоста и военной экономики Германии, которые ранее, во-первых, воспринимались как некогерентные категории и, во-вторых, были предметом дискуссий почти

⁴³² Raulff Ulrich. Schock-Wellen // FAZ, 01.09.1999.

⁴³³ Greiner Bernd. Op. cit. S. 47.

исключительно профессионального научного сообщества⁴³⁴. Исторический период 1990-х гг. хронологически совпал со сменой поколений в немецком обществе, которая сопровождалась переходом от «коммуникативной памяти» к «культурной памяти»⁴³⁵. С этим переходом был связан вопрос о том, как новые поколения будут относиться к немецкому прошлому, будет ли для них актуальным чувство ответственности за трагические события прошлого. Эти факторы в значительной степени и предопределили высокую степень эмоциональности, которую вызвала выставка.

Можно утверждать, что центральный тезис выставки, породив жесткие споры в период показа ее первой версии, постепенно сумел утвердиться в немецком обществе. Общественная дискуссия, которая велась во всех видах СМИ, превзошла по своему эффекту возможности конвенциональной исторической науки в ее просветительской функции, и в то же время оказала эффект на нее саму, расширив перспективы исследовательской работы. В этом отношении выставка дала импульс для многих значительных исследований, выпущенных Институтом современной истории в Мюнхене, считающимся одним из главных научных центров Германии по изучению нацистского прошлого⁴³⁶.

Как было показано, интенсивная общественная дискуссия о выставке охватила все немецкое общество, она сразу же оказалась в фокусе внимания политических элит, мнения которых глубоко поляризовались. Если консервативно настроенные представители ХДС усмотрели в выставке «оскорбление» чести бывших солдат, то члены левых партий и движений были склонны видеть в экспозиции шанс на историческое просвещение и критическую проработку мифологизированного немецкого прошлого.

⁴³⁴ Thamer Hans-Ulrich. Vom Tabubruch zur Historisierung? Die Auseinandersetzung um die "Wehrmachtsausstellung" // Zeitgeschichte als Streitgeschichte: Grosse Kontroversen seit 1945/ Sabrow Martin, Jessen Ralph, Kracht Klaus G. (Hrsg.). – München: Beck, 2003. – S. 178.

⁴³⁵ Ibid.

⁴³⁶ См., напр., Hartmann Christian. Wehrmacht im Ostkrieg. Front und militärisches Hinterland 1941/42. – München: Oldenbourg, 2009. – 936 S.; Hürter Johannes. Hitlers Heerführer. Die deutschen Oberbefehlshaber im Krieg gegen die Sowjetunion 1941/42. – München: Oldenbourg, 2006. – 727 S.; Römer Felix. Der Kommissarbefehl: Wehrmacht und NS- Verbrechen an der Ostfront 1941/42. – Paderborn: Schöningh, 2008. – 666 S.

Благодаря выставке «Преступления Вермахта» широкая общественность Германии изменила привычное представление о немецкой армии и ее роли во Второй мировой войне, отказавшись, хотя и крайне болезненно, от мифа о «чистом Вермахте». Если широкое признание фактов соучастия Вермахта в преступлениях нацизма и не приобрело характера нового универсального общественного консенсуса, то, по меньшей мере, задало новые нормативно-этические конвенции в немецком общественном дискурсе. Глава Института социальных исследований Ян Филипп Реemtсма констатировал: «О Вермахте и военных преступлениях уже никто не может публично говорить так, как это было возможно до нашей первой выставки 1995 г.»⁴³⁷. Интересно отметить, что, помимо прочего, выставка оказала эффект на репрезентацию истории Второй мировой войны в школьном образовании: в учебниках истории впервые появились фотографии и документы, свидетельствующие о преступлениях Вермахта⁴³⁸.

Обобщая, можно сказать, что выставка о преступлениях Вермахта внесла фундаментальный вклад в немецкую проработку прошлого и способствовала углублению немецкой культуры памяти в новом историческом контексте объединенной Германии.

2.2.2. Дебаты о книге Д. Гольдхагена «Добровольные исполнители Гитлера»: реактуализация проблемы вины немцев за преступления нацизма

В 1996 г., параллельно с дебатами о выставке «Преступления Вермахта», в Германии разгорелась другая масштабная дискуссия о немецком прошлом. Поводом для нового диспута стал выход в свет книги американского политолога, профессора Гарвардского университета Д. Гольдхагена. Оригинальное американское издание книги «Добровольные исполнители

⁴³⁷ Цит. по: Soltau Heide. Von Marx bis Migrationsforschung // Deutsche Welle, 09.06.2009. URL: <http://www.dw.de/von-marx-bis-migrationsforschung/a-4314006> (дата обращения: 16.11.2014)

⁴³⁸ Steve Crawshaw. Op. cit. S. 169.

Гитлера: обычные немцы и Холокост»⁴³⁹, представлявшее собой расширенный вариант докторской диссертации Гольдхагена, появилось 8 апреля 1996 г. Презентация книги прошла в Американском Мемориальном Музее Холокоста в Вашингтоне при значительном освещении СМИ.

Прежде чем перейти к анализу «спора Гольдхагена, следует отметить, что критический разбор методологических и теоретических заблуждений Гольдхагена, на которые справедливо указывал целый ряд авторов⁴⁴⁰, выходит за рамки данного исследования. В соответствии с поставленными задачами, первоочередной интерес представляет содержательная реконструкция и анализ спровоцированной Гольдхагеном дискуссии и оценка ее последствий для немецкой проработки прошлого, немецкого исторического сознания и культуры памяти о нацизме. Чтобы вскрыть значение «Спора Гольдхагена» в названных аспектах, необходимо сконцентрироваться на разборе преобладавших дискурсивных позиций участников диспута и основных линий их аргументации. Отдельный аспект представляет реакция на книгу широких слоев немецкого общества, не принимавших непосредственного участия в дебатах, но являвшихся, несомненно, не менее важным реципиентом книги Гольдхагена, чем академическое сообщество и профессиональные историки. Прежде всего следует охарактеризовать главные тезисы книги Д. Гольдхагена.

В своей работе Гольдхаген задался целью дать ответ на следующие фундаментальные вопросы: как стал возможен Холокост, и что стало причиной бесчеловечных преступлений немцев против евреев? Исходный тезис Гольдхагена заключался в том, что Холокост был не только делом рук преступной клики нацистских вождей, но требовал для своего осуществления наличия широкой сети пособников и исполнителей. Отталкиваясь от этого

⁴³⁹ Goldhagen Daniel J. *Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust*. – New York: Alfred A. Knopf, 1996. – 619 p.

⁴⁴⁰ См., напр., Newman Leonard S. What Is a “Social-Psychological” Account of Perpetrator Behavior? The Person Versus the Situation in Goldhagen’s *Hitler’s Willing Executioners* // *Understanding Genocide. The Social Psychology of the Holocaust* / Newman Leonard S., Erber Ralph. (Eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2002. – p. 43-67; Schneider Michael. Die “Goldhagen-Debatte”: ein Historikerstreit in der Mediengesellschaft. URL: <http://www.fes.de/fulltext/historiker/00144.htm> (дата обращения: 12.09.2015)

положения, Гольдхаген ставил вопрос о мотивах, заставивших этих людей пойти на совершение преступлений. Конвенциональные историографические объяснения Холокоста – такие, как подчинение приказам, авторитету начальства, групповая порука – Гольдхаген расценивал как неудовлетворительные⁴⁴¹. Главной предпосылкой и мотивом Холокоста, согласно Гольдхагену, стала «готовность большинства обычных немцев в 1930-е гг. терпимо относиться, поддерживать и участвовать в жестоких преследованиях евреев»⁴⁴², что являлось ничем иным как проявлением элиминаторного (то есть направленного на полное уничтожение), антисемитизма. Базисом исторически традированного немцами антисемитизма являлся, по мнению ученого, специфический образ евреев и «еврейства». Гольдхаген утверждал, что немецкий антисемитизм уходит вглубь германской истории, возможность истребления всего еврейского народа обсуждалась в Германии уже в XVIII и XIX вв., а к началу XX в. антисемитские настроения достигли своей кульминации⁴⁴³. Однако концентрированные, координированные и планомерные действия против евреев в кайзеровской Германии были все еще невозможны: «Еще отсутствовали возможности для трансформации антисемитизма в программу физического нападения, и государственный строй не позволял антисемитизму стать базисом коллективного, общественного действия»⁴⁴⁴. Лишь с приходом к власти нацистов были созданы условия для геноцида. Первые шаги антиеврейской программы – систематическое исключение евреев из немецкой общественной и экономической жизни – были поддержаны большей частью немецкого общества. Представители всех его слоев и групп: католики и протестанты, юристы, врачи, учителя принимали участие в сегрегации евреев. При этом лишение евреев гражданских прав, бесчинства, депортации в концлагеря в своей совокупности не вызвали никакого значимого сопротивления со стороны

⁴⁴¹ Goldhagen Daniel J. Op. cit. p. 13.

⁴⁴² Ibid. p. 375.

⁴⁴³ Ibid. p. 419.

⁴⁴⁴ Ibid. p. 72.

немецких граждан. Более того: сегрегация евреев и их последующее массовое уничтожение нашли поддержку даже среди ожесточенных противников нацизма, поскольку они тоже разделяли антисемитские воззрения. «Удивительный феномен, состоявший в том, что самое большое преступление нацистского режима ни разу не вызвало возмущение тех, кто в остальном всегда ему противостоял, можно понять, исходя из [...] вездесущности антисемитизма в Германии [...]. Если позитивные или, по меньшей мере, нейтральные мнения о евреях нельзя было услышать от таких моральных инстанций, как христианские церкви и заклятые враги Гитлера, то где их, в таком случае, было искать? Культурно-когнитивная модель, сформированная в отношении евреев, определяла и восприятие нацистов, и их противников»⁴⁴⁵, - заключал Гольдхаген. Немецкий народ полностью принял нацистский образ евреев, огромное число рядовых немцев стали «добровольными исполнителями Гитлера». Нацистское движение завоевало политическую власть над обществом, которое было легко мобилизовать для уничтожения евреев. Таким образом, по словам Гольдхагена, Холокост стал, в сущности, «национальным проектом» немцев⁴⁴⁶.

Свои подчас радикальные обобщающие тезисы ученый стремился подкрепить не только абстрактными историческими реконструкциями, но и детальным описанием конкретных ситуаций. Главным объектом своего анализа историк сделал расстрельный полицейский батальон 101, причастный к убийству около 40 тысяч евреев во время войны. В других частях работы Гольдхаген анализировал поведенческую стратегию преступников в концлагерях и в ходе так называемых «маршей смерти» 1944-1945 гг. Основываясь на судебных актах послевоенных разбирательств против членов батальона 101, Гольдхаген показал, что эти люди совершали свои действия не под давлением начальства, а добровольно, и не с чувством стыда, а с

⁴⁴⁵ Ibid. p. 116.

⁴⁴⁶ Ibid. p. 497.

«гордостью и убежденностью в правильности совершаемого»⁴⁴⁷. Гольдхаген писал, что в противоположность формуле Ханны Арендт о «банальности зла», Холокост не был для преступников безэмоциональным процессом: убийства евреев были «исполненным ненависти, жестоким деянием», сопровождавшимся унижениями и издевательствами⁴⁴⁸. Из изученных Гольдхагеном данных также следовало, что члены батальона имели возможность отказаться от участия в расстрелах. Перед первой карательной акцией им было предложено отказаться от этого, однако лишь 10-12 человек из 500 членов батальона 101 воспользовались данной возможностью⁴⁴⁹. Для анализа Гольдхагена принципиально важен тот факт, что речь шла не об убежденных нацистах и членах партии – таковые, по данным ученого, составляли лишь треть членов батальона⁴⁵⁰. Большая же их часть была среднестатистическими немецкими гражданами, добровольно поступившими на службу в полицию, так как не могли попасть на фронт по возрастным ограничениям. Таким образом, речь шла о «совершенно обычных» «типичных» немцах. Поведение членов батальона демонстрировало, насколько сильны были антисемитские убеждения, продолжительное время господствовавшие в Германии, и насколько тонка была грань, отделявшая негативное отношение к евреям от бесчеловечных преступлений. Без содействия сотен тысяч немцев, принявших участие в геноциде, или так или иначе его поддерживавших, уничтожение евреев не было бы столь планомерным и систематическим, писал Гольдхаген. «Не экономические трудности, не система принуждения тоталитарного государства, не социально-психологическое давление [...], а представления о евреях, господствовавшие в Германии десятилетиями, заставили совершенно обычных немцев систематически и беспощадно убивать тысячи невооруженных, беззащитных еврейских мужчин, женщин и детей»⁴⁵¹, - резюмировал ученый.

⁴⁴⁷ Ibid. p. 225.

⁴⁴⁸ Ibid. p. 466.

⁴⁴⁹ Ibid. p. 213.

⁴⁵⁰ Ibid. p. 207.

⁴⁵¹ Ibid. p. 22.

Сразу же после своего появления книга американского историка вызвала огромный резонанс в немецких и мировых СМИ. Еще до публикации немецкого перевода немецкие журналисты начали дискуссию о книге Гольдхагена и вновь актуализированном им тезисе о коллективной вине немцев. По замечанию редактора газеты «Цайт» Фолькера Ульриха, дебаты о книге Гольдхагена в определенном смысле стали продолжением «спора историков» 1986-1987 гг., но еще более острым и радикальным, чем старая дискуссия⁴⁵².

Мнение относительно книги в немецком обществе полярно разделилось. В то время как профессиональные историки оценивали книгу сдержанно, подавляющее большинство обычных читателей восприняли книгу с энтузиазмом: первое немецкое издание книги Гольдхагена⁴⁵³, вышедшее 7 августа 1996 г. в количестве 80 тысяч экземпляров, было распродано за один месяц, и в начале октября 1996 г. были дополнительно напечатаны еще 100 тысяч экземпляров. В общей сложности до начала 1999 г. было продано 300 тысяч экземпляров книги, что было экстраординарным успехом для исторической монографии.

Как уже отмечалось, первоначальная реакция немецких историков и журналистов была преимущественно сдержанной, амбивалентной и скептической. Немецкие критики упрекнули Гольдхагена в грубом упрощении: он «абсолютизирует» коллективную вину немцев и «демонизирует» немецкую нацию. Многие историки и публицисты усомнились в методологических принципах работы ученого. Частым был упрек в намеренном желании привлечь к себе внимание СМИ⁴⁵⁴. Историк Норберт Фрай, на тот момент научный сотрудник мюнхенского Института новейшей истории, отмечал, что книга Гольдхагена «не содержит каких-либо действительно новых научных

⁴⁵² Цит. по: Mank Uta. Zwischen Trauma und Rechtfertigung. Wie sich ehemalige Soldaten an den Krieg erinnern. – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2011. – S. 150.

⁴⁵³ Goldhagen Daniel. Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. – Berlin: Siedler Verlag, 1996. – 728 S.

⁴⁵⁴ Mank Uta. Op. cit. S. 14.

результатов», и написана «в крайне детерминистском ключе»⁴⁵⁵. Вместе с тем Фрай вынужден был констатировать, что немецкая историография Холокоста действительно уделяла крайне мало внимания и игнорировала факт чрезвычайно высокой степени идентификации немцев с Гитлером и нацистским режимом⁴⁵⁶. Вслед за Фраем амбивалентно высказались о книге такие историки, как Эберхард Йеккель, Ульрих Херберт, Ганс-Ульрих Велер.

12 апреля в газете «Цайт» вышла статья Фолькера Ульриха, в которой автор отметил, что «жесткая дискуссия, которую книга вызвала в США, показывает, что она задевает за живое, и, несмотря на критические замечания, она достойна дискуссии»⁴⁵⁷. Журналист добавил, что «после празднования пятидесятилетия окончания войны некоторые немцы поддались искушению наконец избавиться от этой темы и беззаботно предаться новой “нормальности”». «От того, как будет принята немцами тревожная, пугающая книга Гольдханена, - продолжал Ульрих, - можно будет многое понять об историческом сознании этой республики»⁴⁵⁸.

13 апреля 1996 г. в газете «Тагесцайтунг» журналист Мариам Нируманд упрекнула Гольдхагена в предвзятости исторической интерпретации ввиду его еврейского происхождения⁴⁵⁹. Как и Фрай, Нируманд советовала воздержаться от общественной дискуссии о книге. Двумя днями позже о книге Гольдхагена высказал свое мнение главный редактор «Франкфуртер альгемайне цайтунг» Франк Ширрмахер. Журналист подверг Гольдхагена критике за то, что тот пытается возродить тезис о коллективной вине и представление об антисемитском менталитете немцев. Жесткие дебаты о книге в США и в Германии, по словам Ширрмахера, вызваны «не сложностью книги, а скорее радикальной простотой, с которой автор излагает свои тезисы»⁴⁶⁰. «В целом,

⁴⁵⁵ Frei Nobert. Ein Volk von “Endlösern”? // Süddeutsche Zeitung, 13.04.1996.

⁴⁵⁶ Ibid.

⁴⁵⁷ Ullrich Volker. Die Deutschen – Hitlers willige Mordgesellen // Die Zeit, 12.04.1996.

⁴⁵⁸ Ibid.

⁴⁵⁹ Niroumand Miriam. Little Historians // taz, 13.04.1996. Отец Гольдхагена, румынский еврей Эрих Гольдхаген прошел через нацистские концлагеря, потерял многих членов своей семьи и после войны эмигрировал в США.

⁴⁶⁰ Schirrmacher Frank. Hitlers Code // FAZ, 15.04.1996.

тезис о коллективной вине немцев является ядром этой книги, примечательно лишь то, что Гольдхаген его исторически и социологически радикализирует»⁴⁶¹ – писал Ширрмахер. В свою очередь, журналист Мальте Леминг отмечал в статье в газете «Тэгесшпигель», что тезисы книги Гольдхагена ошибочны, и книга «не достойна дискуссии»⁴⁶².

Позитивную оценку работа получила у историка и политолога, профессора Потсдамского университета Юлиуса Х. Шепса. Высказывая свое мнение 26 апреля 1996 г. в газете «Цайт», Шепс, в отличие от критиков Гольдхагена, подчеркнул необходимость общественной дискуссии о книге. Ученый критически отнесся к возмущению многих немецких интеллектуалов работой американского политолога. Шепс писал, что и до Гольдхагена публиковались работы, изучающие влияние традиционного антисемитизма на Холокост – примером могут быть служить исследования Алекса Бэйна, Гельмута Бердинга, Вернера Йохмана, Вольфганга Бенца, Леона Полякова. По мнению Шепса, негативная реакция немецкой публики вызвана непривычно радикальными, провокационными формулировками и вопросами Гольдхагена⁴⁶³.

30 апреля 1996 г. в газете «Франкфуртер рундшау» журналист Гертруд Кох одобрительно высказалась о книге Гольдхагена, согласившись с тезисом ученого о значимости антисемитизма немецкого населения для осуществления Холокоста. По словам Кох, в послевоенной Германии данная тема подверглась сознательному замалчиванию. По мнению журналистки, элиминаторный антисемитизм немцев был необходимым, однако не достаточным условием Холокоста, на чем настаивал Гольдхаген. На протяжении всей эпохи нацизма немцы имели возможность индивидуального выбора⁴⁶⁴.

В свою очередь, журналист Йост Нольте в своей статье в газете «Вельт» 16 апреля 1996 г. попытался представить немцев в роли жертв «культы вины».

⁴⁶¹ Ibid.

⁴⁶² Lehming Malte. Bekenntniszwang // Der Tagesspiegel, 15.04.1996.

⁴⁶³ Schoeps Julius H. Vom Rufmord zum Massenmord // Zeit, 26.04.1996.

⁴⁶⁴ Koch Gertrud. Eine Welt aus Willen und Vorstellung // Frankfurter Rundschau, 30.04.1996.

Нольте сравнил своих соотечественников с мифическим Сизифом, и заявил, что Освенцим становится у Гольдхагена «первородным грехом» немцев: «Спустя более полувека после смерти Гитлера и после поворота 1989-1990 гг. [...] казалось, что история освободила немцев от судьбы Сизифа. Гольдхаген приложил все усилия, чтобы вновь предать их проклятию»⁴⁶⁵, - сетовал Нольте.

8 мая 1996 г. Дэниел Гольдхаген отреагировал на дебаты в Германии открытым письмом к немецким книготорговцам, в котором попытался устранить недоразумения по поводу своей книги. Гольдхаген заявил, что не отстаивает идею о неизменном антисемитском менталитете немцев, тезис о немецкой коллективной вине, о неизбежности Холокоста в Третьем рейхе, и об антисемитизме как о единственной его причине⁴⁶⁶. Стоит сказать, что в предисловии к немецкому изданию своей работы Гольдхаген также указывал, что категорически отвергает тезис о коллективной вине немцев, и утверждает лишь, что «число совершивших преступные деяния немцев было огромным»⁴⁶⁷.

20 мая 1996 г. в газете «Шпигель» появляется статья Фритьофа Майера, в которой автор признает правильность утверждения Гольдхагена о радикально-расистском характере прошлого столетия, однако отвергает вердикт историка в отношении немецкого народа. По словам Майера, своим осуждением Гольдхаген вызывает ассоциацию с американцем Теодором Кауфманом, который летом 1941 г. в своей брошюре «Германия должна погибнуть» («Germany must perish») приписывал вину за нацизм всем немцам без исключения, что лишь сыграло нацистской пропаганде на руку и заставило Германию воевать дольше⁴⁶⁸.

В своем обзоре книги Гольдхагена 25 мая 1996 г. в газете «Цайт» историк Ганс-Ульрих Велер констатировал наличие «защитного консенсуса» в

⁴⁶⁵ Nolte Jost. Sisyphos ist Deutscher // Die Welt, 16.04.1996.

⁴⁶⁶ Goldhagen Daniel J. Offener Brief an den deutschen Buchhandel // Börsenblatt des Deutschen Buchhandels. Nr. 37. 08.05.1996. Цит. по: Kött Martin. Goldhagen in der Qualitätspresse. Eine Debatte über "Kollektivschuld" und "Nationalcharakter" der Deutschen. – Konstanz: UKV, 1999. – S. 136.

⁴⁶⁷ Goldhagen Daniel. Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. – Berlin: Siedler Verlag, 1996. – S. 11-12.

⁴⁶⁸ Meyer Fritjof. Ein Volk von Dämonen? // Der Spiegel, 20.06.1996.

немецкой прессе по отношению к работе американского ученого, при том, что работа действительно содержит в себе импульс новизны⁴⁶⁹. Книга Гольдхагена является стимулом к новому осмыслению чрезвычайно острых и до сих пор нерешенных проблем прошлого, что, мнению Велера, следует расценивать позитивно⁴⁷⁰. Положительно оценил Велер и вклад Гольдхагена в изучение социальной психологии преступников на примере полицейских батальонов, концлагерей и «маршей смерти», а также в исследование «повседневного антисемитизма» в Третьем рейхе. «Не прав ли Гольдхаген, что подобная жесткость, ставшая массовым феноменом среди представителей когда-то цивилизованного народа, до сих пор нуждается в объяснении?»⁴⁷¹, - риторически спрашивал Велер. Критически немецкий историк отнесся к методологии исследования Гольдхагена, увидев в ней «редукционизм» и стремление к «монокаузальному объяснению»⁴⁷².

Позитивно оценила работу Гольдхагена журналист Ингрид Гильхер-Хольтей 7 июня 1996 в газете «Цайт». По ее словам, Гольдхаген пытается объяснить не политические процессы, приведшие к Холокосту, а менталитет непосредственных участников и исполнителей геноцида. В этом заключается новаторский подход исследования Гольдхагена, и его тезисы заставляют обратиться к недостаточно изученным аспектам Холокоста, прежде всего, к ментальному. Гольдхаген, как и другие исследователи менталитета, пытается вычленить схемы коллективного мышления и восприятия из поведения индивидуумов и групп⁴⁷³.

В свою очередь, историк Ульрих Херберт усомнился в тезисе Гольдхагена о Холокосте как «национальном проекте» немцев, однако отметил, что Гольдхаген правильно поставил вопрос о «масштабе распространения

⁴⁶⁹ Wehler Hans-Ulrich. Wie ein Stachel im Fleisch // Zeit. 25.05.1996.

⁴⁷⁰ Ibid.

⁴⁷¹ Ibid.

⁴⁷² Ibid.

⁴⁷³ Gilcher-Holtey Ingrid. Die Mentalität der Täter // Zeit, 07.06.1996.

юдофобии среди немецкого населения и значении антисемитизма для старта и осуществления многомиллионного убийства»⁴⁷⁴.

В июле-августе 1996 г. дебаты о книге Гольдхагена в федеральной немецкой прессе продолжились в таких изданиях, как «Зюддойче цайтунг», «Франкфуртер рундшау», «Франкфуртер альгемайне цайтунг».

В статье в «Зюддойче цайтунг» 20 июля 1996 г. Ганс Моммзен отверг тезис Гольдхагена о специфическом немецком антисемитизме как единственном мотиве Холокоста и назвал подход Гольдхагена «произвольным и вводящим в заблуждение» и «намеренно провокационным»⁴⁷⁵. Моммзен охарактеризовал дебаты вокруг книги Гольдхагена как результат «удачной PR-акции», в рамках которой прошли общественные выступления автора в крупных городах Германии, и которые широко освещались в СМИ, прежде всего по телевидению⁴⁷⁶. Однако, в отличие от других критиков Гольдхагена, Моммзен был склонен видеть в дебатах определенный смысл, а именно возможность дискуссии о моральной ответственности немцев, живших при нацистской диктатуре. Моммзен

отмечал, что большей части населения не было непосредственно известно о масштабах уничтожения евреев, однако информации и определенных показателей было достаточно, чтобы составить приблизительную картину о нем⁴⁷⁷. Без широко распространенной индифферентности и нежелания попасть под общественное осуждение, утверждал Моммзен, масштабы преступлений были бы меньше: «Незнание об убийстве не освобождает от коллективной ответственности за допущение общественного беззакония, которое было предпосылкой к убийству»⁴⁷⁸, - резюмировал Моммзен.

Свое мнение о книге Гольдхагена высказали также Ян Филипп Реemtсма и Ханнес Хеер, авторы выставки «Преступления Вермахта». 24 июля 1996 г. в

⁴⁷⁴ Herbert Ulrich. Aus der Mitte der Gesellschaft // Zeit, 14.06.1996.

⁴⁷⁵ Mommsen Hans. Die Schuld der Gleichgültigen // Süddeutsche Zeitung, 20.07.1996.

⁴⁷⁶ Ibid.

⁴⁷⁷ Ibid.

⁴⁷⁸ Ibid.

«Зюддойче цайтунг» Реемтсма писал, что, несмотря на свой провокационный характер, книга Гольдхагена «необходима, так как она способствует дискуссии о немецком антисемитизме и его влиянии на поведение населения во время нацистской диктатуры»⁴⁷⁹. В свою очередь, Ханнес Хеер 4 сентября 1996 г. в «Тагесцайтунг» согласился с тезисом Гольдхагена о том, что между нацистским режимом и тогдашним немецким населением существовал консенсус. Ошибка Гольдхагена, по мнению Хеера, состоит в недостаточном внимании к другим факторам, повлиявшим на сознание немцев, к примеру, к пропаганде, внушавшей идею о «судьбоносной борьбе немецкого народа», а также к эмоциональному ожесточению из-за перманентного насилия, сопровождавшего войну⁴⁸⁰.

8 августа 1996 г. в свет вышло немецкое издание «Добровольных исполнителей Гитлера», что маркировало новый этап дебатов вокруг книги.

Пытаясь ответить на вопрос, почему немецкие интеллектуалы ополчились на американского историка, журналист Томас Ассхойер писал 8 августа 1996 г. во «Франкфуртер рундшау», что данная негативная установка обусловлена тенденцией к «вытеснению вины за преступления нацизма»⁴⁸¹.

Под новым углом зрения книгу Гольдхагена попытался оценить журналист Ульрих Раульф 16 августа 1996 г. во «Франкфуртер альгемайне цайтунг». По словам Раульфа, в своей работе Гольдхаген демонстрирует «эстетику ужаса», перспектива преступников становится благодаря его работе яснее, и в этом заключается ее важность⁴⁸².

Несмотря на амбивалентную оценку немецких историков и публицистов, книга Гольдхагена после появления на прилавках немецких магазинов в одночасье стала бестселлером⁴⁸³. После выхода немецкого издания Гольдхаген провел в Германии серию лекций, которые широко освещались немецкими СМИ, и на каждой из которых присутствовали около 5-6 тысяч человек.

⁴⁷⁹ Reemtsma Jan Philipp. Die Mörder waren unter uns // Süddeutsche Zeitung, 24.08.1996.

⁴⁸⁰ Heer Hannes. Die große Tautologie // taz, 04.09.1996.

⁴⁸¹ Assheuer Thomas. Wann begann der Sonderweg? // Frankfurter Rundschau, 08.08.1996.

⁴⁸² Raulff Ulrich. Herz der Finsternis // FAZ, 16.08.1996.

⁴⁸³ Kracht Klaus G. Op. cit. S. 157.

Английский историк, специалист по эпохе Третьего рейха Ян Кершоу так комментировал происходящее: «Чем больше немецкие историки пытались опровергнуть доводы Гольдхагена, тем меньше эффекта имела их критика для поколения послевоенных немцев»⁴⁸⁴.

О лекциях Гольдхагена в крупных городах Германии писал журналист Кристиан Землер 7 сентября 1996 г. в «Тагесцайтунг». Автор оценил труд историка и широкое внимание к нему со стороны СМИ позитивно, поскольку Гольдхаген пробудил интерес к вопросу, каким образом «совершенно нормальные люди» стали преступниками. Землер сообщал, что широкая немецкая публика, в отличие от профессиональных историков, восприняла работу Гольдхагена положительно⁴⁸⁵.

После завершения лекций Гольдхагена в Германии 10 сентября 1996 г. во «Франкфуртер рундшау» появляется статья Вольфрама Шютте, в которой автор позитивно оценивает как книгу, так и лекции ученого⁴⁸⁶.

Резюмировать спор вокруг Гольдхагена и его книги попытался Йозеф Йоффе 11 сентября 1996 г. в «Зюддойче цайтунг». Йоффе отмечал, что во время дискуссий Гольдхаген находил живой контакт со своими слушателями, критических реакций и выступлений на лекциях практически не наблюдалось⁴⁸⁷.

В целом, дебаты о книге Гольдхагена в немецких СМИ завершаются к концу октября 1996 г., не вызвав впоследствии громких протестов или критических откликов⁴⁸⁸. Если охарактеризовать характер и тон дебатов Гольдхагена в целом, то следует сказать, что среди подавляющего большинства критиков наблюдалось постепенное смещение от негативной оценки в сторону более дифференцированного и взвешенного анализа. Если в начале дебатов

⁴⁸⁴ Цит. по: Crawshaw Steve. Op. cit. S. 188.

⁴⁸⁵ Semler Christian. Provokateur auf Tour // taz, 07.09.1996.

⁴⁸⁶ Schütte Wolfram. Nach Goldhagen // Frankfurter Rundschau, 10.09.1996.

⁴⁸⁷ Joffe Joseph. Das Goldhagen-Phänomen // Süddeutsche Zeitung, 11.09.1996.

⁴⁸⁸ Исключением стала статья лидера мюнхенских христианских демократов Петера Гаувайлера в газете «Байернкюрер» от 12 октября 1996 г., в которой Гаувайлер в личной форме напал на Гольдхагена. См. Gauweiler Peter. Gauweiler Peter. Die Sache mit Goldhagen – Ein deutsches Phänomen // Bayernkurier, 12.10.1996.

труд Гольдхагена многими рассматривался как провокационный и не лишенный серьезных ошибок, то для поздней рецепции в целом характерно признание в книге «необходимого вызова»⁴⁸⁹ и «ценной провокации»⁴⁹⁰.

В 1997 г. историк, профессор института Фридриха Мейнеке в Берлине Вольфганг Випперман попытался сформулировать резюме дебатов о книге Гольдхагена. Випперман писал, что «несмотря на методологические недостатки, работа Гольдхагена достойна позитивной оценки»⁴⁹¹. «“Спор Гольдхагена”, начавшийся ровно через десять лет после “спора историков” [...] показывает, что борьба за культурную гегемонию современности через проработку прошлого продолжается [...], - отмечал Випперман, - Гольдхаген написал важную книгу в правильное время»⁴⁹². По мнению историка, книга «Добровольные исполнители Гитлера» достойна высокой оценки, во-первых, потому, что ей удалось опровергнуть тривиализирующие сравнения Третьего рейха с другими режимами, особенно с ГДР. Во-вторых, в своем анализе Гольдхаген не прибегнул к нарративу о «трагическом срединном положении Германии». В третьих, Гольдхаген не оставил никаких сомнений в том, что Германия несет исключительную ответственность за развязывание глобального конфликта, который обернулся беспрецедентной «расовой войной на уничтожение». В-четвертых, Гольдхаген нанес удар по попыткам «новых правых» релятивизировать преступления Третьего рейха ссылками на его якобы “положительные стороны”»⁴⁹³.

В 1997 г. канадский историк Рут Беттина Бирн попыталась дезавуировать тезисы книги Гольдхагена, обвинив историка в методологических ошибках и искажении фактов. В статье, опубликованной в «Кембриджском историческом журнале» в 1997 г., Бирн упрекнула Гольдхагена в неверном цитировании

⁴⁸⁹ Kött Martin. Op. cit. S. 110.

⁴⁹⁰ Rusinek Bernd-A. Die Kritiker-Falle. Wie man in Verdacht geraten kann. Goldhagen und der Funktionalismus // Geschichtswissenschaft und Öffentlichkeit. Der Streit um Daniel J. Goldhagen / Heil Johannes, Erb Rainer (Hrsg.). – Frankfurt/Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 1998. – S. 130.

⁴⁹¹ Wippermann Wolfgang. Wessen Schuld? Vom Historikerstreit zur Goldhagen-Kontroverse. – Berlin: Elefantpress, 1997. – S. 116.

⁴⁹² Ibid.

⁴⁹³ Ibid. S. 115.

источников и в селективном использовании исторических материалов. «Используя методы Гольдхагена в отношении доказательного материала, [...] можно легко найти цитаты, которые доказывают полную противоположность того, что он утверждает»⁴⁹⁴, - писала Бирн. По словам историка, Гольдхаген «использует отдельные места и непропорционально их раздувает [...], использует материал в качестве доказательства для своей изначальной теории»⁴⁹⁵. Однако мнение Бирн стало позицией меньшинства и нашло слабую поддержку среди других историков. В частности, даже во многом критически настроенный Ганс Моммзен охарактеризовал критику Бирн как «чрезмерно острую»⁴⁹⁶. «В своем стремлении опровергнуть различное отношение в Третьем рейхе к евреям и не-евреям Бирн рискует впасть в апологетическую перспективу»⁴⁹⁷, - отмечал немецкий ученый.

Стоит сказать, что определенная «ненаучность» метода и стиля Гольдхагена некоторыми расценивались и до сих расцениваются не как слабость, а, напротив, как преимущество его книги. К примеру, историк Герхард Шайт писал: «Именно то, за что Гольдхагена почти единодушно и особенно остро критикуют, является его самой лучшей стороной: попытка монокаузального объяснения, спекулятивный стиль вопросов, который действительно находится на грани научности»⁴⁹⁸.

Важно отметить, что колоссальный читательский интерес к книге (около 300 тысяч проданных экземпляров в Германии до 1999 г.) способствовал актуализации интереса к нацистскому прошлому далеко за пределами сообщества профессиональных историков. Пытаясь объяснить позитивную рецепцию книги Гольдхагена широкими слоями немецкого общества,

⁴⁹⁴ Цит. по: Finkelstein Norman G. The Holocaust Industry: Reflections on the Exploitation of Jewish Suffering. – London: Verso, 2003. – p. 65.

⁴⁹⁵ Ibid.

⁴⁹⁶ Mommsen Hans. Einleitung // Finkelstein Norman G., Birm Ruth Bettina: Eine Nation auf dem Prüfstand. Die Goldhagen-These und die historische Wahrheit. – Hildesheim: Claassen, 1998. – S. 17.

⁴⁹⁷ Ibid.

⁴⁹⁸ Scheit Gerhard. Germans down, Germans up. Daniel J. Goldhagen und die Erben der willigen Vollstrecker Hitlers // Wir kneten ein KZ. Aufsätze über Deutschlands Standortvorteil bei der Bewältigung der Vergangenheit / Schneider Wolfgang (Hrsg.). – Hamburg: Konkret, 2000. – S. 140.

исследователь немецкой культуры памяти А. Ассман отмечает, что данный эффект был обусловлен не в последнюю очередь тем, что немецкая аудитория Гольдхагена, состоящая в основном из поколения детей и внуков социализировавшихся при нацизме немцев, получила своеобразное коллективное оправдание: элиминаторный антисемитизм действительно был глубоко укоренен в немецкой культуре, но после 1945 г. он был преодолен. Немецкий народ бесповоротно дистанцировался от антисемитизма и обратился к идеям гуманизма и демократии. Таким образом, по словам А. Ассман, книга Гольдхагена в определенном смысле создавала «эффект катарсиса»⁴⁹⁹.

В то же время, наряду со своим популяризаторским импульсом, книга представляла и научный интерес, и дала исследователям стимул для постановки новых вопросов в изучении ранее незатронутых аспектов Третьего рейха, в частности, немецкого и – шире – европейского антисемитского менталитета⁵⁰⁰. По сути, книга Гольдхагена – так же, как и выставка «Преступления Вермахта» – побуждала взглянуть на преступления нацизма не отстраненно, а под личным углом зрения, переместить перспективу с безличных, анонимных структур нацистского государства на индивидуальную биографию и экзистенциальные решения рядовых немцев, ставших преступниками. Отмечая данный аспект, журналист Йозеф Йоффе писал: «Книга должна стать обязательной для чтения. К примеру, кому известно, что такие легендарные антинацистские теологи, как пастор Нимёллер или Карл Барт произносили антисемитские проповеди? [...] После этой спорной не только в Германии книги будет не так легко дистанцироваться от беспрецедентных преступлений “во имя Германии” и

⁴⁹⁹ Assmann Aleida, Frevert Ute. Op. cit. S. 289.

⁵⁰⁰ См., напр., Gerlach Christian. Krieg, Ernährung, Völkermord: Deutsche Vernichtungspolitik im Zweiten Weltkrieg. – Hamburg: Hamburger Edition, 1998. – 308 S.; Steinbacher Sybille. “Musterstadt” Auschwitz: Germanisierungspolitik und Judenmord in Ostoberschlesien. – München: Saur, 2000. – 419 S.; Pohl Dieter. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941-1944: Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens. – München: Oldenbourg, 1996. – 455 S.; Kaiser Wolf. Täter im Vernichtungskrieg: Der Überfall auf die Sowjetunion und der Völkermord an den Juden. – Berlin, München: Propyläen, 2002. – 224 S.; Sandkühler Thomas. Die Täter des Holocaust. Neuere Überlegungen und Kontroversen // Wehrmacht und Vernichtungspolitik: Militär im nationalsozialistischen System / Pohl Karl Heinrich (Hrsg.). – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1999. – S. 39–66.

сохранить грань между нацистами и “обычными немцами”⁵⁰¹. Крупный американский политолог Андрей Марковиц также отмечал научную важность работы Гольдхагена: «Книга Гольдхагена нова в своем богатстве интерпретаций и материала, в прямоте своей речи. Прежде всего, она закрывает досадный пробел в немецкой историографии, которая знает довольно много о “преступниках письменного стола” (“Schreibtischverbrecher”), но пугающе мало – об исполнителях Холокоста»⁵⁰².

Поставив акцент на социально-психологическом анализе исполнителей Холокоста, Гольдхаген выступил как оппонент доминировавшему в немецкой историографии того периода структуралистскому подходу в объяснении причин и реализации Холокоста, центрированному на изучении общественных структур и в целом индифферентному к перспективе жертв геноцида. В то же время Гольдхаген выступил как критик интенционалистского подхода, сводящего всю подоплеку Холокоста лишь к так называемому «приказу Фюрера» («Führerbefehl»). По словам Фолькера Ульриха, работа Гольдхагена действительно изменила взгляд историков на эпоху нацизма, так как вопрос об участии «обычных немцев» в Холокосте был поставлен в ней так остро, как ни в одной другой книге⁵⁰³. По словам историка Айке Гайзеля, книга Гольдхагена сумела доказать, что «массовые преступления нацизма были не только преступлением по отношению к массам, но и преступлениями масс», и что «воля к уничтожению создавала консенсус между толпой и элитой»⁵⁰⁴.

В свою очередь, журналист газеты «Цайт» Роберт Ляйхт отмечал, что книга Гольдхагена «в первую очередь не историческая, а моралистическая – не экспертное заключение, а приговор». «Моральные приговоры могут быть

⁵⁰¹ Joffe Josef. “Die Killer waren normale Deutsche, also waren die normalen Deutschen Killer” // Ein Volk von Mördern? Die Dokumentation zur Goldhagen-Kontroverse um die Rolle der Deutschen im Holocaust / Schoeps Julius H. (Hrsg.). – Hamburg, 1996. – S. 162.

⁵⁰² Markovits Andrei S. Störfall im Endlager der Geschichte // Ein Volk von Mördern? Die Dokumentation zur Goldhagen-Kontroverse um die Rolle der Deutschen im Holocaust / Schoeps Julius H. (Hrsg.). – Hamburg: Hoffman und Campe, 1996. – S. 667.

⁵⁰³ Ullrich Volker. Vertraute Töne // Zeit, 14.06.1996.

⁵⁰⁴ Geisel Eike. Triumph des guten Willens. Gute Nazis und selbsternannte Opfer. Die Nationalisierung der Erinnerung. – Berlin: Edition Tiamat, 1998. – S. 137.

односторонними, даже несправедливыми [...], однако, несмотря на это, точными, волнующими, пугающими... Даже за вычетом всех ошибок и недостатков остается сила эффекта»⁵⁰⁵.

Принимая во внимание сказанное, следует согласиться с резюме Норберта Фрая: «Главное достоинство книги Гольдхагена заключалось, прежде всего, в том, что она способствовала символическому признанию исторической ответственности немцев спустя 50 лет после конца нацистского режима»⁵⁰⁶.

Обобщая, можно сказать, что книга Гольдхагена и дебаты вокруг нее маркируют одну из наиболее значимых вех критической рефлексии и проработки нацистского прошлого после объединения Германии. «Спор Гольдхагена», несомненно, потенцировал значение памяти о нацизме в качестве базового нарратива немецкой национальной идентичности и центрального «негативного масштаба» немецкой политической культуры⁵⁰⁷. В этой связи достойна внимания точка зрения самого автора резонансного исследования. В марте 1997 г. за вклад в изучение Холокоста Д. Гольдхаген был удостоен «Приза демократии» «Журнала немецкой и международной политики». В речи по случаю вручения приза известный немецкий философ, один из главных участников «спора историков» Юрген Хабермас отметил, что «на основе проникновенности и моральной силы изложения Гольдхагену удалось дать важные импульсы общественному сознанию федеративной республики»⁵⁰⁸. По словам философа, американский ученый «повысил чувствительность к подоплеке и границам немецкой “нормализации”»⁵⁰⁹. В своей ответной благодарственной речи Гольдхаген отметил успехи немцев в критической проработке собственного прошлого и выработке «ненационалистического

⁵⁰⁵ Leicht Robert. D.J. Goldhagens Buch ist ein Urteil, kein Gutachten // Die Zeit, 06.09.1996.

⁵⁰⁶ Frei Norbert. Goldhagen, die Deutschen und die Historiker. Über die Repräsentation des Holocaust im Zeitalter der Visualisierung // Zeitgeschichte als Streitgeschichte. Große Kontroversen seit 1945 / Sabrow Martin, Jessen Ralph, Kracht Klaus G. (Hrsg.). – München: C. H. Beck, 2003. – S. 146.

⁵⁰⁷ Benner Thorsten, Köster Claudius R. Auf ewig Sisyphos? Die Goldhagen-Debatte und die politische Kultur der Berliner Republik // Sozialwissenschaftliche Informationen 26 (1). – Seezle-Velber: PZ Pädagogika Zentrale, 1997. – S. 63.

⁵⁰⁸ Habermas Jürgen. Warum ein “Demokratiepreis” für Daniel J. Goldhagen? Eine Laudatio // Die Zeit, 14.03.1997.

⁵⁰⁹ Ibid.

национального самосознания, ответственного перед международным сообществом»⁵¹⁰. В заключение Гольдхаген назвал ФРГ «позитивной моделью и образцом, которому другие государства должны подражать». «Я не знаю другой страны, столь открытой и последовательной в обращении с бесславными и страшными страницами собственного прошлого»⁵¹¹, - подытожил ученый.

2.2.3. «Дебаты Вальзера-Бубиса»:

проверка немецкого консенсуса о нацистском прошлом

Как уже отмечалось, объединение Германии способствовало росту внимания к теме нацистского прошлого. Параллельно с возросшим значением памяти о прошлом в федеративной республике увеличилась роль общественных и государственных актов поминовения жертв нацизма. Общественная репрезентация памяти о нацистском прошлом, ее актуализация и интенсификация стали главной темой дебатов, инициированных немецким писателем Мартином Вальзером в 1998 г. Контroversa, впоследствии получившая название «дебатов Вальзера-Бубиса» – по фамилиям главных оппонентов, имела, однако, и более конкретный повод, а именно проект памятника жертвам Холокоста в Берлине. Следует подробнее остановиться на истории создания памятника, чтобы прояснить его значение для «дебатов Вальзера-Бубиса».

Идея создания памятника жертвам Холокоста восходит к 1988-1989 гг. 30 августа 1989 г. немецкая журналистка еврейского происхождения Леа Рош выступила в прессе с предложением о создании в центре Берлина монументального памятника евреям, ставшим жертвами нацизма. Идея была поддержана немецким историком, профессором Штутгартского университета Эберхардом Йеккелем. Рош и Йеккель обратились к общественности, сенату

⁵¹⁰ Цит. по: Кёниг Х. Цит. соч. С. 102-103.

⁵¹¹ Там же.

Берлина, правительствам земель и к федеральному правительству. Проект получил поддержку бывшего канцлера ФРГ Вилли Брандта, писателя Гюнтера Грасса, президента Берлинской академии искусств Вальтера Йенса и писательницы Кристи Вольф⁵¹². В ноябре 1992 г. правительство Берлина заявило о готовности взять на себя половину затрат на строительство памятника, другая половина средств должна была поступить от частных спонсоров, для которых был создан специальный фонд. В июне 1999 г. бундестаг большинством голосов принял решение о строительстве памятника, который представляет собой поле площадью около 19 тысяч квадратных километров из более чем 2700 бетонных плит. Памятник расположен в самом сердце Берлина, в непосредственной близости от Бранденбургских ворот, что призвано символически подчеркнуть центральное значение Холокоста для коллективной памяти немцев. Строительные работы начались в 2000 г., и пять лет спустя, 10 мая 2005 г., мемориал памяти убитым евреям Европы был, наконец, открыт.

Некоторые немецкие интеллектуалы и общественные деятели критически отнеслись к идее памятника. Наиболее авторитетным из них стал известный немецкий писатель и драматург Мартин Вальзер. В своей речи по случаю присуждения ему Премии мира немецких книготорговцев 11 октября 1998 г. во франкфуртской Паульскирхе Вальзер высказался о памятнике убитым евреям Европы как о «монументализации позора» и «кошмаре величиной с футбольное поле». Память немцев об Освенциме была охарактеризована Вальзером как «моральная дубина» и «длительная демонстрация немецкого позора»⁵¹³. Речь писателя, встреченная овациями примерно тысячи присутствовавших слушателей, спровоцировала в ФРГ громкий скандал. Занимавший в то время пост главы Центрального совета евреев ФРГ Игнац Бубис отреагировал на речь Вальзера упреком в «духовном поджигательстве». Разгоревшиеся вскоре после

⁵¹² Kattago Siobhan. *Ambiguous Memory. The Nazi Past and German National Identity*. – Westport: Praeger, 2001. – p. 141.

⁵¹³ Walser Martin. Die Banalität des Guten. Erfahrungen beim Verfassen einer Sonntagsrede aus Anlaß der Verleihung des Friedenspreises der Deutschen Buchhandels // FAZ, 12.10.1998.

речи Вальзера дебаты стали главной темой в немецких СМИ в течение всего 1998 г. Спор вызвал большой резонанс в федеративной республике, побудив к активному участию в дебатах не только представителей интеллектуальной элиты ФРГ, но и многих политиков, в том числе президента ФРГ Романа Херцога, его предшественника Рихарда фон Вайцзеккера и посла Израиля в Германии Ави Примора.

Объясняя свою позицию, Вальзер заявил, «каждому известно наше историческое бремя, наш неизбывный позор, не проходит ни дня, чтобы нам о нем не рассказывали»⁵¹⁴. «Ни в каком другом языке нельзя было бы так говорить о народе, о населении, об обществе. Так можно говорить только о немцах»⁵¹⁵, - сетовал писатель. По словам Вальзера, те, кто занимается в ФРГ «морализаторством о Холокосте», испытывают чувство превосходства по отношению к своим согражданам, и эта «морализирующая память» используется некоторыми лицами или группами людей для того, чтобы «унизить немцев или провести какие-либо политические решения». Вальзер продолжил: «Если СМИ ежедневно указывают мне на это прошлое, я замечаю, что нечто во мне противится этой длительной демонстрации нашего позора. Вместо того чтобы быть благодарным за эту непрерывную демонстрацию нашего позора, я начинаю намеренно отводить взгляд. Я мог бы понять, почему в это десятилетие прошлое демонстрируется как никогда прежде. Когда я замечаю, что во мне нечто противится, я пытаюсь проверить мотивы этого упрека в нашем позоре, и я почти рад, когда, как мне кажется, я выясняю, что чаще всего мотивом является не память, не “недопустимость забвения”, но инструментализация нашего позора для текущих целей»⁵¹⁶.

Примером такой инструментализации в недавнем прошлом, по словам Вальзера, была защита идеи разделенной Германии: «Разделение Германии [...] оправдывалось задающими тон интеллектуалами как заслуженное наказание за

⁵¹⁴ Ibid.

⁵¹⁵ Ibid.

⁵¹⁶ Ibid.

Освенцим»⁵¹⁷. Таким образом, ответственность за «негативный национализм», по Вальзеру, несут «интеллектуалы и СМИ»⁵¹⁸. Общественная память, акцентированная на Холокосте, является, по словам писателя, искусственной и надуманной: «Освенцим не подходит для того, чтобы быть программой, основанной на угрозе, средством запугивания в любой момент, или моральной дубиной, или только обязательным уроком»⁵¹⁹. Мемориал жертвам Холокоста, по мысли Вальзера, является своеобразной «моральной дубиной». «По дискуссии о памятнике жертвам Холокоста потомки смогут увидеть, на что способны люди, которые чувствуют себя ответственными за совесть других – на бетонирование центра столицы кошмаром размером с футбольное поле, монументализацию позора»⁵²⁰, - говорил писатель.

В целом Вальзер попытался донести до своих слушателей и в принципе до всех немцев идею о том, что память о Холокосте должна стать частным делом конкретных людей, и что под «длительной демонстрацией немецкого позора» следует подвести финальную черту. Кредо писателя заключалось в том, что память о Холокосте должна окончательно перейти в частную сферу, и от публичных ритуалов воспоминания о нацистском прошлом Германии следует отказаться.

Многие наблюдатели, а позже и исследователи «дебатов Вальзера-Бубиса» отмечали, что в речи Вальзера не было проявлено ни малейшей чувствительности к нацистскому прошлому, не было предпринято никакого

⁵¹⁷ К интеллектуалам, выступавшим против объединения Германии, принадлежали, в частности, социолог Ральф Дарендорф, философ Юрген Хабермас и писатель Гюнтер Грасс. См. Piwoni Eunike. Nationale Identität im Wandel: Deutscher Intellektuellendiskurs zwischen Tradition und Weltkultur. – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2012. – S. 125. 9 февраля 1990 г. Гюнтер Грасс писал в газете «Цайт»: «Геноцид, обобщенный в образе Освенцима, не подлежащий прощению ни с какой точки зрения, лежит на совести этого государства. Это место ужаса, эта вечная рана делают будущее объединенного немецкого государства невозможным» (см. Grass Günter. Kurze Rede eines vaterlandslosen Gesellen // Zeit, 09.02.1990.). Аналогичную позицию отстаивал историк Генрих Август Винклер. В 1986 году в газете «Франкфуртер рундschau» Винклер писал: «Учитывая роль, которую Германия сыграла в развязывании обеих мировых войн, Европа не может и немцы не должны хотеть нового Германского рейха, суверенного национального государства. Такова логика истории» (см. Winkler Heinrich August. Auf ewig in Hitlers Schatten? // Frankfurter Rundschau, 14.11.1986).

⁵¹⁸ Walser Martin. Die Banalität des Guten. Erfahrungen beim Verfassen einer Sonntagsrede aus Anlaß der Verleihung des Friedenspreises der Deutschen Buchhandels // FAZ, 12.10.1998.

⁵¹⁹ Ibid.

⁵²⁰ Ibid.

критического анализа немецкой истории и не выражено эмпатии к жертвам нацизма. Вместо этого Вальзер жестко осудил «порицание Холокостом» в ФРГ как направленное против всего немецкого народа. В оптике Вальзера немцы вновь стали жертвами, как в первые послевоенные годы в ФРГ. Очевидно, что за репликами Вальзера стояло недвусмысленное стремление к «нормализации» немецкой национальной идентичности и исторического самосознания посредством избавления от коллективной памяти о преступлениях нацизма. Реакция несогласных с данной позицией не заставила себя ждать.

9 ноября 1998 г., в шестидесятую годовщину антиеврейских погромов 1938 г. (так называемой «Хрустальной ночи»), выступая в синагоге еврейской общины Берлина, Игнац Бубис заявил, что речь Вальзера представляет собой попытку «вытеснить историю и упразднить память», а сам писатель дал возможность неонацистам, антисемитам и ревизионистам опереться на его авторитет⁵²¹. Особенно Бубиса возмутило то, что Вальзер говорил о «позоре немцев», но при этом не сказал ни слова о преступлениях нацистского режима⁵²². По словам Бубиса, Вальзер выступил за «культуру игнорирования и мысленного дистанцирования», которая была характерна для немцев при нацизме. Формулировку Вальзера об «инструментализации Освенцима в политических целях» Бубис расценил как правоэкстремистскую по своему смыслу: «Такие люди, как председатель Немецкого народного союза⁵²³ Герхард Фрай выражаются таким же образом. Это духовное поджигательство»⁵²⁴.

Критикуя метафору Вальзера «Освенцим – моральная дубина», Бубис сказал, что «из Освенцима можно, нужно и необходимо учиться морали»⁵²⁵. Что касается слов Вальзера о том, что памятник представляет собой «монументализацию позора», то, по словам Бубиса, Холокост был «монументален по своим масштабам, и не становится им только благодаря

⁵²¹ Bubis Ignatz. Wer von der Schande spricht. Eine Rede zum 9. November // FAZ, 10.11.1998.

⁵²² Ibid.

⁵²³ Крайне правая партия в Германии, основана 5 марта 1987 г.

⁵²⁴ Bubis Ignatz. Wer von der Schande spricht. Eine Rede zum 9. November // FAZ, 10.11.1998.

⁵²⁵ Ibid.

памятнику»⁵²⁶. Особенно остро Бубис отреагировал на требование Вальзера о праве немецкого общества на «нормальность». Эта «нормальность», подчеркивал Бубис, сопряжена не с чем иным, как с вытеснением памяти о Холокосте и опасностью оживления антисемитских и расистских настроений⁵²⁷. В заключение своей речи Бубис процитировал фрагмент из Талмуда: «Тайна спасения – в памяти», и еще раз подчеркнул важность непреходящей памяти о немецком прошлом. Последними словами речи Бубиса были: «Мы несем перед жертвами ответственность не забывать их! Тот, кто забывает этих жертв, убивает их еще раз!»⁵²⁸.

В ответ на речь Бубиса Вальзер возразил, что тот его неверно понял. Вскоре позиции писателя были поддержаны мэром Гамбурга Клаусом фон Донаньи. В статье в газете «Франкфуртер альгемайне цайтунг» Донаньи писал, что речь Вальзера представляет собой «жалобу невинного с личной точки зрения немца, который ощущает себя в историческом заточении за преступления предшествующих поколений, которые он не совершал, но за которые он должен себя чувствовать ответственным». Далее Донаньи выдвинул бестактный аргумент в защиту Вальзера: Бубис не мог понять речь немецкого писателя, так как тот обращался к немцам, а не к немецким евреям⁵²⁹. Стремясь оправдать позиции Вальзера, Донаньи писал: «Еврейским гражданам Германии тоже стоило бы спросить самих себя, поступили ли бы они более храбро, чем большинство немцев, если бы после 1933 г. в концлагеря депортировали только гомосексуалистов, цыган и людей с ограниченными способностями»⁵³⁰.

Важно отметить, что в контексте дебатов «Вальзера-Бубиса» позиция и участие Донаньи имели особое значение: большую роль в данном случае играло то обстоятельство, что политик являлся сыном известного борца

⁵²⁶ Ibid.

⁵²⁷ Ibid.

⁵²⁸ Ibid.

⁵²⁹ Dohnanyi Klaus. Eine Friedensrede // FAZ, 14.11.1998.

⁵³⁰ Ibid.

антигитлеровского Соппротивления Ганса фон Донаньи, казненного нацистами в 1944 г.

Аргумент Вальзера о необходимости переместить акцент с общественной памяти о Холокосте на личную нашел, хотя и с определенными оговорками, поддержку среди некоторых участников дебатов. Так, журналист Штефан Райнеке писал в газете «Фрайтаг»: «Действительно, немецкая индустрия памяти вызывает дискомфорт. В нашей стране давно считается хорошим тоном показывать владение корректными формулами памяти о нацистских преступлениях. Тем самым участие в общественном ритуале становится позой. Это следует подвергнуть критике»⁵³¹.

В свою очередь, член Центральной совета евреев Германии Саломон Корн, напротив, усмотрел в упреке «инструментализации Холокоста» угрозу того, что он сам может «легко стать инструментом избавления от истории»⁵³². «Действительная или мнимая инструментализация не может быть поводом для обоснования избавления от нацистского прошлого», - писал Корн⁵³³.

Критически оценил позиции Вальзера известный немецкий правозащитник, лютеранский богослов Фридрих Шорлеммер. В своей статье во «Франкфуртер альгемайне цайтунг» 18 октября 1998 г. Шорлеммер писал, что Вальзер пытается расправиться с «воображаемыми» врагами. «Мы не должны перекладывать на выживших евреев обязанность выразить протест против подобных фраз», - призывал пастор⁵³⁴.

Жестко осудил речь и поведение Вальзера историк Ганс-Ульрих Велер, охарактеризовав их как «тупой ресентимент» и «замаскированное объявление войны самокритичной памяти о прошлом»⁵³⁵.

14 декабря 1998 г. в диалоге с Бубисом, опубликованном во «Франкфуртер альгемайне цайтунг» Вальзер заявил, что получил «тысячу

⁵³¹ Reinecke Stefan. Unbehagen. Gedenkkultur – Martin Walser und die Politik: eine Missverständnis // Freitag, 23.10.1998.

⁵³² Korn Salomon. Es ist Zeit. Die andere Seite des Walser-Bubis-Streits // FAZ, 01.12.1998.

⁵³³ Ibid.

⁵³⁴ Schorlemmer Friedrich. Leute über die man spricht // FAZ, 18.10.1998.

⁵³⁵ Wehler Hans-Ulrich. Kritisches Goldrähmchen // Berliner Zeitung, 12.12.1998.

писем» от своих читателей со словами поддержки⁵³⁶. Во многих письмах якобы говорилось, что немцы чувствуют себя «обвиняемыми» в собственной стране, и что официальная власть не заботится об их оправдании. Так же, как в своей речи, в диалоге с Бубисом Вальзер не проявил никакой эмпатии и чувства такта к еврейским жертвам нацизма. Вальзер по-прежнему отстаивал свою исходную позицию: Холокост не должен быть темой масс-медиа, память о нацистском прошлом должна быть частным делом отдельно взятого человека⁵³⁷. Примечательна была реплика Вальзера по поводу нацистской политики уничтожения, с которой он надменно обратился к Бубису, почти вся семья которого погибла в нацистских концлагерях: «Я должен Вам сказать, что я изучал эту проблему, когда Вы занимались совершенно другими проблемами. Вы обратились к этим проблемам позже, чем я»⁵³⁸. Затрагивая другую тему – расистских выходов в восточно-германском городе Росток в августе 1992 г.⁵³⁹, свидетельствовавших о том, что нацистская идеология до сих пор находит среди немцев приверженцев, – Вальзер сказал, что просто «не верит» в то, что было рассказано в прессе, не желая уступить оппоненту и стремясь доказать «нормальность» современных немцев.

В этих и других репликах Вальзер настойчиво позиционировал немцев как «жертв культа Освенцима». По мнению исследователя «дебатов Вальзера-Бубиса» Ларса Ренсмана, Вальзер воспринимал своего оппонента не как жертву немецких преступлений, а как представителя «еврейства», который настаивает на памяти об Освенциме и тем самым обременяет немецкую идентичность чувствами вины и стыда, разрушает образ «нормализированной»,

⁵³⁶ Bubis Ignatz, Korn Salomon, Schirmacher Frank, Walser Martin. Wir brauchen eine neue Sprache für die Erinnerung // FAZ, 14.12.1998.

⁵³⁷ Ibid.

⁵³⁸ Ibid.

⁵³⁹ 22-24 августа 1992 г. немецкие неонацисты организовали нападение на вьетнамских иммигрантов в пригороде Росток Лихтенхагене. Примерно 500 неонацистов штурмовали блочный многоэтажный дом, в котором проживали около 150 вьетнамцев, закидывая общежитие камнями и емкостями с зажигательной смесью.

«находящейся в мире с самой собой» нации⁵⁴⁰. Таким образом, Вальзер пытался оспорить, во-первых, необходимость памяти о нацизме, и, во-вторых, угрозу расизма и экстремизма в современной Германии.

К декабрю 1998 г. «дебаты Вальзера-Бубиса» в целом подошли к концу. Главные оппоненты спора – Мартин Вальзер и Игнац Бубис – так и не сумели прийти к примирению, оставшись на своих прежних позициях. Оценивая дебаты ретроспективно, можно сказать, что среди подавляющего большинства участников консенсусом являлось убеждение, что Холокост должен оставаться общественной темой в Германии. Так, журналист газеты «Цайтунг цум зоннтаг» Мартин Эбель писал: «Если из Франкфуртской речи Вальзера следует, что Освенцим не должен быть общественной темой, тогда Вальзера следовало бы защитить от самого себя»⁵⁴¹. В свою очередь, «Франкфуртер альгемайне цайтунг» писала 15 декабря 1998 г.: «Вальзер заносчив, упрям, бесстыден, труслив, невыносим, хладнокровен, бессовестен и бездуховен»⁵⁴². Газета «Вохе» также выступила против Вальзера 18 декабря 1998 г.: «... и все-таки он поджигатель»⁵⁴³.

Своеобразным резюме мнений большинства участников спора стало письмо читателя «Франкфуртер альгемайне цайтунг» в редакцию, в котором автор писал: «То, что “публичные акты совести” рассматриваются как сомнительные, и вопрос о вине переводится в личную сферу, является неверным выводом. Без постоянного общественного осознания чудовищного прошлого едва ли возможно его преодоление»⁵⁴⁴. В свою очередь, журналист газеты «Цайт» Роберт Ляйхт также подчеркивал необходимость коллективной ответственности немцев за свое прошлое⁵⁴⁵.

⁵⁴⁰ Brumlik Micha, Funke Hajo, Rensmann Lars. Umkämpftes Vergessen. Walser-Debatte, Holocaust-Mahnmal und neuere deutsche Geschichtspolitik. – Kempten: H. Schiller, 2004. – S. 25.

⁵⁴¹ Ebel Martin. Unser Auschwitz // Zeitung zum Sonntag, 18.10.1998.

⁵⁴² Цит. по: Schepers Norbert. Einen Nerv getroffen. Debatten zum Umgang mit der NS-Vergangenheit in den neunziger Jahren in Deutschland. – Berlin: Dietz Verlag, 2005. – S. 64.

⁵⁴³ Ibid.

⁵⁴⁴ Ibid.

⁵⁴⁵ Leicht Robert. Warum Walser irrt. Auch die Nachgeborenen haften für das Erbe von Auschwitz // Zeit, 03.12.1998.

Конфликт Мартина Вальзера и Игнаца Бубиса может быть назван одной из фундаментальных – наряду с дебатами о выставке «Преступления Вермахта» и «спором Гольдхагена» – дискуссий о немецком прошлом, прошедших в ФРГ в 1990-е гг. Рначение дебатов заключалось в том, что они показали, что в Германии по-прежнему наблюдается динамичный плюрализм мнений и подходов к осмыслению нацистского прошлого и немецкой национальной идентичности. М. Вальзер, стремившийся говорить от лица «всех немцев», отчетливо дал понять, что не желает принимать еврейскую перспективу в понимании немецкого прошлого. Наоборот, для Вальзера немцы являлись главными жертвами, которым навязывается «нечистая совесть», в то время как немецкий народ стремится к «нормальности» и освобождению от «оков прошлого». Исходя из этого, Вальзер провозглашал необходимость «подведения черты» под немецким прошлым. При этом писатель настойчиво игнорировал тот факт, что отсутствие общественной памяти о Холокосте способно сыграть на руку правоэкстремистским группам и создать почву для исторического ревизионизма⁵⁴⁶. Эксперт Дуйсбургского института лингвистических и социальных исследований Альфред Шоберт так характеризует содержание и интенцию речи Вальзера: «Вальзер дал толчок к оживлению в общественном дискурсе антисемитских тенденций и предоставил им шанс проникнуть в сердце общества. Некоторые авторы, ссылаясь на слова, фразы и аргументы Вальзера, воспроизводили общие места традиционного антисемитизма»⁵⁴⁷.

Обобщая, можно сказать, что значение «дебатов Вальзера-Бубиса» двояко: во-первых, они в очередной раз продемонстрировали высокую релевантность в общественном дискурсе темы ответственности за прошлое спустя 53 года после завершения Второй мировой войны, и, во-вторых, стали

⁵⁴⁶ Что и произошло в действительности: цитаты из речи Вальзера впоследствии использовались авторами правоэкстремистской антисемитской газеты «Националь-цайтунг» и неонацистского издания «Юнге фрайхайт». См. Dietzel Friederike. Die Walser-Bubis-Kontroverse // Hallische Beiträge zur Zeitgeschichte 10. – Halle: Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, 2000. – S. 54.

⁵⁴⁷ Schobert Alfred. Keine Mißverständnisse // konkret. – 1999, № 2. – S. 27.

проверкой консенсуса, сформированного в отношении нацистского прошлого до 1990 г., маркировав окончательную маргинализацию «перспективы жертвы» и нарратива «подведения черты под нацистским прошлым» в немецком обществе⁵⁴⁸. В целом, «дебаты Вальзера-Бубиса» обозначили необходимость дальнейшего развития официальной культуры памяти как залога национальной идентичности послевоенной Германии.

Стоит добавить, что памятник убитым евреям Европы, ставший одной из главных предпосылок «дебатов Вальзера-Бубиса», в ходе своего открытия в 2005 г. не вызвал споров и протестов, что, по оценке историка и публициста Штефана Шлака, может служить доказательством того, что память о прошлом в Германии XXI века символически усвоена и интегрирована в немецкое историческое самосознание⁵⁴⁹.

Выводы

Несмотря на прогнозы и опасения современников, объединение Германии в 1990 г. и выход на повестку дня проблемы проработки тоталитарного прошлого ГДР не привели к ослаблению памяти о нацизме. Напротив, 1990-е гг. маркируют в Германии небывалое усиление дискурса памяти о прошлом. По словам Х. Кёнига, «столько полемики с нацистским прошлым, как в этот период, не было никогда прежде»⁵⁵⁰. Ключевыми дискуссиями о нацистском прошлом 1990-х гг., свидетельствовавшими о высокой релевантности данной темы для национального самосознания Германии, стали дебаты о выставке «Преступления Вермахта», дебаты по поводу книги Дэниела Гольдхагена «Добровольные исполнители Гитлера: обычные немцы и Холокост», а также спор Мартина Вальзера с председателем Центрального комитета евреев

⁵⁴⁸ Важно отметить, что позиции Вальзера в дебатах нанесли большой вред его репутации среди немецкой интеллигенции и стали одной из причин негативной рецепции его романа 2002 г. «Смерть критика».

⁵⁴⁹ Schlak Stephan. Schuld und Scham // Ein neues Deutschland? Zur Physiognomie der Berliner Republik / Bohrer Karl Heinz, Scheel Kurt (Hrsg.). – Stuttgart: Klett-Cotta, 2006. – S. 833.

⁵⁵⁰ Кёниг Х. Цит. соч. С. 124.

Германии Игнацем Бубисом о значении памяти о Холокосте и мемориале евреям Европы в Берлине.

Выставка «Преступления Вермахта» Гамбургского института социальных исследований была нацелена на развенчание мифа о «незапятнанной» преступлении немецкой армии, долгое время доминировавшего в массовом сознании послевоенной Германии. Дебаты об экспозиции стали фундаментальной вехой в укреплении консенсуса о значении нацистских преступлений для национального самосознания ФРГ.

Книга американского политолога Д. Гольдхагена, вышедшая в свет в 1996 г., по-новому формулировала вопрос о коллективной вине немецкого народа за Холокост, подвергала переоценке роль рядовых немцев в преступной политике нацизма. Как и дебаты по поводу выставки «Преступления Вермахта», полемика вокруг исследования Д. Гольдхагена стала важным катализатором немецкой рефлексии о нацистском прошлом как в научной, так и в широкой общественной среде Германии.

Речь писателя Мартина Вальзера 11 октября 1998 г. стала попыткой сторонников «нормализации» национальной идентичности повлиять на общественное мнение объединенной Германии. М. Вальзер стал выразителем немецкой «перспективы жертвы» и нарратива «подведения черты» под нацистским прошлым. Высказывания писателя были подхвачены консервативными и праворадикальными силами, что оказало негативное влияние на репутацию Вальзера. «Дебаты Вальзера-Бубиса» вскрыли в немецком обществе непреодоленные, латентные тенденции к «нормализации» национальной идентичности, к избавлению от памяти о прошлом, которые, однако, в итоге подверглись маргинализации в общественном дискурсе.

Суммируя вышесказанное, можно утверждать, что выводы, сделанные в проанализированных дискуссиях 1990-х гг., стали неотъемлемой частью немецкого общественного консенсуса о нацистском прошлом и его значении для национального самосознания послевоенной Германии.

Заключение

1945 г. стал важнейшей цезурой в истории Германии, ознаменовавшей крушение модели национальной идентичности, основанной на идее «особого немецкого пути». Катастрофические последствия поражения во Второй мировой войне привели Германию к глубочайшему за всю ее историю политическому и моральному кризису. Вместе с тем они стали отправной точкой для переоценки собственного прошлого и поиска новых ориентиров национального самосознания.

Поскольку история немецкого национального государства – Германского рейха – с 1871 до 1945 гг. характеризовалась в целом национализмом как доминирующей общественно-политической и идейной платформой национального самосознания, идеями национальной и расовой исключительности, апеллирование к конвенциональным, «аффирмативным» и героическим немецким традициям после 1945 г. было крайне проблематичным и непродуктивным. Наоборот, особое значение и смысл в послевоенной Германии приобрела травма нацистской диктатуры – в качестве источника отрезвления и отказа от национальных мифов. Для Германии открылась возможность поиска новых форм национальной идентичности, исходя из самокритичного переосмысления собственной истории и проведения ее через фильтр опыта нацистской диктатуры 1933-1945 гг. Процесс критической рефлексии и проработки прошлого после 1945 г. изменял общественное восприятие собственной истории, делал ее образ более дифференцированным и реалистичным. В ходе этого процесса западно-германское общество училось воспринимать прошлое без эвфемизации и релятивизации собственных ошибок, без самооправдания, с осознанием собственной вины и ответственности за произошедшее.

Важно, что процесс проработки прошлого в Германии не являлся монологичным и однонаправленным, а был выражением и следствием борьбы

двух подходов. Первый подход определялся такими характеристиками, как вытеснение, экстерииоризация нацистского прошлого из коллективной памяти; стремление к деактуализации памяти о нацизме и ее связи с национальным самовосприятием. Этот подход стал базисом тенденций к «историзации» и «релятивизации» Третьего рейха в общественном дискурсе, то есть включения нацистского периода в контекст европейской и мировой истории, что вело к эвфемизации беспрецедентного, уникального исторического значения нацистских преступлений. В этом смысле описанный подход открывал путь к «нормализации» исторического самосознания и национальной идентичности Германии.

Второй подход характеризовался стремлением не вытеснить, а, напротив, интериоризировать, интегрировать нацистское прошлое в структуру коллективной памяти Германии, не отвергнуть, а принять ответственность за нацистское прошлое, сделать его составным элементом национальной идентичности в качестве своеобразного «негативного масштаба» и вечного предостережения об угрозе впадения в варварство.

Принципиально важно, что, в отличие от ФРГ, в ГДР проблема нацистского прошлого не стала предметом самокритичной рефлексии общества и его элит, а была инструментализирована в сугубо идеологических и политико-пропагандистских целях. Идеологи восточно-германской идентичности пытались представить ГДР как «лучшую Германию», радикально искоренившую нацизм, не имеющую ничего общего с Третьим рейхом и потому не несущую никакой ответственности за преступное прошлое. Восточная Германия позиционировалась как «антифашистское» государство, в то время как в политической системе ФРГ усматривалась преемственность с непреодоленными, неизжитыми фашистскими тенденциями. Тема геноцида евреев в период Второй мировой войны не затрагивалась на протяжении всей истории существования ГДР, Холокост так и не стал в ней предметом широкой общественной дискуссии.

Что касается ФРГ, то динамика противостояния двух описанных выше подходов к оценке нацистского прошлого и его значения для национальной идентичности была нелинейной и претерпела сложную эволюцию, которую можно условно разделить на три периода, или фазы.

Первая фаза – с 1945-го до начала 1960-х гг., характеризовалась установкой немецкого общества на забвение, замалчивание и вытеснение (экстериоризацию) недавнего нацистского прошлого. Преобладающим общественным настроением в данный период была апатия и индифферентность к нацистскому периоду, стремление отмежеваться от него, переложить ответственность за преступления нацизма на небольшую группу вождей НСДАП и их ближайших сообщников. Данная установка разделялась как подавляющим большинством населения, так и политическим руководством Западной Германии, что отразилось, в частности, в ряде амнистийных законов, освободивших от ответственности большое число «попутчиков» нацистов и позволивших им интегрироваться в западно-германское общество. Установка на критический самоанализ, критическую проработку немецкого прошлого и признание ответственности за нацизм являлись в данный период позицией меньшинства – главным образом, отдельных представителей политической и интеллектуальной элиты (в первую очередь следует назвать имена К. Ясперса, К. Г. Юнга, Т. Хойса, К. Шумахера). В целом можно утверждать, что в данный период на всех общественных уровнях доминировала так называемая «перспектива жертвы», стремление представить себя «жертвами» нацистского режима, сосредоточить внимание не на отягчающих вину обстоятельствах, а на собственных лишениях, страданиях и нужде, вызванных войной.

Вторая фаза (начало 1960-х – середина 1980-х гг.) характеризуется повышением общественного внимания к нацистскому прошлому и ростом его релевантности для национального самосознания ФРГ. На первую половину данного периода приходится ряд громких судебных процессов над нацистскими преступниками: прежде всего процесс над А. Эйхманом в

Иерусалиме 1961-1962 гг. и Освенцимский процесс во Франкфурте-на-Майне 1963-1964 гг. Названные судебные процессы имели серьезные последствия для общественного сознания ФРГ. Наряду с усовершенствованием институциональных и юридических механизмов привлечения к ответственности нацистских преступников, процессы актуализировали вопрос о роли немецкого населения в политике нацистов, сместили акценты коллективного самовосприятия и форсировали переоценку «перспективы жертвы» на общенациональном уровне. В указанный период также интенсифицируются исторические исследования о нацистской диктатуре, выходят в свет фундаментальные исследования К.Д. Брахера, М. Бросцата, Э. Йеккеля и др. Важный вклад в критическую проработку прошлого в данный период также вносят исследования А. и М. Мичерлих, Т. Адорно, Х. Арндт.

В данной фазе существенную роль в переосмыслении новейшей немецкой истории сыграло так называемое «поколение 1968-го года», которое поставило перед поколением отцов, социализировавшихся при нацизме, требование отказаться от обманчивой «перспективы жертвы», положить конец молчанию о прошлом и начать его серьезную критическую проработку. В результате активной деятельности «поколения 1968-го года» власти ФРГ предприняли ряд мер для усовершенствования системы просвещения о нацистском прошлом. Дискурс памяти о прошлом в данный период получает признание и поддержку политического руководства ФРГ, канцлер В. Брандт делает его основополагающим элементом государственной политики. Символом фундаментального изменения национально-политического самосознания ФРГ становится коленопреклонение В. Брандта перед памятником участникам восстания в Варшавском гетто 1944 г. Важным триггером перестройки памяти о прошлом также стал телесериал «Холокост», транслировавшийся по западно-германскому телевидению в 1979 г.

Третья фаза (середина 1980-х – 1990-е гг.) характеризовалась обострением противостояния двух названных подходов к нацистскому

прошлому. Важной вехой этого противостояния в ФРГ до объединения Германии стал «спор историков» 1986-1987 гг. Результатом этого диспута стало поражение консервативных сторонников «историзации», «релятивизации» нацистского режима и «нормализации» национальной идентичности Германии, их маргинализация в научном и общественном дискурсе ФРГ. «Спор историков» способствовал консолидации критической парадигмы национальной истории, утверждению точки зрения о принципиальной важности для Германии памяти о нацизме и ответственности немцев за его преступления. На фоне роста значимости темы нацистского прошлого в ФРГ крупный немецкий философ Ю. Хабермас выдвинул концепцию «конституционного патриотизма», ставящую во главу угла «постнациональные» демократические ценности и отказывающуюся от «конвенциональных», то есть, по сути, примордиалистских, основанных на национальных мифах, форм национальной идентичности как контрпродуктивных для будущего развития Германии. Данный подход к национальной истории и идентичности не остался лишь достоянием интеллектуалов, а был положительно оценен и воспринят на высшем политическом уровне ФРГ. В этом отношении знаковый статус приобрела речь президента ФРГ Р. фон Вайцеккера, с которой он выступил в бундестаге 8 мая 1985 г. в сороковую годовщину окончания Второй мировой войны. Хотя еще предшественник Вайцеккера на посту президента ФРГ Вальтер Шеель определил 8 мая как день освобождения Германии, именно речь Вайцеккера стала ярким символом нового немецкого дискурса ответственности за нацистское прошлое, в котором выразилось убеждение, что критическая память о прошлом не подрывает национальную идентичность ФРГ, а является ее краеугольным камнем⁵⁵¹.

Фундаментальным событием третьей фазы послевоенного развития Германии было объединение ФРГ и ГДР в 1989-1990 гг. Объединение стало

⁵⁵¹ Кёниг Х. Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании ФРГ // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 180.

катализатором поиска и формулирования новых ориентиров немецкой идентичности. Вопреки делавшимся в тот период прогнозам, объединение Германии не сопровождалось ростом националистических чувств. Напротив, в интеллектуальной среде Западной Германии наблюдалось скептическое отношение к идее интеграции двух немецких государств, которое основывалось на убеждении, что разделение является исторически оправданной платой за нацистское прошлое. Кроме того, сразу же после объединения существовали опасения, что тоталитарное прошлое ГДР оттенил память о нацизме, отвлечет внимание немецкого общества на проработку диктатуры СЕПГ. Однако эти опасения в целом не оправдались: напротив, рефлексия нацистского прошлого в 1990-е гг. достигла высшей степени интенсивности за всю послевоенную историю Германии, в то время как восточно-германская диктатура заняла в немецком общественном дискурсе периферийное положение. Можно утверждать, что ключевыми диспутами о нацистском прошлом, являвшимися отражением высокой релевантности данной темы для национальной идентичности в объединенной Германии, стали:

- 1.) дебаты о выставке «Преступления Вермахта: Масштабы войны на уничтожение» 1995-1999 гг. и 2001-2004 гг.;
- 2.) дебаты о книге Д. Гольдхагена «Добровольные исполнители Гитлера: обычные немцы и Холокост» 1996-1997 гг.;
- 3.) дебаты по поводу речи писателя Мартина Вальзера 1998 г.

Выставке «Преступления Вермахта» Гамбургского института социальных исследований удалось развенчать исторический миф о «незапятнанном» преступлениями нацизма Вермахте, долгое время довлевший в массовом сознании послевоенной Германии. Дебаты о выставке стали фундаментальной вехой в укреплении консенсуса о значении нацистских преступлений для исторического и национального самосознания ФРГ, и устранили один из наиболее устойчивых элементов немецкой «перспективы жертвы».

Книга американского политолога Д. Гольдхагена, опубликованная в 1996 г., по-новому формулировала вопрос о вине немецкого общества за Холокост и способствовала переоценке роли рядовых немцев в преступной практике нацизма. Как и дебаты по поводу выставки «Преступления Вермахта», полемика вокруг исследования Д. Гольдхагена стала важным катализатором немецкой рефлексии о нацистском прошлом и внесла существенный вклад в укрепление немецкой культуры памяти.

Речь одного из самых известных и читаемых писателей ФРГ Мартина Вальзера 11 октября 1998 г. стала поводом для последней крупной дискуссии о нацистском прошлом и национальной идентичности Германии 1990-х гг. В контексте дебатов М. Вальзер стал выразителем немецкой «перспективы жертвы» и нарратива «подведения черты» под нацистским прошлым, и, как следствие, рупором консервативных и праворадикальных сил Германии. «Дебаты Вальзера-Бубиса» вскрыли непреодоленные тенденции к «нормализации» национальной идентичности, избавлению от памяти о нацистском прошлом, которые, однако, в итоге подверглись маргинализации и делегитимации в немецком общественном дискурсе.

В целом, исходя из подробного анализа названных дебатов 1990-х гг., можно сделать вывод, что им принадлежит фундаментальный вклад в развитие немецкой культуры памяти и укрепление консенсуса о нацистском прошлом в объединенной Германии.

Оценивая развитие немецкой национальной идентичности ретроспективно, можно утверждать, что в период с 1945 по 1990-е гг. значение памяти о нацистском прошлом в ФРГ не уменьшалось, а экспоненциально возрастало. В связи с этим немецкий политолог Г. Люббе отмечал, что «тоталитарное прошлое становится тем более релевантным в немецкой коллективной памяти, чем оно дальше хронологически уходит назад в

исторической перспективе»⁵⁵². В свою очередь, В. Бергем метафорически охарактеризовал линию развития немецкой национальной идентичности после 1945 г., как движение «от амнезии к гипермнезии»⁵⁵³. Другая особенность, связанная с послевоенной немецкой идентичностью, заключалась в том, что любой призыв подвести «финальную черту» под нацистским прошлым в подавляющем большинстве случаев производил противоположный эффект и провоцировал оживление и интенсификацию коллективной памяти немецкого общества. К примеру, печально известный эпизод в Битбурге – попытка канцлера Г. Коля посредством политико-символического акта «примирения» с США приуменьшить память о нацистских преступлениях – дал обратный эффект и лишь актуализировал проблему непреодоленного прошлого в ФРГ. Аналогичная ситуация наблюдалась с речью писателя Мартина Вальзера 1998 г., в которой тот раскритиковал чрезмерное, по его мнению, внимание немцев к нацистскому прошлому. В результате ожесточенного «спора Вальзера-Бубиса» в общественном дискурсе утвердилась точка зрения, что критика немецкой проработки прошлого является не просто неприемлемой по моральным соображениям, но и политически опасной.

Важно отметить, что культура критической проработки прошлого в ФРГ формировалась в условиях перманентной конкуренции с противоположным ей по интенции дискурсом «историзации» нацизма и «нормализации» немецкой идентичности. Кроме того, общественные дискуссии о нацистском прошлом в целом отличались открытостью и вариативностью отстаиваемых позиций. Исходя из этого, можно сделать вывод, что утверждение самокритичной парадигмы немецкой истории не было продиктовано немецкому обществу сверху, а являлось объективным и естественным выражением и результатом рефлексии немецкого общества. Фундаментальность и глубина этой рефлексии

⁵⁵² Lübke Hermann. Der Nationalsozialismus im deutschen Nachkriegsbewusstsein // Historische Zeitschrift. Band 236. – München: De Gruyter Oldenbourg, 1983. – S. 579.

⁵⁵³ Bergem Wolfgang. Barbarei als Sinnstiftung? Das NS-Regime in Vergangenheitspolitik und Erinnerungskultur der Bundesrepublik // Die NS Diktatur im deutschen Erinnerungsdiskurs / Bergem Wolfgang (Hrsg.). – Opladen: Verlag für Sozialwissenschaften, 2003. – S. 81.

в итоге способствовала тому, что выработанная в ФРГ культуры памяти смогла распространиться после 1990 г. на немцев, социализировавшихся в ГДР, в которой отношение к нацистскому прошлому и проблеме вины значительно отличалось от подхода ФРГ.

На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что в результате сложного и многопланового процесса борьбы интерпретаций, политических решений, критической рефлексии в Германии к концу 1990-х гг. утвердился устойчивый консенсус о нацистском прошлом и его значении для национального самосознания, для настоящего и будущего страны. Следует согласиться с Е. Лезиной в том, что память о нацистском тоталитарном режиме, о Холокосте оказалась не просто включенной, а «постепенно переместилась в центр немецкой идентификации, став в конечном итоге доминирующим звеном всей конструкции коллективной исторической памяти»⁵⁵⁴. Преступная политика нацистов в 1933-1945 гг., в особенности геноцид европейских евреев, стал негативным референтным элементом самосознания ФРГ, вечно актуальным предостережением и онтологическим масштабом для оценки своих действий в настоящем и будущем. Память немцев о нацизме является отражением исторической ответственности, направленной на настоящее и будущее и выступающей против любых форм неонацизма, расизма, ксенофобии и тоталитаризма.

В то время как для большинства стран Западной Европы характерны «триумфалистские» конструкции национальной идентичности, основанные на идеализации и героизации прошлого, базисом немецкой идентичности выступает «негативная» конструкция, основанная на саморефлексирующей памяти, скорби и покаянии. Эта мысль была ясно сформулирована министром иностранных дел ФРГ Й. Фишером в 1999 г. «У всех демократий есть базис, почва. У Франции это 1789 год. У США – Декларация независимости. У

⁵⁵⁴ Лезина Е. Источники изменения официальной коллективной памяти (на примере послевоенной ФРГ) // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 4 (110), 2011. URL: <http://www.urokiistorii.ru/memory/conf/51112> (дата обращения: 22.05.2015)

Испании – Гражданская война. А у Германии – Освенцим. Это может быть только Освенцим. Память об Освенциме, “больше – никакого Освенцима”, на мой взгляд – единственный возможный фундамент новой Берлинской республики»⁵⁵⁵. По оценке Х. Вельцера, немецкое прошлое «продолжает жить на уровне чувств, на уровне самосознания, на уровне политических ориентаций [...]. И главный смысл, вкладываемый в него людьми, зависит от того, какие требования предъявляет к ним современность»⁵⁵⁶. Г. Дубиль также усматривает прямую зависимость между культурой памяти о преступлениях нацизма и консолидацией демократии в Германии, видя в первой залог второй⁵⁵⁷. Б. Гизен видит в немецкой проработке нацистского прошлого ярчайший пример создания коллективной идентичности с помощью «постнациональных» форм памяти. По словам Г.-У. Велера, самокритичная культура памяти является уникальным достижением ФРГ, заметно отличающим ее от двух других потерпевших поражение во Второй мировой войне стран «Оси» – Италии и Японии⁵⁵⁸.

В 2010 году в газете «Цайт» были опубликованы результаты опроса общественного мнения, проведенного институтом TNS Infratest. По данным опроса, 69% молодых немцев проявляет интерес к эпохе национал-социализма, 80% считают память о преступлениях нацистов необходимой, 59% испытывают стыд за немецкие преступления. При этом лишь 29% опрошенных выразили опасение, что «национал-социализм может повториться в Германии». В отличие от поколения своих родителей, чье детство и юность пришлось на 1960-1970-е гг., современная немецкая молодежь больше не испытывает страха, что под демократической оболочкой ФРГ скрываются фашистские тенденции. Таким образом, большинство немцев не видит противоречия в желании

⁵⁵⁵ Цит. по: Кёниг Х. Будущее прошлого: Национал-социализм в политическом сознании ФРГ. М.: РОССПЭН, 2012. – С. 131.

⁵⁵⁶ Вельцер Харальд. История, память и современность прошлого // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 63.

⁵⁵⁷ Кёниг Х. Цит. соч. С. 132.

⁵⁵⁸ Wehler Hans-Ulrich. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Band 5: Bundesrepublik und DDR 1949-1990. – München: C. H. Beck, 2008. – S. 291.

сохранить память о нацистских преступлениях и в то же время воспринимать Германию как «нормальную страну»⁵⁵⁹.

Важно отметить, что вторая половина 1990-х гг. характеризовалась тем, что дискурс о нацистском прошлом приобрел тенденцию к европеизации, то есть к выходу за национальные немецкие рамки. По мере того как открываются факты пособничества с нацистами других европейских государств в геноциде евреев, Германия перестает быть единственной проекцией ответственности за Холокост. В связи с этим можно указать на полемику во Франции по поводу коллаборационистской политики вишистского режима, на факты антисемитских погромов в ряде стран Европы в период Второй мировой войны, в частности, в Польше. Другими словами, с середины 1990-х гг. стала утверждаться точка зрения о том, что Холокост имел не только немецкий, но и общеевропейский масштаб, с той оговоркой, что Германия несет главную долю ответственности за геноцид евреев. Дискуссия о коллаборационизме с немецкими оккупантами и соучастии европейских стран в антисемитской политике способствует тому, что в ряде европейских стран Холокост становится важным референтным пунктом национальной памяти. Одним из катализаторов этой тенденции стал инициированный правительством Швеции Стокгольмский международный форум Холокоста, впервые прошедший 27 января 2000 г. 47 стран отправили на форум свои делегации, 25 из них были представлены главами правительств. Одним из итогов форума стало официальное принятие рядом европейских стран 27 января в качестве национального дня памяти⁵⁶⁰.

Однако, несмотря на то, что память о геноциде евреев становится элементом общественного дискурса различных европейских стран, представляется маловероятным, что Холокост приобретет в них характер фундаментального фактора национальной идентичности, как это имеет место в

⁵⁵⁹ Staas Christian. Was geht uns das noch an? // Zeit-Magazin Nr. 46, 04.11.2010. S. 12.

⁵⁶⁰ 27 января является в Германии официальным днем памяти о жертвах нацизма с 1996 г. Дата приурочена ко дню освобождения узников концлагеря Освенцим в 1945 г.

ФРГ, даже если общественные мероприятия, посвященные Холокосту, и дискурс о преступном прошлом будут набирать силу. По оценке Х. Кёнига, единственной страной, на формирование идентичности которой решающее влияние оказывала и оказывает рефлексия об этом прошлом, является ФРГ⁵⁶¹.

Необходимо добавить, что с переходом от «коммуникативной» к «культурной» модели памяти в Германии происходит определенная детабуизация дискурса о немецких жертвах войны. Опубликованный в 2002 г. роман Гюнтера Грасса «Траектория краба», в центре которого находится судьба пассажиров немецкого лайнера «Вильгельм Густлофф», потопленного советскими подводниками в 1945 г., и их потомков, положил начало появлению целой серии книг, журналов и телепередач о немецких жертвах Второй мировой войны, главным образом, пострадавших от союзнических бомбардировок и депортаций. В художественной и научной литературе и публицистике растет число произведений, посвященных судьбам немецкого мирного населения в финальный период Второй мировой войны. Кроме того, на локальном уровне создается все больше проектов, тематизирующих личный опыт немцев, переживших конец войны. Тем не менее, несмотря на все опасения о возвращении в общественный дискурс немецкой «перспективы жертвы», в новой исторической продукции вина и ответственность Германии за Вторую мировую войну не ставится под сомнение.

Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что сформулированное Г. Люббе в 1983 г. наблюдение, согласно которому научная и общественная проработка нацистской диктатуры с увеличивающейся временной дистанцией не убывает, а возрастает, полностью подтверждается, и сопряженность национальной идентичности ФРГ с памятью о нацистском прошлом по-прежнему остается актуальной и релевантной⁵⁶². В связи с этим стоит

⁵⁶¹ Кёниг Х. Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании ФРГ // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 141.

⁵⁶² Высокая релевантность нацистского прошлого в общественном дискурсе Германии подтверждается целым рядом дискуссий и споров, прошедших после 2000 г. и вызвавших широкий общественный резонанс. Среди наиболее важных из них следует выделить дебаты по поводу провокационных антисемитских высказываний

процитировать нынешнего канцлера Германии Ангелу Меркель: в ходе своего визита в Мемориал немецкого Сопротивления в Берлине 1 июля 2014 г. она отметила, что преступления нацизма обязывают немцев к «непреходящей ответственности не только по отношению к жертвам, но и по отношению к самим себе»⁵⁶³. В свою очередь, президент ФРГ Йоахим Гаук, выступая с речью в бундестаге по случаю 70-летия освобождения концлагеря Освенцим, заявил, что память о нацистских преступлениях «вплетена в текстуру немецкой национальной идентичности». «Память о Холокосте остается делом всех граждан, живущих в Германии. Нет никакой немецкой идентичности без Освенцима», - подчеркнул президент Германии⁵⁶⁴.

Вопрос о перспективах дискурса памяти о нацистском прошлом остается в Германии открытым, однако можно согласиться с историком и культурологом Й. Рюзенем в том, что в обозримом будущем ни один другой нарратив не способен стать его альтернативой и получить в общественном сознании ФРГ столь же фундаментальный, ключевой статус⁵⁶⁵.

немецкого политика Ю. Мёллемана в 2002-2003 гг. (см. Falgner Elisabeth. Die Affäre Jürgen W. Möllemann – Eine vergleichende Inhaltsanalyse von Süddeutscher Zeitung und Frankfurter Allgemeiner Zeitung. – München: Bod Third Party Titles, 2012. – 232 S.), спор, спровоцированный ревизионистскими заявлениями о Холокосте политика М. Хомана в 2003 г. (см. Schenk Fritz. Der Fall Hohmann – Die Dokumentation. – München: Universitas, 2004. – 240 S.) и дискуссия 2010 г. о роли немецких дипломатов в период Третьего рейха, ставшей темой коллективной монографии Э. Конце, Н. Фрая, П. Хейза, М. Циммермана (см. Conze Eckart, Frei Norbert, Hayes Peter, Zimmermann Moshe. Das Amt und die Vergangenheit. Deutsche Diplomaten im Dritten Reich und in der Bundesrepublik. – München: Karl Blessing Verlag, 2010. – 880 S.).

⁵⁶³ Kellerhoff Sven Felix. Merkel erteilt “Schlussstrich”-Denken eine Absage // Die Welt, 01.07.2014.

⁵⁶⁴ Kade Claudia. “Aus dem Erinnern ergibt sich ein Auftrag” // Die Welt, 27.01.2015.

⁵⁶⁵. Die dunkle Spur der Vergangenheit. Psychoanalytische Zugänge zum Geschichtsbewusstsein / Rösen Jörn, Straub Jürgen (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1998. – S. 115.

Список источников и литературы

I. Источники

1.1. Международные официальные документы, договоры и соглашения

1. Gesetz zur Befreiung von Nationalsozialismus und Militarismus vom 5. März 1946, mit Ausführungsvorschriften, Formblättern, der Anweisung für die Auswerter der Meldebogen und der Rangliste in mehrfarbiger Wiedergabe. URL: <http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/History/History-idx?id=History.GesetzBefreiung>
2. Mitteilung über die Dreimächtekonferenz von Berlin («Potsdamer Abkommen») vom 2. August 1945. URL: <http://www.documentarchiv.de/in/1945/potsdamer-abkommen.html>
3. Vertrag über die Grundlagen der Beziehungen zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Deutschen Demokratischen Republik vom 21. Dezember 1972. URL: <http://www.documentarchiv.de/brd/grundlvertr.html>
4. Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Volksrepublik Polen über die Grundlagen der Normalisierung ihrer gegenseitigen Beziehungen vom 7. Dezember 1970 («Warschauer Vertrag»). URL: [http://www.auswaertiges-amt.de/cae/servlet/contentblob/373216/publicationFile/3832/Warschauer%20Vertrag%20\(Text\).pdf](http://www.auswaertiges-amt.de/cae/servlet/contentblob/373216/publicationFile/3832/Warschauer%20Vertrag%20(Text).pdf)
5. Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Deutschen Demokratischen Republik über die Herstellung der Einheit Deutschlands (Einigungsvertrag) vom 31. August 1990. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/einigvtr/gesamt.pdf>

1.2. Официальные документы ФРГ

6. Abkommen zwischen der Bundesrepublik Deutschland und dem Staate Israel («Wiedergutmachungsabkommen») vom 10. September 1952. URL: http://www.1000dokumente.de/pdf/dok_0016_lux_de.pdf
7. Bundesgesetz zur Entschädigung für Opfer der nationalsozialistischen Verfolgung vom 29. Juni 1956. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/beg/index.html>
8. Der Frankfurter Auschwitz-Prozess (1963-1965). Kommentierte Quellenedition / Gross Raphael, Renz Werner (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2013. – 1402 S.
9. Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa. In Verbindung mit Werner Conze, Adolf Diestelkamp, Rudolf Laun, Peter Rassow und Hans Rothfels, bearbeitet von Theodor Schieder / Bundesministerium für Vertriebene, Flüchtlinge und Kriegsgeschädigte (Hrsg.). – München: dtv, 1953-1962. – 5328 S.
10. Gesetz zur Regelung der Rechtsverhältnisse der unter Artikel 131 des Grundgesetzes fallenden Personen vom 11. Mai 1951. URL: http://www.bgbl.de/banzxaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBL#_bgbl_%2F%2F*%5B%40attr_id%3D'bgbl155s0279.pdf'%5D_1410520998369
11. Regierungserklärung des Bundeskanzlers Konrad Adenauer vom 20. September 1949. URL: http://hdg.de/lemo/html/dokumente/JahreDesAufbausInOstUndWest_erklaerungAdenauerRegierungserklaerung1949/index.html
12. Regierungserklärung von Bundeskanzler Dr. Helmut Kohl in der 4. Sitzung des Deutschen Bundestages vom 4. Mai 1983. URL: <http://www.helmut-kohl-kas.de/index.php?msg=1948>

13. Straffreiheitsgesetz vom 31. Dezember 1949. URL:
<http://www.servat.unibe.ch/dfr/bv002213.html#Rn007>
14. Verhandlungen des Deutschen Bundestages. 1. Wahlperiode. Stenographische Berichte Band 14: 240. Sitzung vom 3. Dezember 1952 / Deutscher Bundestag (Hrsg.). – Bonn: Hans Heger, 1952. – S. 11141.
15. Verhandlungen des Deutschen Bundestages. 3. Wahlperiode. Stenographische Berichte Band 46: 117. Sitzung vom 24. Mai 1960 / Deutscher Bundestag (Hrsg.). – Bonn: Hans Heger, 1979. – S. 6680.
16. Verhandlungen des Deutschen Bundestages. 4. Wahlperiode. Stenographische Berichte Band 57: 170. Sitzung vom 10. März 1965 / Deutscher Bundestag (Hrsg.). – Bonn: Hans Heger, 1979. – S. 8516–8571.
17. Verhandlungen des Deutschen Bundestages. 5. Wahlperiode. Stenographische Berichte Band 70: 243. Sitzung vom 26. Juni 1969 / Deutscher Bundestag (Hrsg.). – Bonn: Hans Heger, 1979. – S. 13554–13563.
18. Verhandlungen des Deutschen Bundestages. 8. Wahlperiode. Stenografische Berichte Band 109: 145. Sitzung vom 29. März 1979 / Deutscher Bundestag (Hrsg.). – Bonn: Hans Heger, 1979. – S. 11561–11650.

1.3. Официальные документы ГДР

19. Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik vom 6. April 1968 (in der Fassung vom 7. Oktober 1974). URL:
<http://www.documentarchiv.de/ddr/verfddr.html>

1.4. Информационные и справочные документы

20. Официальный сайт Немецкого исторического музея в Берлине:
<http://www.dhm.de/lemo/>
21. Официальный сайт Дома истории ФРГ: <http://www.hdg.de/>

22.Официальный сайт Федерального центра политического образования:
<http://www.bpb.de>

23.Официальный сайт Фонда Конрада Аденауэра: <http://www.kas.de>

1.5. Статьи, интервью, тексты выступлений и книги представителей научной и общественно-политической элиты послевоенной Германии.

24.«Auschwitz geschah im deutschen Namen durch Deutsche». Auszüge aus der Rede des Bundespräsidenten Richard von Weizsäcker // Süddeutsche Zeitung. 13.10.1988.

25.Auschwitz. Bericht über die Strafsache gegen Mulka und andere vor dem Schwurgericht Frankfurt / Naumann Bernd (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Athenäum Verlag, 1965. – 331 S.

26.Abusch Alexander. Der Irrweg einer Nation. Ein Beitrag zum Verständnis deutscher Geschichte. – Berlin: Aufbau Verlag, 1951. – 289 S.

27.Arendt Hannah. Besuch in Deutschland 1950 // Hannah Arendt. Zur Zeit. Politische Essays / Knott Marie Luise (Hrsg.). – München: dtv, 1986. – S. 43-70.

28.Arendt Hannah. Eichmann in Jerusalem. A Report on the Banality of Evil. – New York: Viking Press, 1963. – 275 p.

29.Assheuer Thomas. Wann begann der Sonderweg? // Frankfurter Rundschau, 08.08.1996.

30.Augstein Rudolf. Die neue Auschwitz-Lüge // «Historikerstreit». Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung / Augstein Rudolf (Hrsg.). – München: Piper Verlag, 1987 – S. 196-203.

31. Der Auschwitz-Prozess. Eine Dokumentation. 2 Bde. / Langbein Hermann (Hrsg.). – Wien: Europa Verlag, 1965. – 1027 S.
32. Bamm Peter. Die unsichtbare Flagge: Ein Bericht. München: Kösel-Verlag, 1952. – 372 S.
33. Bartov Omer, Brink Cornelia, Hirschfeld Gerhard, Kahlenberg Friedrich P., Messerschmidt Manfred, Rürup Reinhard, Streit Christian, Thamer Hans-Ulrich. Bericht der Kommission zur Überprüfung der Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944». URL: <http://www.his-online.de/index.php?eID=trackdown&uid=438&cHash=f6a8ded505a5a24cfl dc092d8788a860>.
34. Bilanz einer Ausstellung. Dokumentation der Kontroverse um die Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944» in München, Galerie im Rathaus 25.2. bis 6.4.1997 / Kulturreferat der Landeshauptstadt München (Hrsg.). – München: Droemer Knaur, 1998. – 308 S.
35. Bracher Karl Dietrich. Die deutsche Diktatur. – Köln: Kiepenheuer, 1969. – 580 S.
36. Broszat Martin. Der Staat Hitlers. Grundlegung und Entwicklung seiner inneren Verfassung. – München: dtv, 1969. – 472 S.
37. Bubis Ignatz, Korn Salomon, Schirmmacher Frank, Walser Martin. Wir brauchen eine neue Sprache für die Erinnerung // FAZ, 14.12.1998.
38. Bubis Ignatz. Wer von der Schande spricht. Eine Rede zum 9. November // FAZ, 10.11.1998.
39. Carell Paul. Unternehmen Barbarossa. – Frankfurt am Main: Ullstein, 1963. – 575 S.
40. CSU attackiert das Rathaus // Süddeutsche Zeitung, 15.02.1997 // Wehrmachtsverbrechen. Eine deutsche Kontroverse / Prantl Heribert (Hrsg.). – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1997. – S. 246.

41. Die Wehrmachtsausstellung. Dokumentation einer Kontroverse. Dokumentation der Fachtagung in Bremen am 26. Februar 1997 und der Bundestagsdebatte am 13. März und 24. April 1997 / Thiele Hans-Günther (Hrsg.). – Bonn: Bundezentrale für politische Bildung, 1997. – 224 S.
42. Dohnanyi Klaus. Eine Friedensrede // FAZ, 14.11.1998.
43. Dombrowski Erich. 8. Mai 1945 // FAZ, 07.05.1955.
44. Ebel Martin. Unser Auschwitz // Zeitung zum Sonntag, 18.10.1998.
45. Fest Joachim. Die geschuldete Erinnerung. Zur Kontroverse über die Unvergleichbarkeit der nationalsozialistischen Massenverbrechen // «Historikerstreit». Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung / Augstein Rudolf (Hrsg.). – München: Piper Verlag, 1987 – S. 100-112.
46. Frei Norbert. Ein Volk von «Endlösern»? // Süddeutsche Zeitung, 13.04.1996.
47. Freund Michael. Die Wochen, die ein Jahrtausend zerstörten // Die Zeit, 05.05.1955.
48. Gauweiler Peter. Die Sache mit Goldhagen – Ein deutsches Phänomen // Bayernkurier, 12.10.1996.
49. Gilcher-Holtey Ingrid. Die Mentalität der Täter // Zeit, 07.06.1996.
50. Goldhagen Daniel J. Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust. – New York: Alfred A. Knopf, 1996. – 619 S.
51. Goldhagen Daniel J. Offener Brief an den deutschen Buchhandel // Börsenblatt des Deutschen Buchhandels. Nr. 37. 08.05.1996 // Kött Martin. Goldhagen in der Qualitätspresse. Eine Debatte über «Kollektivschuld» und «Nationalcharakter» der Deutschen. – Konstanz: UKV, 1999. – S. 136.
52. Goldhagen Daniel J. Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. – Berlin: Siedler Verlag, 1996. – 728 S.
53. Grass Günter. Kurze Rede eines vaterlandslosen Gesellen // Zeit, 09.02.1990.
54. Habermas Jürgen. Eine Art Schadensabwicklung. Die apologetischen Tendenzen in der deutschen Zeitgeschichtsschreibung // «Historikerstreit». Die

- Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung / Augstein Rudolf (Hrsg.). – München: Piper Verlag, 1987 – S. 63-76.
- 55.Habermas Jürgen. Vom öffentlichen Gebrauch der Historie. Das offizielle Selbstverständnis der Bundesrepublik bricht auf // «Historikerstreit». Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung / Augstein Rudolf (Hrsg.). – München: Piper Verlag, 1987 – S. 243-255.
- 56.Habermas Jürgen. Warum ein «Demokratiepreis» für Daniel J. Goldhagen? Eine Laudatio // Die Zeit, 14.03.1997.
- 57.Halder Franz. Hitler als Feldherr. – München: Münchener Dom-Verlag, 1949. – 63 S.
- 58.Haug Wolfgang Fritz. Der hilflose Antifaschismus. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1967. – 159 S.
- 59.Heer Hannes. Die große Tautologie // taz, 04.09.1996.
- 60.Heer Hannes. Eröffnung der Ausstellung in Karlsruhe // Eine Ausstellung und ihre Folgen. Zur Rezeption der Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944» / Hamburger Institut für Sozialforschung (Hrsg.). – Hamburg: Hamburger Edition, 1998. – S. 106-116.
- 61.Herbert Ulrich. Aus der Mitte der Gesellschaft // Zeit, 14.06.1996.
- 62.Heuss Theodor. Das Mahnmal (Rede anlässlich der Einweihung der Gedenkstätte Bergen-Belsen am 30. November 1952) // Heuss Theodor. Die großen Reden. Bd. 2.: Der Staatsmann. – Tübingen: Wunderlich, 1965. – S. 224-230.
- 63.Hillgruber Andreas. Hitlers Strategie. – Frankfurt am Main: Bernard & Graefe, 1965. – 715 S.
- 64.Hillgruber Andreas. Zweierlei Untergang: Die Zerschlagung des Deutschen Reiches und das Ende des europäischen Judentums. – Berlin: Siedler Verlag, 1986. – 110 S.

65. Jäckel Eberhard. Die elende Praxis der Untersteller. Das Einmalige der nationalsozialistischen Verbrechen läßt sich nicht leugnen // «Historikerstreit». Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung / Augstein Rudolf (Hrsg.). – München: Piper Verlag, 1987. – S. 115-122.
66. Jäckel Eberhard. Hitlers Weltanschauung. Entwurf einer Herrschaft. Tübingen: Wunderlich, 1969. – 160 S.
67. Janssen Karl-Heinz. Als Soldaten Mörder wurden // Die Zeit, 17.03.1995.
68. Jaspers Karl. Die Schuldfrage. – Heidelberg: Lambert Schneider, 1945. – 106 S.
69. Joffe Josef. «Die Killer waren normale Deutsche, also waren die normalen Deutschen Killer» // Ein Volk von Mördern? Die Dokumentation zur Goldhagen-Kontroverse um die Rolle der Deutschen im Holocaust / Schoeps Julius H. (Hrsg.). – Hamburg, 1996. – S. 162-167.
70. Joffe Joseph. Das Goldhagen-Phänomen // Süddeutsche Zeitung, 11.09.1996.
71. Jung Carl Gustav. Werden die Seelen Frieden finden? Ein Interview mit dem Psychologen Prof. Dr. C.G. Jung // Weltwoche, 11.05.1945.
72. Kade Claudia. «Aus dem Erinnern ergibt sich ein Auftrag» // Die Welt, 27.01.2015.
73. Kellerhoff Sven Felix. Merkel erteilt «Schlussstrich»-Denken eine Absage // Die Welt, 01.07.2014.
74. Koch Gertrud. Eine Welt aus Willen und Vorstellung // Frankfurter Rundschau, 30.04.1996.
75. Kogon Eugen. Der SS-Staat. – Frankfurt am Main: Europäische Verlagsanstalt, 1946. – 416 S.
76. Konsalik Heinz. Der Arzt von Stalingrad. – München: Kindler, 1957. – 488 S.
77. Korn Salomon. Es ist Zeit. Die andere Seite des Walser-Bubis-Streits // FAZ, 01.12.1998.

- 78.Lafontaine Oskar. Die Gesellschaft der Zukunft. Reformpolitik in einer veränderten Welt. – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1988. – 271 S.
- 79.Lehming Malte. Bekenntniszwang // Der Tagesspiegel, 15.04.1996.
- 80.Leicht Robert. D.J. Goldhagens Buch ist ein Urteil, kein Gutachten // Die Zeit, 06.09.1996.
- 81.Leicht Robert. Nur das Hinsehen macht uns frei. Wir und unsere Vergangenheit: Die deutsche Geschichte lässt sich nicht retuschieren // «Historikerstreit». Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung / Augstein Rudolf (Hrsg.). – München: Piper Verlag, 1987 – S. 361-366.
- 82.Leicht Robert. Warum Walser irrt. Auch die Nachgeborenen haften für das Erbe von Auschwitz // Zeit, 03.12.1998.
- 83.Malgre Frank. Des Teufels Pädagogen // FU-Spiegel (52). – Berlin: Allgemeiner Studenten-Ausschuss der Freien Universität, 1966. – S. 20.
- 84.Manstein Erich von. Verlorene Siege. – Bonn: Athenäum, 1957. – 664 S.
- 85.Meinecke Friedrich. Die deutsche Katastrophe. Betrachtungen und Erinnerungen. – Wiesbaden: Brockhaus, 1946. – 177 S.
- 86.Meyer Fritjof. Ein Volk von Dämonen? // Der Spiegel, 20.06.1996.
- 87.Mitscherlich Alexander, Mitscherlich Margarete. Die Unfähigkeit zu trauern. Grundlagen kollektiven Verhaltens. – München Piper Verlag, 1967. – 369 S.
- 88.Mommsen Hans. Die Schuld der Gleichgültigen // Süddeutsche Zeitung, 20.07.1996.
- 89.Mommsen Hans. Einleitung // Finkelstein Norman G., Birn Ruth Bettina: Eine Nation auf dem Prüfstand. Die Goldhagen-These und die historische Wahrheit. – Hildesheim: Claassen, 1998. – S. 9-22.
- 90.Musial Bogdan. Bilder einer Ausstellung. Kritische Anmerkungen zur Wanderausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944» // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. Jg. 47. – München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1999. – S. 563-591.

91. Niroumand Miriam. Little Historians // taz, 13.04.1996.
92. Nolte Ernst. Die Sache auf den Kopf gestellt. Gegen den negativen Nationalismus in der Geschichtsbetrachtung // «Historikerstreit». Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung / Augstein Rudolf (Hrsg.). – München: Piper Verlag, 1987. – S. 223-231.
93. Nolte Ernst. Vergangenheit, die nicht vergehen will. Eine Rede, die geschrieben, aber nicht gehalten werden konnte // «Historikerstreit». Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung / Augstein Rudolf (Hrsg.). – München: Piper Verlag, 1987. – S. 13-35.
94. Nolte Jost. Sisyphos ist Deutscher // Die Welt, 16.04.1996.
95. Obenaus Herbert. Stasi kommt – Nazi geht? // Zeit, 31.07.1992.
96. Rau Johannes. Rede zu Inge Deutschkron aus Anlass der Veranstaltung «Grenzdenker», 11.03.2001. URL: http://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Johannes-Rau/Reden/2001/03/20010311_Rede.html
97. Raulff Ulrich. Herz der Finsternis // FAZ, 16.08.1996.
98. Raulff Ulrich. Schock-Wellen // FAZ, 01.09.1999.
99. Reemtsma Jan Philipp. Die Mörder waren unter uns // Süddeutsche Zeitung, 24.08.1996.
100. Reemtsma Jan Philipp. Eröffnungsrede zur Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944» in Hamburg // Krieg ist ein Gesellschaftszustand. Reden zur Eröffnung der Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944». – Hamburg: Hamburger Institut für Sozialforschung, 1998. – S. 8-13.
101. Reinecke Stefan. Unbehagen. Gedenkkultur – Martin Walser und die Politik: eine Missverständnis // Freitag, 23.10.1998.

102. Ritter Gerhard. Europa und die deutsche Frage. – München: München Verlag, 1948. – 207 S.
103. Ritter Gerhard. Geschichte als Bildungsmacht: Ein Beitrag zur historisch-politischen Neubesinnung. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1946. – 54 S.
104. Salomon Ernst von. Der Fragebogen. – Hamburg: Rowohlt, 1951. – 807 S.
105. Schirmmacher Frank. Hitlers Code // FAZ, 15.04.1996.
106. Schlink Bernhard. Vergangenheitsschuld. Beiträge zu einem deutschen Thema. – Zürich: Diogenes, 2007. – 192.
107. Schoeps Julius H. Vom Rufmord zum Massenmord // Zeit, 26.04.1996.
108. Schorlemmer Friedrich. Leute über die man spricht // FAZ, 18.10.1998.
109. Schumacher Kurt. «Wir verzweifeln nicht» // Schumacher Kurt. Reden-Schriften-Korrespondenz, 1945–1952 / Albrecht Willy (Hrsg.). – Berlin: J. J. W. Dietz, 1985. – S. 203-236.
110. Schütte Wolfram. Nach Goldhagen // Frankfurter Rundschau, 10.09.1996.
111. Semler Christian. Provokateur auf Tour // taz, 07.09.1996.
112. Sturmfall Florian. Wie Deutsche diffamiert werden. Bayernkurier, 20.02.1997 // Wehrmachtsverbrechen. Eine deutsche Kontroverse / Prantl Heribert (Hrsg.). – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1997. – S. 25.
113. Thorwald Jürgen. Das Ende an der Elbe. – Klagenfurt: Buch und Welt, 1950. – 400 S.
114. Thorwald Jürgen. Es begann an der Weichsel. – Stuttgart: Steingrüben, 1953. – 275 S.
115. Ulbricht Walter. Der faschistische deutsche Imperialismus (1933 – 1945). Die Legende vom «deutschen Sozialismus». – Berlin: Dietz Verlag, 1952. – 115 S.

116. Ulbricht Walter. Die Legende vom «deutschen Sozialismus». – Berlin: Neuer Weg, 1945. – 95 S.
117. Ullrich Volker. Vertraute Töne // Zeit, 14.06.1996.
118. Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941-1944. Ausstellungskatalog. – Hamburg: Hamburger Institut für Sozialforschung, 2002. – 749 S.
119. Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944. Ausstellungskatalog / Hamburger Institut für Sozialforschung (Hrsg.). – Hamburg: Hamburger Edition, 1996. – 222 S.
120. Walser Martin. Die Banalität des Guten. Erfahrungen beim Verfassen einer Sonntagsrede aus Anlaß der Verleihung des Friedenspreises der Deutschen Buchhandels // FAZ, 12.10.1998.
121. Wehler Hans-Ulrich. Kritisches Goldrähmchen // Berliner Zeitung, 12.12.1998.
122. Wehler Hans-Ulrich. Wie ein Stachel im Fleisch // Zeit. 25.05.1996.
123. Weizsäcker Richard von. Zum 40. Jahrestag der Beendigung des Krieges in Europa und der nationalsozialistischen Gewaltherrschaft. Rede des Bundespräsidenten der Bundesrepublik Deutschland am 8. Mai 1985 in der Gedenkstunde im Plenarsaal des Deutschen Bundestages. URL: http://www.hdg.de/lemo/html/dokumente/NeueHerausforderungen_redeVollstaendigRichardVonWeizsaecker8Mai1985/index.html
124. Winkler Heinrich August. Auf ewig in Hitlers Schatten? // Frankfurter Rundschau, 14.11.1986.
125. Wortlaut der Rede des Bundestagspräsidenten Dr. Philipp Jenninger vom 10. November 1988 im Deutschen Bundestag zum Thema Pogrome vom 9. und 10. November 1938. URL: http://scandalpress.com/19881110_jenninger.htm

126. Адорно Теодор. Что значит «проработка прошлого?» // «Неприкосновенный запас» 2005, №2-3(40-41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ado4.html>

II. Литература

127. Art David. The Politics of the Nazi Past in Germany and Austria. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 246 p.
128. «Auschwitz erst möglich gemacht?»: Überlegungen zur jüngsten konservativen Geschichtsbewältigung / Donat Helmut, Wieland Lothar (Hrsg.). – Bremen: Donat, 1991. – 214 S.
129. 1945 – der Krieg und seine Folgen: Kriegsende und Erinnerungspolitik in Deutschland / Asmuss Burkhard, Kufeke Kay (Hrsg.). – Berlin: DruckVerlag Kettler, 2005. – 256 S.
130. Assmann Aleida, Frevert Ute. Geschichtsvergessenheit – Geschichtsversessenheit. Vom Umgang mit deutschen Vergangenheiten nach 1945. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1999. – 240 S.
131. Assmann Aleida. Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. – München: C. H. Beck, 2006. – 320 S.
132. Aufarbeitung der Diktatur – Diktat der Aufarbeitung?: Normierungsprozesse beim Umgang mit diktatorischer Vergangenheit / Hammerstein Katrin Mählert Ulrich, Trappe Julia, Wolfrum Edgar (Hrsg.). – Göttingen: Wallstein, 2009. – 323 S.
133. Balkenohl Stephan. Die Kontroverse um die Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944» in Münster. Eine qualitative Auswertung der Reaktionen. – Münster: Lit Verlag, 2000. – 128 S.

134. Barth Fredrik. Models of social organization. Occasional Paper No. 23 – London: Royal Anthropological Institute, 1966. – 32 S.
135. Beckermann Ruth. Jenseits des Krieges. Ehemalige Wehrmachtssoldaten erinnern sich. – Wien: Döcker Verlag, 1998. – 147 S.
136. Beleites Michael. Isolierte Aufarbeitung? Zur zweigleisigen Erinnerungskultur in Deutschland und ihren Folgen // Aufarbeitung der Diktatur – Diktat der Aufarbeitung?: Normierungsprozesse beim Umgang mit diktatorischer Vergangenheit / Hammerstein Katrin, Mählert Ulrich, Trappe Julia, Wolfrum Edgar (Hrsg.). – Göttingen: Wallstein, 2009. – S. 48-58.
137. Bender Peter. Deutschlands Wiederkehr: eine ungeteilte Nachkriegsgeschichte 1945-1990. – Stuttgart: Klett-Cotta, 2007. – 333 S.
138. Benner Thorsten, Köster Claudius R. Auf ewig Sisypheos? Die Goldhagen-Debatte und die politische Kultur der Berliner Republik // Sozialwissenschaftliche Informationen 26 (1). – Seezle-Velber: PZ Pädagogika Zentrale, 1997. – S. 55-64.
139. Bergem Wolfgang. Identitätsformationen in Deutschland. – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2005. – 396 S.
140. Bergem Wolfgang. Nationale Identität – Fatum oder Fiktion? // Die nationale Identität der Deutschen: Philosophische Imaginationen und historische Mentalitäten / Bialas Wolfgang (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2002. – S. 15-55.
141. Bergem Wolfgang. Barbarei als Sinnstiftung? Das NS-Regime in Vergangenheitspolitik und Erinnerungskultur der Bundesrepublik // Die NS-Diktatur im deutschen Erinnerungsdiskurs / Bergem Wolfgang (Hrsg.). – Opladen: Verlag für Sozialwissenschaften, 2003. – S. 81-104.
142. Beyme Klaus von. Kulturpolitik und nationale Identität: Studien zur Kulturpolitik zwischen staatlicher Steuerung und gesellschaftlicher Autonomie. – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 1998. – 260 S.

143. Bialas Wolfgang. Antifaschismus als Sinnstiftung. Konturen eines ostdeutschen Konzepts // Die NS-Diktatur im deutschen Erinnerungsdiskurs / Bergem Wolfgang (Hrsg.). – Opladen: Verlag für Sozialwissenschaften, 2003. – S. 151-170.
144. Biermann Tim. «Fischer-Kontroverse» // Lexikon der «Vergangenheitsbewältigung» in Deutschland. Debatten- und Diskursgeschichte des Nationalsozialismus nach 1945 / Fischer Torben, Lorenz Matthias N. (Hrsg.). – Bielefeld: Transcript, 2007. – S. 151-153.
145. Bitburg in Moral and Political Perspective / Hartmann Geoffrey H. (ed.). – Bloomington: Indiana University Press, 1986. – 304 p.
146. Brauner-Orthen Alice. Die Neue Rechte in Deutschland. Antidemokratische und rassistische Tendenzen. – Opladen: Leske und Budrich, 2001. – 208 S.
147. Breitenstein Rolf. Die gekränkte Nation. Geschichte und Zukunft der Deutschen in Europa. – München: Universitas, 1996. – 328 S.
148. Brenner Michael. 1990: Die DDR und die Schoa. Unsere Serie über die Geschichte der Juden in Deutschland nach 1945 // Jüdische Allgemeine, 12.09.2013. URL: <http://www.juedische-allgemeine.de/article/view/id/17022>
149. Brodesser Hermann-Josef, Fehn Bernd Josef, Franosch Tilo, Wirth Wilfried. Wiedergutmachung und Kriegsfolgenliquidation. Geschichte – Regelungen – Zahlungen. – München: C. H. Beck, 2000. – 251 S.
150. Broszat Martin. Der Staat Hitlers. Grundlegung und Entwicklung seiner inneren Verfassung. – München: dtv, 1969. – 472 S.
151. Brumlik Micha, Funke Hajo, Rensmann Lars. Umkämpftes Vergessen. Walser-Debatte, Holocaust-Mahnmal und neuere deutsche Geschichtspolitik. – Kempten: H. Schiller, 2004. – 200 S.
152. Brumlik Micha. Deutscher Geist und Judenass. – München: Luchterhand, 2000. – 351 S.

153. Brunold Robin. Der Umgang mit der NS-Vergangenheit in der Ära Adenauer. URL: <http://www.geschichte-lernen.net/aera-adenauer-umgang-ns-vergangenheit/>
154. Brunssen Frank. Das neue Selbstverständnis der Berliner Republik. – Würzburg: Königshausen u. Neumann, 2005. – 169 S.
155. Buchheim Hans, Broszat Martin, Jacobsen Hans-Adolf, Krausnick Helmut. Anatomie des SS-Staates. 2 Bde. – Olten: Walter Verlag, 1965. – 694 S.
156. Caysa Volker. Kultur – Nation – Europa. Nationalkulturelle Identitäten auf einem imaginären Kontinent. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. – 218 S.
157. Conze Eckart, Frei Norbert, Hayes Peter, Zimmermann Moshe. Das Amt und die Vergangenheit. Deutsche Diplomaten im Dritten Reich und in der Bundesrepublik. – München: Karl Blessing Verlag, 2010. – 880 S.
158. Conze Werner. Die deutsche Nation. Ergebnis der Geschichte. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1963. – 167 S.
159. Cornelißen Christoph. Erinnerungskulturen // Zeitgeschichte – Konzepte und Methoden / Bösch Frank, Danyel Jürgen (Hrsg.). – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2012. – S. 166-186.
160. Crawshaw Steve. Ein leichteres Vaterland. Deutschlands Weg zu einem neuen Selbstverständnis. – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2005. – 310 S.
161. Das deutsche Problem in der neueren Geschichte / Aretin Karl Otmar (Hrsg.). – München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1997. – 176 S.
162. Süß Winfried. «Wer aber denkt für das Ganze?» Aufstieg und Fall der ressortübergreifenden Planung im Bundeskanzleramt // Demokratisierung und gesellschaftlicher Aufbruch. Die sechziger Jahre als Wendezeit der Bundesrepublik / Frese Matthias, Paulus Julia, Teppe Karl (Hrsg.). – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2003. – S. 241-273.

163. Der Holocaust im Leben von drei Generationen. Familien von Überlebenden der Shoah und von Nazi-Tätern / Rosenthal Gabriele (Hrsg.). – Gießen: Psychosozial-Verlag, 1999. – 461 S.
164. Der Krieg der Erinnerung. Holocaust, Kollaboration und Widerstand im europäischen Gedächtnis / Welzer Harald (Hrsg.). – Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 2007. – 293 S.
165. Der Krieg in der Nachkriegszeit. Der Zweite Weltkrieg in Politik und Gesellschaft der Bundesrepublik / Greven Michael, Wrochem Oliver von (Hrsg.). – Opladen: Leske und Budrich, 2000. – 369 S.
166. Der Nationalsozialismus – die zweite Geschichte: Überwindung, Deutung, Erinnerung / Reichel Peter (Hrsg.). – München: C. H. Beck, 2009. – 496 S.
167. Die Identität der Deutschen / Weidenfeld Werner (Hrsg.). – Bonn: Goldmann Verlag, 1984. – 350 S.
168. Die Intellektuellen und die nationale Frage / Langguth Gerd (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 1997. – 346 S.
169. Die Last der Geschichte: Kontroversen zur deutschen Identität / Gauly Thomas M. (Hrsg.). – Köln: Wissenschaft und Politik, 1988. – 180 S.
170. Die nationale Identität der Deutschen. Philosophische Imaginationen und historische Mentalitäten / Bialas Wolfgang (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2002. – 304 S.
171. Die neue deutsche Ideologie: Einsprüche gegen die Entsorgung der Vergangenheit / Eschenhagen Wieland (Hrsg.). – Darmstadt: Luchterhand, 1988. – 235 S.
172. Die NS-Diktatur im deutschen Erinnerungsdiskurs / Bergem Wolfgang (Hrsg.). – Opladen: Verlag für Sozialwissenschaften, 2003. – 243 S.
173. Die Politik der Nation: Deutscher Nationalismus in Krieg und Krisen 1760 bis 1960 / Echternkamp Jörg, Müller Oliver (Hrsg.). – München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2002. – 302 S.

174. Die selbstbewusste Nation / Schwilk Heimo, Schacht Ulrich (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Ullstein Verlag, 1994. – 470 S.
175. Dietzel Friederike. Die Walser-Bubis-Kontroverse // Hallische Beiträge zur Zeitgeschichte 10. – Halle: Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, 2000. – S. 48-56.
176. Diner Dan. Einleitung des Herausgebers // Ist der Nationalsozialismus Geschichte? Zu Historisierung und Historikerstreit / Diner Dan (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1987. – S. 3-16.
177. Dubiel Helmut. Niemand ist frei von der Geschichte: Die nationalsozialistische Herrschaft in den Debatten des Deutschen Bundestages. – München: Carl Hanser, 1999. – 304 S.
178. Eberan Barbro. Luther? Friedrich der Grosse? Wagner? Nietzsche? Wer war an Hitler schuld? Die Debatte um die Schuldfrage 1945-1949. – München: Minerva, 1983. – 281 S.
179. Eichstädt Saskia. Einfluss kultureller Traumatisierung auf die nationale Identität der Deutschen – am Beispiel des Holocaust. – München: Grin Verlag, 2013. – 24 S.
180. Ein neues Deutschland? Zur Physiognomie der Berliner Republik / Bohrer Karl Heinz, Scheel Kurt (Hrsg.). – Stuttgart: Klett-Cotta, 2006. – 1006 S.
181. Einigkeit und Recht und Freiheit: Deutscher Patriotismus in Europa / Rößler Matthias (Hrsg.). – Freiburg im Breisgau: Verlag Herder, 2006. – 288 S.
182. Eitz Thorsten, Stötzel Georg. Wörterbuch der Vergangenheitsbewältigung. Die NS-Vergangenheit im öffentlichen Sprachgebrauch. – Hildesheim: Georg Olms, 2007. – 786 S.
183. Elsässer Jürgen. Der deutsche Sonderweg. Historische Last und politische Herausforderung. – München: Diederichs, 2003. – 192 S.

184. Erinnern oder Verweigern. Das schwierige Thema Nationalsozialismus / Benz Wolfgang, Distel Barbara (Hrsg.). – München: Verlag Dachauer Hefte, 1994. – 239 S.
185. Erinnerungsarbeit: Geschichte und demokratische Identität in Deutschland / Ruppert Wolfgang (Hrsg.). – Opladen: Leske und Budrich Verlag, 1982. – 198 S.
186. Erinnerungskulturen. Deutschland, Italien und Japan seit 1945 / Brandt Susanne, Cornelißen Christoph, Klinkhammer Lutz, Schwentker Wolfgang (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2003. – 368 S.
187. Erll Astrid. Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. Eine Einführung. –Stuttgart: Metzler, 2005. – 216 S.
188. Eschebach Insa. Öffentliches Gedenken. Deutsche Erinnerungskulturen seit der Weimarer Republik. – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2005. – 225 S.
189. Estel Bernd. Grundaspekte der Nation // Das Prinzip Nation in modernen Gesellschaften. Länderdiagnosen und Theoretische Perspektiven / Estel Bernd, Mayer Tilman (Hrsg.). – Opladen: Verlag für Sozialwissenschaften, 1994. – S. 13-81.
190. Estel Bernd. Nation und nationale Identität: Versuch einer Rekonstruktion. – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2002. – 520 S.
191. Ethnic groups and boundaries. The social organization of culture difference / Barth Fredrik (Ed.). – Oslo: Universitetsforlaget, 1969. – 153 S.
192. Evans Richard J. Im Schatten Hitlers? Historikerstreit und Vergangenheitsbewältigung in der Bundesrepublik. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1991. – 283 S.
193. Falgner Elisabeth. Die Affäre Jürgen W. Möllemann – Eine vergleichende Inhaltsanalyse von Süddeutscher Zeitung und Frankfurter Allgemeiner Zeitung. – München: Bod Third Party Titles, 2012. – 232 S.

194. Falter Jürgen W. Die Deutschen und die Nation // Die Zukunft der Nation: Wer sind wir Deutschen? Was müssen wir sein? Neuntes gesellschaftspolitisches Forum der Banken. – Berlin: Bundesverband deutscher Banken, 2002. – S. 63-67.
195. Fehrenbach Heide. Cinema in democratizing Germany: Reconstructing national identity after Hitler. – Chapel Hill, N.C.: University of North Carolina Press, 1995. – 384 S.
196. Finkelstein Norman G. The Holocaust Industry: Reflections on the Exploitation of Jewish Suffering. – London: Verso, 2003. – 288 p.
197. Fischer Ludwig. Die Zeit von 1945 bis 1967 als Phase der Literatur- und Gesellschaftsentwicklung // Literatur in der Bundesrepublik Deutschland bis 1967 / Fischer Ludwig (Hrsg.). – München: dtv, 1986. S. 29-96.
198. Förster Jürgen. Der historische Ort des Unternehmens Barbarossa // Der Zweite Weltkrieg. Analyse – Grundzüge – Forschungsbilanz / Michalka Wolfgang (Hrsg.). –München: Piper, 1989. – S. 626-640.
199. Frei Norbert. Der Frankfurter Auschwitz-Prozess und die deutsche Zeitgeschichtsforschung // Auschwitz: Geschichte, Rezeption und Wirkung. Jahrbuch 1996 zur Geschichte und Wirkung des Holocaust. – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 1996 – S. 123-138.
200. Frei Norbert. 1945 und wir. Das Dritte Reich im Bewusstsein der Deutschen. – München: C. H. Beck, 2005. – 224 S.
201. Frei Norbert. 1968. Jugendrevolte und globaler Protest. – München: dtv, 2008. – 288 S.
202. Frei Norbert. Goldhagen, die Deutschen und die Historiker. Über die Repräsentation des Holocaust im Zeitalter der Visualisierung // Zeitgeschichte als Streitgeschichte. Große Kontroversen seit 1945 / Sabrow Martin, Jessen Ralph, Kracht Klaus G. (Hrsg.). – München: C. H. Beck, 2003. – S. 138-151.
203. Frei Norbert. Vergangenheitspolitik. Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. – München: C.H. Beck, 1996. – 430 S.

204. Fröhlich Claudia. Rückkehr zur Demokratie – Wandel der politischen Kultur in der Bundesrepublik // Reichel Peter, Schmid Harald, Steinbach Peter (Hrsg.). Der Nationalsozialismus: die zweite Geschichte. Überwindung, Deutung, Erinnerung / Reichel Peter (Hrsg.). – München: C. H. Beck, 2009. – S. 105-126.
205. Fulbrook Mary. German national identity after the Holocaust. – Cambridge: Polity Press, 1999. – 256 S.
206. Gebrochene Identitäten. Zur Kontroverse um kollektive Identitäten in Deutschland, Israel, Südafrika, Europa und im Identitätskampf der Kulturen / Gephart Werner, Saurwein Karl-Heinz (Hrsg.). – Opladen: Leske und Budrich, 1999. – 169 S.
207. Geisel Eike. Die Banalität der Guten. Deutsche Seelenwanderungen. – Berlin: Edition Tiamat, 1992. – 175 S.
208. Geisel Eike. Triumph des guten Willens. Gute Nazis und selbsternannte Opfer. Die Nationalisierung der Erinnerung. – Berlin: Edition Tiamat, 1998. – 208 S.
209. Geistige Brandstiftung? Die Walser-Bubis-Debatte / Wiegel Gerd, Klotz Johannes (Hrsg.). – Köln: PapyRossa-Verlag, 1999. – 140 S.
210. Gerber Jan. Auf der Suche nach Normalität. Der Antizionismus der westdeutschen Stadtguerilla // Hallische Beiträge zur Zeitgeschichte 10. – Halle: Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, 2000. – S. 5-42.
211. Gerlach Christian. Krieg, Ernährung, Völkermord: Deutsche Vernichtungspolitik im Zweiten Weltkrieg. – Hamburg: Hamburger Edition, 1998. – 308 S.
212. Geschichte und Geschehen – Oberstufe. Themenheft Wurzeln unserer Identität: Nationalsozialismus und deutsches Selbstverständnis. – Stuttgart: Klett, 2012. – 144 S.

213. Geschichtsbewusstsein der Deutschen. Materialien zur Spurensuche einer Nation / Weidenfeld Werner (Hrsg.). – Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1987. – 255 S.
214. Giesen Bernhard. Die Intellektuellen und die Nation. Eine deutsche Achsenzeit. –Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1993. – 280 S.
215. Gilcher-Holtey Ingrid. Die 68er Bewegung. Deutschland – Westeuropa – USA. – München: C. H. Beck, 2001. – 128 S.
216. Giordano Ralph. Die zweite Schuld oder von der Last ein Deutscher zu sein. – Berlin: Volk und Welt, 1990. – 377 S.
217. Glaser Hermann. Deutsche Kultur 1945 – 2000. – Frankfurt am Main: Büchergilde Gutenberg, 1999. – 574 S.
218. Görtemaker Manfred. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. – München: C.H. Beck, 1999. – 915 S.
219. Greiner Bernd. Bruch-Stücke. Sechs westdeutsche Beobachtungen nebst unfertigen Deutungen // Hamburger Institut für Sozialforschung (Hrsg.) Eine Ausstellung und ihre Folgen. Zur Rezeption der Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944». – Hamburg: Hamburger Edition, 1999. – S. 15-86.
220. Greve Michael. Der justitielle und rechtspolitische Umgang mit den NS-Gewaltverbrechen in den sechziger Jahren. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2001. – 438 S.
221. Gröschler Wiebke. Der Wandel eines Täterbildes. Von der ersten zur zweiten «Wehrmachtsausstellung». – Köln: PapyRossa, 2008. – 167 S.
222. Gross Raphael, Renz Werner. Vorwort // Der Frankfurter Auschwitz-Prozess (1963-1965). Kommentierte Quellenedition / Gross Raphael, Renz Werner (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2013. - S. 7-16.
223. Grosser Alfred. Deutschland in Europa. – Berlin: Quadriga, 1998. – 255 S.
224. Grosser Alfred. Mit Deutschen streiten. – München: dtv, 1995. – 312 S.

225. Gutte Rolf, Huisken Freerk. Alles bewältigt, nichts begriffen!: Nationalsozialismus im Unterricht. – Hamburg: VSA, 2007. – 300 S.
226. Halbwachs Maurice. Das Gedächtnis und seine sozialen Bedingungen. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1985. – 398 S.
227. Halbwachs Maurice. Das kollektive Gedächtnis. – Berlin: Fischer Taschenbuch Verlag, 1991. – 163 S.
228. Hallwirth Uta. Auf der Suche nach einer neuen Identität? Zum nationalen Selbstverständnis in der westdeutschen Presse 1945-1955. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 1987. – 299 S.
229. Hammerstein Katrin. Schuldige Opfer? Der Nationalsozialismus in den Gründungsmythen der DDR, Österreichs und der Bundesrepublik Deutschland // Nationen und ihre Selbstbilder. Postdiktatorische Gesellschaften in Europa / Sachse Carola, Wolfrum Edgar, Fritz Regina (Hrsg.). – Göttingen: Wallstein, 2008. – S. 39-61.
230. Hartmann Christian. Wehrmacht im Ostkrieg. Front und militärisches Hinterland 1941/42. – München: Oldenbourg, 2009. – 936 S.
231. Hawel Marcus. Die normalisierte Nation. Vergangenheitsbewältigung und Außenpolitik in Deutschland. – Hannover: Offizin Verlag, 2007. – 448 S.
232. Heer Hannes. Bittere Pflicht. Der Rassenkrieg der Wehrmacht und seine Voraussetzungen // Die Wehrmacht im Rassenkrieg. Der Vernichtungskrieg hinter der Front / Manoschek Walter (Hrsg.). – Wien: Picus, 1996. – S. 116-141.
233. Heer Hannes. The Head of Medusa: The Controversy Surrounding the Exhibition «War of Annihilation: Crimes of the Wehrmacht, 1941 to 1944» // The Discursive Construction of History. Remembering the Wehrmacht's War of Annihilation / Heer Hannes, Manoschek Waler, Pollak Alexander, Wodak Ruth (Hrsg.). – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. – S. 227-250.
234. Heer Hannes. Tote Zonen. Die deutsche Wehrmacht an der Ostfront. – Hamburg: Hamburger Edition, 1999. – 327 S.

235. Heer Hannes. Vom Verschwinden der Täter. Der Vernichtungskrieg fand statt, aber keiner war dabei. – Berlin: Aufbau Verlag, 2004. – 395 S.
236. Heer Hannes. Vom Verschwinden der Täter. Die Auseinandersetzungen um die Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944» // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Jg. 50. – Berlin: Metropol-Verlag, 2002. – S. 869-898.
237. Herbert Ulrich, Groehler Olaf. Zweierlei Bewältigung: Vier Beiträge über den Umgang mit der NS-Vergangenheit in den beiden deutschen Staaten. – Hamburg: Ergebnisse Verlag, 1992. – 88 S.
238. Herbert Ulrich. Der Historikerstreit. Politische, wissenschaftliche, biographische Aspekte // Zeitgeschichte als Streitgeschichte. Große Kontroversen seit 1945 / Sabrow Martin, Jessen Ralph, Kracht Klaus G. (Hrsg.). – München: C. H. Beck, 2003. – S. 94-113.
239. Herf Jeffrey. The emergence and legacies of divided memory: Germany and the Holocaust after 1945 // Memory and power in post-war Europe / Müller Jan Werner (ed.). – Cambridge: Cambridge University Press. – p. 184-205.
240. Hölscher Christoph. NS-Verfolgte im «antifaschistischen Staat». Vereinnahmung und Ausgrenzung in der ostdeutschen Wiedergutmachung (1945–1989). – Berlin: Metropol-Verlag, 2002. – 260 S.
241. Hürter Johannes. Hitlers Heerführer. Die deutschen Oberbefehlshaber im Krieg gegen die Sowjetunion 1941/42. – München: Oldenbourg, 2006. – 727 S.
242. Interessen um Eichmann. Israelische Justiz, deutsche Strafverfolgung und alte Kameradschaften // Werner Renz (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2012. – 332 S.
243. Jaecker Tobias. Die Walser-Bubis-Debatte: Erinnern oder Vergessen? // haGalil, 24.10.2003. URL: <http://www.hagalil.com/antisemitismus/deutschland/walser-1.htm>

244. James Harold. Deutsche Identität 1770 – 1990. – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 1991. – 310 S.
245. Jarausch Konrad H. Die Umkehr. Deutsche Wandlungen 1945-1995. – München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2004. – 504 S.
246. Jeismann Michael. Auf Wiedersehen Gestern. Die deutsche Vergangenheit und die Politik von morgen. – München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2001. – 214 S.
247. Jensen Olaf. Geschichte machen. Strukturmerkmale intergenerationellen Sprechens über die NS-Vergangenheit in deutschen Familien. – Tübingen: edition diskord, 2004. – 415 S.
248. Jensen Uffa. Wie die Historie öffentlich gebraucht wird: Jürgen Habermas und der Historikerstreit // Die Gegenwart der Vergangenheit. Der «Historikerstreit» und die deutsche Geschichtspolitik / Kailitz Steffen (Hrsg.). – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. – S. 72-83.
249. Jung Christian. Wer zieht den Schlussstrich? Eine empirische Analyse der Besucherbefragung in der Ausstellung «Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941-1944». – München: Grin Verlag, 2003. – 140 S.
250. Kailitz Steffen. Die politische Deutungskultur der Bundesrepublik Deutschland im Spiegel des «Historikerstreits» // Die Gegenwart der Vergangenheit. Der «Historikerstreit» und die deutsche Geschichtspolitik / Kailitz Steffen (Hrsg.). – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. – S. 14-37.
251. Kaiser Wolf. Täter im Vernichtungskrieg: Der Überfall auf die Sowjetunion und der Völkermord an den Juden. – Berlin, München: Propyläen, 2002. – 224 S.
252. Kaltenbrunner Gerd-Klaus. Was ist Deutsch? Die Unvermeidlichkeit, eine Nation zu sein. – Asendorf: Mut Verlag, 1991. – 288 S.

253. Kämper Heidrun. Der Schulddiskurs in der frühen Nachkriegszeit. – Berlin: de Gruyter, 2005. – 591 S.
254. Kattago Siobhan. Ambiguous Memory. The Nazi Past and German National Identity. – Westport: Praeger, 2001. – 298 p.
255. Kempf Volker. Stigma deutsch. Aufsätze zur Bewältigung einer beschädigten Identität. – Frankfurt am Main: Haag und Herchen, 2000. – 102 S.
256. Kiani Shida. Zum politischen Umgang mit dem Antisemitismus in der Bundesrepublik // Die Nachkriegsgesellschaft im langen Schatten des Nationalsozialismus. Erfolgsgeschichte Bundesrepublik? / Glienke Stephan Alexander, Paulmann Volker, Perels Joachim (Hrsg.). – Göttingen, 2008. – S. 115-145.
257. Kirsch Jan-Holger. «Wir haben aus der Geschichte gelernt». Der 8. Mai als politischer Gedenktag in Deutschland. – Köln: Böhlau, 1999. – 257 S.
258. Kleber Beate. Öffentliche Erinnerungsdiskurse in Deutschland und den USA im Jahr 2005. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie an der Ludwig-Maximilians-Universität München. – München, 2013. – 306 S. URL: <https://edoc.ub.uni-muenchen.de/15820/>
259. Kleßmann Christoph. Geschichtsbewusstsein nach 1945: Ein neuer Anfang? // Geschichtsbewusstsein der Deutschen. Materialien zur Spurensuche einer Nation / Weidenfeld Wener (Hrsg.). – Köln: Wissenschaft und Politik, 1987. – S. 118-119.
260. Kleßmann Christoph. Zwei Staaten, eine Nation. – Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 1988. – 703 S.
261. Klinge Katharina. Die Verjährungsdebatte des Deutschen Bundestags im Lichte der deutsch-israelischen Beziehungen. – München: Grin Verlag, 2007. – 20 S.
262. Klönne Arno. Zurück zur Nation? Kontroversen zu deutschen Fragen. – Köln: Eugen Diederichs, 1984. – 158 S.

263. Klose Marten. Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944. Rezeption und Reaktionen im Kontext von persönlicher Erfahrung und familiärer Erinnerung. Bachelorarbeit. – Oldenburg, 2007. – 59 S. URL: <http://oops.uni-oldenburg.de/874/1/Bachelorarbeit.pdf>
264. Klotz Johannes. «Anständige Leute». Zur Auseinandersetzung um die Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941-1944» // Die selbstbewusste Nation und ihr Geschichtsbild. Geschichtslegenden der Neuen Rechten – Faschismus/Holocaust/Wehrmacht / Klotz Johannes, Schneider Ulrich (Hrsg.). – Köln: PapyRossa-Verlag, 1997. – S. 174-204.
265. Klotz Johannes. Die Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944». Zwischen Geschichtswissenschaft und Geschichtspolitik // Mythos Wehrmacht. Nachkriegsdebatten und Traditionspflege / Bald Detlef, Klotz Johannes, Wette Wolfram (Hrsg.). – Berlin: Aufbau Taschenbuch: 2001. – S. 116-176.
266. Klotz Johannes. Die Rezeption der Ausstellung «Vernichtungskrieg» in Leserbriefen // Der Krieg in der Nachkriegszeit. Der Zweite Weltkrieg in Politik und Gesellschaft der Bundesrepublik / Greven Michael, Wrochem Oliver von (Hrsg.). – Opladen: Leske und Budrich, 2000. – S. 307-323.
267. Knigge Volkhard, Frei Norbert Verbrechen erinnern. Die Auseinandersetzung mit Holocaust und Völkermord. – München: C.H. Beck, 2002. – 512 S.
268. Kocka Jürgen «1945: Neubeginn oder Restauration?» // Wendepunkte deutscher Geschichte 1848-1945 / Stern Carola, Winkler Heinrich August (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1979. – S. 141-168.
269. Köhler Henning. Deutschland auf dem Weg zu sich selbst. Eine Jahrhundertgeschichte. – Stuttgart: Hohenheim Verlag, 2002. – 749 S.

270. Kohlstruck Michael. Zwischen Erinnerung und Geschichte. Der Nationalsozialismus und die jungen Deutschen. – Berlin: Metropol-Verlag, 1997. – 340 S.
271. König Frank. Die Gestaltung der Vergangenheit. Zeithistorische Orte und Geschichtspolitik im vereinten Deutschland. – Marburg: Tectum, 2007. – 353 S.
272. Kracht Klaus G. Die zankende Zunft. Historische Kontroversen in Deutschland nach 1945. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2005. – 224 S.
273. Kramer Sven. «Tagebuch der Anne Frank» // Lexikon der «Vergangenheitsbewältigung» in Deutschland: Debatten- und Diskursgeschichte des Nationalsozialismus nach 1945 / Fischer Torben , Lorenz Matthias N. (Hrsg.). – Bielefeld. – S. 107-109.
274. Krockow Christian Graf von. Über die Deutschen. – München: List Taschenbuch, 1999. – 309 S.
275. Kronenberg Volker. Patriotismus in Deutschland: Perspektiven für eine weltoffene Nation. – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2005. – 418 S.
276. Kunze Rolf-Ulrich. Nation und Nationalismus. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2005. – 126 S.
277. Laetsch Stefan. Sind wir Deutschland? Eine politikwissenschaftliche Erklärung für das Fußballmärchen. – Hamburg: Diplomica Verlag, 2008. – 116 S.
278. Langewiesche Dieter. Nation, Nationalismus, Nationalstaat in Deutschland und Europa. – München: C.H. Beck, 2000. – 332 S.
279. Langewiesche Dieter. Reich, Nation, Föderation: Deutschland und Europa. – München: C. H. Beck, 2008. – 332 S.
280. Lenk Kurt. Neokonservative Positionen im «Historikerstreit» oder wie Täter zu Opfern wurden // «Auschwitz erst möglich gemacht?»: Überlegungen

- zur jüngsten konservativen Geschichtsbewältigung / Donat Helmut, Wieland Lothar (Hrsg.). – Bremen: Donat, 1991. – S. 57-65.
281. Lepsius M. Rainer. Das Erbe des Nationalsozialismus und die politische Kultur der Nachfolgestaaten des «Großdeutschen Reiches» // Kultur und Gesellschaft. Verhandlungen des 24. Deutschen Soziologentages, des 11. Österreichischen Soziologentages und des 8. Kongresses der Schweizerischen Gesellschaft für Soziologie in Zürich 1988 / Haller Max, Hoffmann-Nowotny Hans-Joachim, Zapf Wolfgang (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 1989. – S. 247-264.
282. Lepsius M. Rainer. Nation und Nationalismus in Deutschland // 1990: Interessen, Ideen und Institutionen / Lepsius M. Rainer (Hrsg.). – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1982. – S. 232-246.
283. Levy Daniel, Sznajder Natan. Erinnerung im globalen Zeitalter: Der Holocaust. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001. – 259 S.
284. Limbach Manuel. Vergangenheitsbewältigung in der Ära Kohl: Der «Historikerstreit»: Geschichtswissenschaftliche Debatte oder Höhepunkt einer geschichtspolitischen Auseinandersetzung? – München: Grin Verlag, 2013. – 40 S.
285. Losurdo Domenico. Die Deutschen: Der Sonderweg eines unverbesserlichen Volkes? – Berlin: Homilius, 2010. – 112 S.
286. Lübke Hermann. Der Nationalsozialismus im deutschen Nachkriegsbewusstsein // Historische Zeitschrift. Band 236. – München: De Gruyter Oldenbourg, 1983. – S. 579-599.
287. Lübke Hermann. Vom Parteigenossen zum Bundesbürger. Über beschwiegene und historisierte Vergangenheiten. – München: Wilhelm Fink Verlag, 2007. – 143 S.
288. Lutz Felix Philipp. Das Geschichtsbewusstsein der Deutschen. Grundlagen der politischen Kultur in Ost und West. – Köln: Böhlau, 2000. – 424 S.

289. Maier Charles S. Die Gegenwart der Vergangenheit. Geschichte und die nationale Identität der Deutschen. – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 1992. – 257 S.
290. Maier Charles S. The unmasterable past: History, holocaust, and German national identity. – London: Harvard University Press, 1997. – 172 S.
291. Mank Uta. Zwischen Trauma und Rechtfertigung. Wie sich ehemalige Soldaten an den Krieg erinnern. – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2011. – 308 S.
292. Manoschek Walter. «Ich habe es immer geahnt...». Erinnerungspolitische Reflexionen über das Bild der Wehrmacht und die Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944» in Österreich // Irritationen. Die Wehrmachtsausstellung in Linz / Kepplinger Brigitte, Kannonier Reinhard (Hrsg.). – Grünbach: Steinmassl, 1997. – S. 73-91.
293. Markovits Andrei S. Störfall im Endlager der Geschichte // Ein Volk von Mördern? Die Dokumentation zur Goldhagen-Kontroverse um die Rolle der Deutschen im Holocaust / Schoeps Julius H. (Hrsg.). – Hamburg: Hoffman und Campe, 1996. – S. 667-674.
294. Matthäus Jürgen. Der Eichmann-Prozess und seine Folgen. Stragverfolgung von NS-Verbrechen und Geschichtsschreibung in Deutschland // Interessen um Eichmann. Israelische Justiz, deutsche Strafverfolgung und alte Kameradschaften / Werner Renz (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2012. S. 217-240.
295. Medien in Konflikten / Grewenig Adi, Jäger Margret (Hrsg.). – Duisburg: Duisburger Institut für Sprach- und Sozialforschung (DISS), 2000. – 290 S.
296. Memory and power in post-war Europe / Müller Jan Werner (ed.). – Cambridge: Cambridge University Press. – 300 p.

297. Messerschmidt Manfred. Aus der Geschichte lernen. Vom Umgang mit der Erblast des Nationalsozialismus in der Bundeswehr und in der NVA // Militarismus, Vernichtungskrieg, Geschichtspolitik: Zur deutschen Militär- und Rechtsgeschicht / Ehlert Hans, Lang Arnim, Wegner Bernd (Hrsg.). – Paderborn: Schöningh, 2006. – S. 365-381.
298. Miquel Marc von. Aufklärung, Distanzierung, Apologie. Die Debatte über die Strafverfolgung von NS-Verbrechen in den sechziger Jahren // Beschweigen und Bekennen. Die deutsche Nachkriegsgesellschaft und der Holocaust / Frei Norber, Steinbacher Sybille (Hrsg.). – Göttingen: Wallstein Verlag. – S. 51-70.
299. Mittmann Thomas. Vom «Historikerstreit» zum «Fall Hohmann». Kontroverse Diskussionen um Political Correctness seit Ende der 1980er Jahre // Political Correctness. Der sprachpolitische Streit um die nationalsozialistischen Verbrechen / Hölscher Lucian (Hrsg.). – Göttingen: Wallstein, 2008. – S. 60-105.
300. Möbius Ben. Die liberale Nation: Deutschland zwischen nationaler Identität und multikultureller Gesellschaft. – Opladen: Verlag für Sozialwissenschaften, 2003. – 748 S.
301. Mohler Armin. Der Nasenring. Im Dickicht der Vergangenheitsbewältigung. – Essen: Verlag Heitz & Höffkes, 1989. – 256 S.
302. Mommsen Hans. «The New Historical Consciousness» // Forever In The Shadow of Hitler? / Piper Ernst (ed.). – New Jersey: Humanities Press, 1993. – p. 114-124.
303. Mommsen Hans. Aufarbeitung und Verdrängung. Das Dritte Reich im westdeutschen Geschichtsbewusstsein // Ist der Nationalsozialismus Geschichte? Zu Historisierung und Historikerstreit / Diner Dan (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1987. – S. 74-88.
304. Mommsen Hans. The impact of the World War II experience on the German political identity // War experience, self image and national identity:

- the Second World War as myth and history / Ekman Stig (Ed.) – Stockholm: Bank of Sweden Tercentenary foundation, 1995. – S. 20-23.
305. Mommsen Wolfgang J. Nation und Geschichte: über die Deutschen und die deutsche Frage. – München: Piper Verlag, 1990. – 208 S.
306. Moser Tilmann. Politik und seelischer Untergrund. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1993. – 204 S.
307. Müller Baal. Der Vorsprung der Besiegten: Identität nach der Niederlage. – Schnellroda: Edition Antaios, 2009. – 96 S.
308. Müller Jan-Werner. Another country: German intellectuals, unification and national identity. – London: Yale University Press, 2000. – 322 S.
309. Müller Jan-Werner. Constitutional Patriotism. – Princeton: Princeton University Press, 2007. – 177 p.
310. Müller Jan-Werner. Verfassungspatriotismus revisited: eine liberale politische Kultur für Deutschland (und Europa) // Deutschland denken. Beiträge für reflektierte Republik / Ruge Undine, Morat Daniel (Hrsg.). – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2005. – S. 83-95.
311. Müller Richard Matthias. Normal-Null und die Zukunft der deutschen Vergangenheitsbewältigung. – Schernfeld: SH-Verlag, 1994. – 159 S.
312. Müller Rolf-Dieter. Die Wehrmacht – Historische Last und Verantwortung. Die Historiographie im Spannungsfeld von Wissenschaft und Vergangenheitsbewältigung // Die Wehrmacht – Mythos und Realität / Müller Rolf-Dieter, Volkmann Hans-Erich (Hrsg.). – München: Oldenbourg Verlag, 2012. – S. 3-38.
313. Müller Sabrina. Zum Drehbuch einer Ausstellung. Der Ulmer Einsatzgruppenprozess von 1958 // Vom Recht zur Geschichte. Akten aus NS-Prozessen als Quellen der Zeitgeschichte / Finger Jürgen, Keller Sven, Wirsching Andreas (Hrsg.). – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2009. – S. 205-218.

314. Münkler Herfried. Die Deutschen und ihre Mythen. – Berlin: Rowohlt, 2009. – 608 S.
315. Musiol Anna Zofia. Erinnern und Vergessen. Erinnerungskulturen im Lichte der deutschen und polnischen Vergangenheitsdebatten. – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2012. – 311 S.
316. Nationale und kulturelle Identität: Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewußtseins in der Neuzeit / Giesen Bernhard (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1991. – 420 S.
317. Nationales Bewusstsein und kollektive Identität: Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewusstseins in der Neuzeit / Berding Helmut (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1994. – 615 S.
318. Naumann Klaus. Der Krieg als Text. Das Jahr 1945 im kulturellen Gedächtnis der Presse. – Hamburg: Hamburger Edition, 1998. – 352 S.
319. Neidhardt Friedhelm. Einleitung // Öffentlichkeit, öffentliche Meinung und soziale Bewegungen / Neidhardt Friedhelm (Hrsg.). – Opladen: Verlag für Sozialwissenschaften, 1994. – S. 7-41.
320. Newman Leonard S. What Is a «Social-Psychological» Account of Perpetrator Behavior? The Person Versus the Situation in Goldhagen's Hitler's Willing Executioners // Understanding Genocide. The Social Psychology of the Holocaust / Newman Leonard S., Erber Ralph. (Eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2002. – p. 43-67.
321. Niven Bill. Facing the Nazi Past: United Germany and the Legacy of the Third Reich. – London: Routledge Chapman & Hall, 2002. – 288 S.
322. NS-Vergangenheit, Antisemitismus und Nationalismus in Deutschland / Butterwegge Christoph (Hrsg.). – Baden-Baden: Nomos, 1997. – 239 S.
323. Ortmeyer Benjamin. Wie Martin Walser das «Wegdenken» erlernt und kultiviert hat. URL: http://www.uni-frankfurt.de/51739453/Gegen_Walser1.pdf

324. Paulmann Volker. Die Studentenbewegung und die NS-Vergangenheit in der Bundesrepublik // Die Nachkriegsgesellschaft im langen Schatten des Nationalsozialismus. Erfolgsgeschichte Bundesrepublik? / Glienke Stephan Alexander, Paulmann Volker, Perels Joachim (Hrsg.). – Göttingen, 2008. – S. 185-216.
325. Pendas Devin O. Der 1. Frankfurter Auschwitz-Prozess 1963-1965. Eine historische Einführung // Der Frankfurter Auschwitz-Prozess (1963-1965). Kommentierte Quellenedition / Gross Raphael, Renz Werner (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2013. – S. 55-88.
326. Peisker Ingrid. Vergangenheit, die nicht vergeht: Eine psychoanalytische Zeitdiagnose zur Auseinandersetzung mit dem Nationalsozialismus. – Gießen: Psychosozial-Verlag, 2005. – 804 S.
327. Peter Jürgen. Der Historikerstreit und die Suche nach einer nationalen Identität der achtziger Jahre. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 1995. – 260 S.
328. Piwoni Eunike. Nationale Identität im Wandel: Deutscher Intellektuellendiskurs zwischen Tradition und Weltkultur. – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2012. – 324 S.
329. Pohl Dieter. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941-1944: Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens. – München: Oldenbourg, 1996. – 455 S.
330. Public History. Öffentliche Darstellungen des Nationalsozialismus jenseits der Geschichtswissenschaft / Bösch Frank, Goschler Constantin (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2009. – 290 S.
331. Quindeau Ilka. Erinnerung und Abwehr. Widersprüchliche Befunde zur Rezeption der Ausstellung «Vernichtungskrieg» // Der Krieg in der Nachkriegszeit. Der Zweite Weltkrieg in Politik und Gesellschaft der Bundesrepublik / Greven Michael, Wrochem Oliver von (Hrsg.). – Opladen: Leske und Budrich Verlag, 2000. – S. 291-306.

332. Reemtsma Jan Philipp. Was man plant, und was daraus wird. Gedanken über ein prognostisches Versagen // Der Krieg in der Nachkriegszeit. Der Zweite Weltkrieg in Politik und Gesellschaft der Bundesrepublik / Greven Michael, Wrochem Oliver von (Hrsg.). – Opladen: Leske und Budrich Verlag, 2000. – S. 273-290.
333. Reichel Peter. Politik mit der Erinnerung. Gedächtnisorte im Streit um die nationalsozialistische Vergangenheit. – München: Fischer Taschenbuch Verlag, 1995. – 341 S.
334. Reichel Peter. Vergangenheitsbewältigung in Deutschland: Die Auseinandersetzung mit der NS-Diktatur von 1945 bis heute. –München: C. H. Beck, 2007. – 266 S.
335. Rensmann Lars. Die Walserisierung der Berliner Republik. Geschichtsrevisionismus und antisemitische Projektion: Einwände gegen die These vom geläuterten Deutschland // Die Fratze der eigenen Geschichte. Von der Goldhagen-Debatte zum Jugoslawien-Krieg / Elsässer Jürgen, Markovits Andrei S. (Hrsg.). – Berlin: Espresso Verlag, 1999. – S. 44-63.
336. Rödder Andreas. Die deutsche Frage vor dem Einigungsvertrag: Parteien, Intellektuelle, Massenmedien in der Bundesrepublik. URL: http://www.kas.de/upload/ACDP/HPM/HPM_15_08/HPM_15_08_17.pdf
337. Rohloff Joachim. Ich bin das Volk. Martin Walser, Auschwitz und die Berliner Republik. – Hamburg: Konkret, 1999. – 144 S.
338. Römer Felix. Der Kommissarbefehl: Wehrmacht und NS- Verbrechen an der Ostfront 1941/42. – Paderborn: Schöningh, 2008. – 666 S.
339. Rommelspacher Birgit. Anerkennung und Ausgrenzung: Deutschland als multikulturelle Gesellschaft. – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2002. – 372 S.
340. Rommelspacher Birgit. Anklage und Entlastung. Sozialpsychologische Aspekte der Goldhagen-Debatte // Die Fratze der eigenen Geschichte. Von der

- Goldhagen-Debatte zum Jugoslawien-Krieg / Elsässer Jürgen, Markovits Andrei S. (Hrsg.). – Berlin: Espresso Verlag, 1999. – S. 29-43.
341. Rosenthal Gabriele. Vom Krieg erzählen, von den Verbrechen schweigen // Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944 / Heer Hannes, Naumann Klaus (Hrsg.). – Hamburg: Hamburger Edition, 1995. – S. 651-664.
342. Die dunkle Spur der Vergangenheit. Psychoanalytische Zugänge zum Geschichtsbewusstsein / Rüsen Jörn, Straub Jürgen (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1998. – 456 S.
343. Rüsen Jörn. Kultur macht Sinn. Orientierung zwischen Gestern und Morgen. – Köln: Böhlau, 2006. – 269 S.
344. Rusinek Bernd-A. Die Kritiker-Falle. Wie man in Verdacht geraten kann. Goldhagen und der Funktionalismus // Geschichtswissenschaft und Öffentlichkeit. Der Streit um Daniel J. Goldhagen / Heil Johannes, Erb Rainer (Hrsg.). – Frankfurt am Main : Fischer, 1998. – S. 110-130.
345. Sandkühler Thomas. Die Täter des Holocaust. Neuere Überlegungen und Kontroversen // Wehrmacht und Vernichtungspolitik: Militär im nationalsozialistischen System / Pohl Karl Heinrich (Hrsg.). – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1999. – S. 39–66.
346. Scharf Wilfried. Deutsche Diskurse. Die politische Kultur von 1945 bis heute in publizistischen Kontroversen. – Hamburg: Academic Transfer, 2009. – 232 S.
347. Scheit Gerhard. Germans down, Germans up. Daniel J. Goldhagen und die Erben der willigen Vollstrecker Hitlers // Wir kneten ein KZ. Aufsätze über Deutschlands Standortvorteil bei der Bewältigung der Vergangenheit / Schneider Wolfgang (Hrsg.). – Hamburg: Konkret, 2000. – S. 126-161.
348. Schenk Fritz. Der Fall Hohmann – Die Dokumentation. – München: Universitas, 2004. – 240 S.

349. Schepers Norbert. Einen Nerv getroffen. Debatten zum Umgang mit der NS-Vergangenheit in den neunziger Jahren in Deutschland. – Berlin: Dietz Verlag, 2005. – 160 S.
350. Schlak Stephan. Schuld und Scham // Ein neues Deutschland? Zur Physiognomie der Berliner Republik / Bohrer Karl Heinz, Scheel Kurt (Hrsg.). – Stuttgart: Klett-Cotta, 2006. – S. 829-836.
351. Schneider Michael. Die «Goldhagen-Debatte»: ein Historikerstreit in der Mediengesellschaft. URL: <http://www.fes.de/fulltext/historiker/00144.htm>
352. Schobert Alfred. Keine Mißverständnisse // konkret. – 1999, № 2. – S. 27.
353. Schoppmann Kendra. Der «Historikerstreit»: Sollen wir die Vergangenheit vergessen oder nicht? – München: Grin Verlag, 2013. – 78 S.
354. Schroeder Klaus. Deutschland nach 1990: Probleme der Einheit. Weichenstellungen – Ergebnisse – Einstellungen und Mentalitäten – Veränderungen // Die Bundesrepublik Deutschland. Eine Bilanz nach 60 Jahren / Schwarz Hans-Peter (Hrsg.). Köln: Böhlau, 2008. – S. 205-226.
355. Schwab-Trapp Michael. Kriegsdiskurse. Die politische Kultur des Krieges im Wandel 1991-1999. – Opladen: Leske und Budrich Verlag, 2002. – 400 S.
356. Schwelling Birgit. Wie wurden aus Volksgenossen Staatsbürger? Der Wandel von Einstellungen und Mentalitäten nach dem Übergang vom Nationalsozialismus zur Bundesrepublik // Die NS-Diktatur im deutschen Erinnerungsdiskurs / Bergem Wolfgang (Hrsg.). – Opladen: Verlag für Sozialwissenschaften, 2003. – S. 41-57.
357. Schwendemann Heinrich. Strategie der Selbstvernichtung: Die Wehrmachtführung im «Endkampf» um das «Dritte Reich» // Die Wehrmacht. Mythos und Realität / Müller Rolf-Dieter, Volkmann Hans-Erich (Hrsg.). – München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1999. – S. 224-245.

358. Selling Jan. Aus den Schatten der Vergangenheit. – Leipzig: Militzke, 2007. – 364 S.
359. Soltau Heide. Von Marx bis Migrationsforschung // Deutsche Welle, 09.06.2009. URL: <http://www.dw.de/von-marx-bis-migrationsforschung/a-4314006>
360. Staadt Jochen. Deutsch-Deutsche Beziehungen von 1949 bis 1989 // Die Bundesrepublik Deutschland. Eine Bilanz nach 60 Jahren / Schwarz Hans-Peter (Hrsg.). – Köln: Böhlau, 2008. – S. 157-180.
361. Staas Christian. Was geht uns das noch an? // Zeit-Magazin Nr. 46, 4.11.2010. – S. 12-15.
362. Steinbach Peter. Die publizistischen Kontroversen – eine Vergangenheit, die nicht vergeht // Der Nationalsozialismus: die zweite Geschichte. Überwindung, Deutung, Erinnerung / Reichel Peter, Schmid Harald, Steinbach Peter (Hrsg.). – München: C.H. Beck, 2009. – S. 127-174.
363. Steinbach Peter. Nationalsozialistische Gewaltverbrechen: Die Diskussion in der deutschen Öffentlichkeit nach 1945. – Berlin: Colloquium-Verlag, 1981. – 108 S.
364. Steinbacher Sybille. «Musterstadt» Auschwitz: Germanisierungspolitik und Judenmord in Ostoberschlesien. – München: Saur, 2000. – 419 S.
365. Strukturmerkmale der deutschen Geschichte des 20. Jahrhunderts / Doering-Manteuffel Anselm (Hrsg.). – München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2006. – 281 S.
366. Struss Bernd. «Ewiggestrige» und «Nestbeschmutzer». Die Debatte über die Wehrmachtsausstellungen – eine linguistische Analyse. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. – 270 S.
367. Thamer Hans-Ulrich. Vom Tabubruch zur Historisierung? Die Auseinandersetzung um die «Wehrmachtsausstellung» // Zeitgeschichte als Streitgeschichte: Große Kontroversen seit 1945/ Sabrow Martin, Jessen Ralph, Kracht Klaus G. (Hrsg.). – München: Beck, 2003. – S. 171-178.

368. The Germans. Public Opinion Polls 1947-1966 / Neumann Erich Peter, Noelle-Neumann Elisabeth (Ed.). – Westport: Greenwood Pub Group Inc, 1981. – 630 p.
369. Töpfer Birk. Vergangenheit und Identität: Anfänge und Gegenwart kollektiver Erinnerung in Deutschland. München: Grin Verlag, 2006. – 60 S.
370. Trautwein Sabine. Der Historikerstreit und die Wehrmachtsausstellung. Historische Debatten in der öffentlichen Diskussion. – Frankfurt am Main: Bod Third Party Titles, 2000. – 130 S.
371. Ueberschär Gerd R. Stauffenberg. Der 20. Juli 1944. – Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 2004. – 320 S.
372. Ulrich Bernd. Einleitung // Besucher einer Ausstellung. Die Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944» in Interview und Gespräch / Hamburger Institut für Sozialforschung (Hrsg.). – Hamburg: Hamburger Edition, 1998. – 230 S.
373. «Unternehmen Barbarossa». Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941 (Berichte, Analysen, Dokumente) / Ueberschär Gerd R., Wette Wolfram (Hrsg.). – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1984. – 416 S.
374. Valenta Martin. Kritische Theorie der Frankfurt Schule und die deutsche linke Protestbewegung: Diskurs- und Rezeptionsanalyse // Studia Territorialis X 2010. 3-4. –Karluniversität Prag: Carolinum Verlag, 2011. – S. 141-172.
375. Verbrechen der Wehrmacht. Bilanz einer Debatte / Hartmann Christian, Hürter Johannes, Jureit Ulrike (Hrsg.). – München: C. H. Beck, 2005. – 320 S.
376. Vergau Jutta. Aufarbeitung von Vergangenheit vor 1989 nach. Eine Analyse des Umgangs mit den historischen Hypothesen totalitärer Diktaturen in Deutschland. – Marburg: Tectum Verlag, 2000. – 265 S.
377. Wandlungsprozesse in Westdeutschland: Belastung, Integration, Liberalisierung; 1945 – 1980 / Herbert Ulrich (Hrsg.). – Göttingen: Wallstein, 2002. – 592 S.

378. Wehler Hans-Ulrich. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Band 4: Vom Beginn des Ersten Weltkrieges bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten 1914-1949. – München: C. H. Beck, 2003. – 1173 S.
379. Wehler Hans-Ulrich. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Band 5: Bundesrepublik und DDR 1949-1990. – München: C. H. Beck, 2008. – 529 S.
380. Wehrmachtsverbrechen. Eine deutsche Kontroverse / Prantl Heribert (Hrsg.). – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1997. – 347 S.
381. Weidenfeld Werner. Nachdenken über Deutschland: Materialien zur politische Kultur der deutschen Frage. – Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1985. – 182 S.
382. Weidenfeld Wolfgang, Korte Karl-Rudolf. Die Deutschen. Profil einer Nation. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1991. – 275 S.
383. Welzer Harald, Moller Sabine, Tschuggnall Caroline. «Opa war kein Nazi». Nationalsozialismus und Holocaust im Familiengedächtnis. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2002. – 256 S.
384. Welzer Harald. Das kommunikative Gedächtnis. Eine Theorie der Erinnerung. – München: C.H. Beck Verlag, 2002. – 246 S.
385. Wendepunkte deutscher Geschichte 1848-1945 / Stern Carola, Winkler Heinrich August (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1979. – 201 S.
386. Wesel Reinhard. Gedenken als Ritual: Zum politischen Sinn «sinnentleerter Rituale» // Die NS-Diktatur im deutschen Erinnerungsdiskurs / Bergem Wolfgang (Hrsg.). – Opladen: Verlag für Sozialwissenschaften, 2003. – S. 17-39.
387. Wette Wolfram. Die Wehrmacht. Feindbilder. Vernichtungskrieg. Legenden. – Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 2002. – 370 S.
388. Wiegel Gerd. Die Zukunft der Vergangenheit. Konservativer Geschichtsdiskurs und kulturelle Hegemonie. – Köln: PapyRossa-Verlag, 2001. – 436 S.

389. Willms Bernard. Idealismus und Nation. Zur Rekonstruktion des politischen Selbstbewusstseins der Deutschen. – München: Ferdinand Schöningh, 1986. – 221 S.
390. Winkler Heinrich August. Auf ewig in Hitlers Schatten? Anmerkungen zur deutschen Geschichte. München: C.H. Beck, 2007. – 222 S.
391. Wippermann Wolfgang. Wessen Schuld? Vom Historikerstreit zur Goldhagen-Kontroverse. – Berlin: Elefantpress, 1997. – 142 S.
392. Wolfrum Edgar. Die 101 wichtigsten Fragen. Bundesrepublik Deutschland. – München: C.H. Beck, 2009. – 152 S.
393. Wolfrum Edgar. Die Suche nach dem «Ende der Nachkriegszeit». Krieg und NS-Diktatur in öffentlichen Geschichtsbildern der «alten Bundesrepublik» Deutschland // Erinnerungskulturen. Deutschland, Italien und Japan seit 1945 / Brandt Susanne, Cornelißen Christoph, Klinkhammer Lutz, Schwentker Wolfgang (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2003. – S. 183-197.
394. Wolfrum Edgar. Der 8. Mai 1945 – ein Schlüsseldatum im historischen Bewußtsein der Westdeutschen // Erinnerung und Geschichte: 60 Jahre nach dem 8. Mai 1945/ Thadden Rudolf von, Kaudelka Steffen (Hrsg.). – Göttingen: Wallstein, 2007. – S. 25-32.
395. Wolfrum Edgar. Geschichtspolitik in der Bundesrepublik Deutschland: der Weg zur bundesrepublikanischen Erinnerung 1948-1990. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1999. – 532 S.
396. Wolfrum Edgar. Die beiden Deutschland // Verbrechen erinnern. Die Auseinandersetzung mit Holocaust und Völkermord / Frei Norbert, Knigge Volkhard (Hrsg.). – München: C.H. Beck, 2002 – S. 33-49.
397. Wrochem Oliver von. Erich von Manstein. Vernichtungskrieg und Geschichtspolitik. – Paderborn: Schöningh, 2006. – 431 S.
398. Wrochem Oliver von. Keine Helden mehr. Die Wehrmachtseelite in der öffentlichen Auseinandersetzung // Der Krieg in der Nachkriegszeit. Der

- Zweite Weltkrieg in Politik und Gesellschaft der Bundesrepublik / Greven Michael, Wrochem Oliver von (Hrsg.). – Opladen: Leske und Budrich Verlag, 2000. – S. 151-165.
399. Zeitgeschichte, Wissenschaft und Politik: Der «Historikerstreit» – 20 Jahre danach / Kronenberg Volker (Hrsg.). – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. – 204 S.
400. Zifonun Darius. Gedenken und Identität: Der deutsche Erinnerungsdiskurs. – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2004. – 262 S.
401. Zuckermann Moshe. Zweierlei Holocaust. Der Holocaust in den politischen Kulturen Israels und Deutschlands. – Göttingen: Wallstein, 1998. – 184 S.
402. Аверинцев С.С. Преодоление тоталитаризма как проблема: попытка ориентации // Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. Международная конференция / под ред. К. Айермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2002. – С. 31-41.
403. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.
404. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Московский философский фонд «Academia-Центр», «Медиум», 1995. – 336 с.
405. Бирвиш М. Конец национал-социализма и реального социализма // Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. Международная конференция / под ред. К. Айермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2002. – С. 42-56.
406. Бордюгов Г. Вступление // Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже

- веков. Международная конференция / под ред. К. Айермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2002. – С. 10-12.
407. Борозняк А.И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. – М.: РОССПЭН, 2014. – 351 С.
408. Борозняк А.И. Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? – М.: Пик, 1999. – 287 С.
409. Борозняк А. И. Прошлое, которое не уходит. Очерки истории и историографии Германии XX века. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. – 330 С.
410. Борозняк А.И. ФРГ: волны исторической памяти // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 104-117.
411. Вельцер Х. История, память и современность прошлого // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 51-63.
412. Геллнер Э. Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.
413. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. – М.: ПЕР СЭ, 2008. – 528 с.
414. Данн О. Нации и национализм в Германии 1770-1990. СПб.: Наука, 2003. – 468 с.
415. Европа на рубеже третьего тысячелетия: народы и государства / под ред. М. Ю. Мартыновой, Н. Н. Грацианской. – М.: ИЭА РАН, 2000. – 321 с.
416. Земляной С.Н. «Спор историков» в ФРГ и «Европейская гражданская война» Э. Нольте // Нольте Эрнст. Европейская гражданская война (1917-1945). Национал-социализм и большевизм. – М.: Логос, 2003. – С. 516-527.

417. Кельнер Х., Зофнер Х.-Г. Культурная глобализация в Германии // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. – М.: Аспект Пресс, 2004. — С. 119-145.
418. Кёниг Х. Будущее прошлого: Национал-социализм в политическом сознании ФРГ. М.: РОССПЭН, 2012. – 169 с.
419. Кёниг Х. Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании ФРГ // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 170-184.
420. Лезина Е. Источники изменения официальной коллективной памяти (на примере послевоенной ФРГ) // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 4 (110), 2011. URL: <http://www.urokiistorii.ru/memory/conf/51112>
421. Лезина Е. Память, идентичность, политическая культура и послевоенная германская демократия // Отечественные записки № 6 (57) 2013. URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/6/pamyat-identichnost-politicheskaya-kultura-i-poslevoennaya-germanskaya-demokratiya>
422. Меняющаяся Европа: Проблемы этнокультурного взаимодействия / отв. ред. М.Ю. Мартынова. – М.: ИЭА РАН. – 440 с.
423. Многоликая глобализация. Культурное разнообразия в современном мире / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. – М.: Аспект Пресс, 2004. — 379 с.
424. Моммзен Х. Осмысление недавнего прошлого в Германии после 1945 г. // Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. Международная конференция / под ред. К. Айермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2002. – С. 19-30.

425. Нитхаммер Л. Вопросы к немецкой памяти. – М.: Новое издательство, 2012. – 536 с.
426. Орлов Б.С. Проблематика осмысления прошлого в совместных исследованиях ученых России и Германии. – М.: ИНИОН РАН, 2011. – 227 с.
427. Очерки о европейской идентичности и многокультурности: Сборник / под ред. М.Ю. Мартыновой. – М.: ИЭА РАН, 2013. – 480 с.
428. Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 147-155.
429. Печерский М. Спор немецких историков: между памятью, прошлым и историей // Русский Журнал, 2000. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/2000-Mark-Pecherskij-o-spore-istorikov-v-Germanii>
430. Рулинский В.В. «Проблема вины» в послевоенных дискуссиях германских историков. 1945-1990 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2014. – 176 с. URL: <http://issuu.com/55045/docs>
431. Смагин С. Виновные нации. Концепт «национальной вины» в политическом дискурсе России и Германии // Вопросы национализма, 2013 № 4 (16). URL: <http://ru.scribd.com/doc/203397828/ВОПРОСЫ-НАЦИОНАЛИЗМА-16>
432. Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. – М.: Издательство Московского университета, 2010. – 375 с.
433. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. – М.: Издательство: Наука, 2013. – 655 с.
434. Толерантность и культурная традиция / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: РУДН, 2002. – 447 с.

435. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 16-50.
436. Шеррер Ю. Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=48576>
437. Эхтернкамп Й. «Немецкая катастрофа»? О публичной памяти во Второй мировой войне в Германии // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 147-155.